

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 3 (87) 2022

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)+

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Тебекин А.В. (Москва, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Теоретическая экономия: «и вновь продолжается бой ...»4
Гордеев В.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Последствия игнорирования экономических законов. Уроки Казахстана17
Новиков А.И., Илларионов А.Е.

Исследование влияния инноваций на макроэкономическую динамику в системе посткейнсианской парадигмы.....35
Матризаев Б.Д.

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблемы стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года44
Тебекин А.В.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Государственное регулирование цен на товары как научный концепт: сущность, противоречия и порядок применения в государствах-членах ЕАЭС.....76
Савельева Н.К.

Деньги и бартер как две формы отношений экономического обмена88
Половян А.В., Шматько А.Е.

Особенности и новые тенденции ремиттансов в современных условиях88
Сапир Е.В., Чистякова А.А.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Проблема универсализации показателей оценки уровня цифровой экономики95
Соколов А.М., Иродова Е.Е.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Выявление и оценка факторов, влияющих на цифровую зрелость регионов.....104
Батракова Л.Г.

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ

рецензия на статью С.В. Шкиотова и М.И. Маркина «Сравнительный анализ российских краудлендинговых платформ»131
Варавва М.Ю.

Манифестация капиталорасизма, выполненная представителем банковской элиты в России142
Субетто А.И.

Теоретическая экономия: «и вновь продолжается бой ...»

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vgordeev@rambler.ru

Аннотация. В данной работе главным редактором представлен обзор материалов 3-го (87-го) номера журнала. По мнению редактора, публикации данного номера выступают продолжением боя, перефразируя помещенную в названии цитату из известной песни советского русского поэта Н. Добронравова, за дальнейшие разработку и развитие в журнале выдвинутой нами ещё при его открытии концепции теоретической экономии. Показано, в чем заключается это продолжение в каждой публикуемой работе. Отмечено, что оно присуще выступлениям как известных читателям, так и новых авторов. Первостепенное внимание, как и в предыдущих номерах, уделено актуальным проблемам теоретической экономии, материалам очередной международной научной конференции в Ярославском государственном техническом университете, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономия; конференция в Ярославском техническом университете; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей.

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: «и вновь продолжается бой...»/В.А. Гордеев. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.4-13. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, 3-й (87-й), номер нашего журнала, которым мы продолжаем 12-й год взаимодействия с Вами. По нашему мнению, материалы этого номера являются, перефразируя помещенную в название цитату из известной песни на слова советского русского поэта Н. Добронравова, попытку продолжить бой за дальнейшую разработку и развитие нашей концепции теоретической экономии. Думаем, что такая попытка характеризует публикуемые в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещены две работы. Во-первых, статья под названием «Последствия игнорирования экономических законов. Уроки Казахстана». Её подготовили Новиков Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор, и Илларионов Александр Ефимович, кандидат экономических наук, доцент. Оба они из Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, (г. Владимир, Российская Федерация). Александр Иванович уже известен Вам, уважаемый читатель, и как член редколлегии нашего журнала, и, конечно, как его автор [см., например: 1; 2; 3; 4], а Александр Ефимович публикуется у нас впервые. В их статье рассматриваются вопросы нарушения принципов развития экономики в ущерб социальному развитию на примере республики Казахстан. Анализ показал, что причинами протестных выступлений или толчком революционных событий стали рост инфляции на фоне снижения реальных доходов населения и ошибочный курс Правительства

республики в решении социальных вопросов. В статье была поставлена цель, связанная с выявлением экономических факторов, тенденций и закономерностей, послуживших социальным протестам в Казахстане. В статье поставлены и решены задачи сравнительного анализа экономик Казахстана и России через призму социальных последствий, так как структура их экономик во многом схожая. Учитывая переплетение экономических, социальных, этнических и других процессов, заявлен полиметодологический подход исследования, базирующийся, с одной стороны, на марксистской теории, с другой стороны, - на неоинституциональной теории. Такой подход позволяет построить систему и дать оценку условиям и среде, приведшим к социальному взрыву. Сравнительный анализ экономик Казахстана и России показал, что в Казахстане преобладает рентно-сырьевая экономика, благодаря которой произошла сверхконцентрация национального дохода в пользу национальной элиты. В экономике Российской Федерации наметился крен в пользу самодостаточной модели экономического роста с преимущественной ориентацией на внутренний спрос. Доказано, что государственная политика, реализуемая в Казахстане, вошла в противоречие с экономическими законами формирования и распределения общественных благ, в республике сложилось по существу две экономики, а именно, одна для национальной элиты и зарубежных инвесторов, другая – для остального народа. В системе общественных отношений Казахстана просматривается поляриность социально-экономического развития общества, имеющая этническую и территориальную окраску. В целях недопущения разрастания социального взрыва в Казахстане и недопущения его в России предлагается внесение корректив в модели экономического развития в пользу реализации социальных проектов с учетом тенденций и закономерностей развития национальных экономик на принципах самодостаточной модели с преимущественной ориентацией на внутренний спрос.

Во-вторых, в этой рубрике выступает уже знакомый Вам автор [см., например: 5; 6; 7; 8], Матризаев Бахадыр Джуманиязович, кандидат экономических наук, доцент департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, (г. Москва, Российская Федерация) со статьей «Исследование влияния инноваций на макроэкономическую динамику в системе посткейнсианской парадигмы». Данное исследование основано на постулатах калецкианско–посткейнсианской макроэкономической концепции и главной целью является исследование динамического влияния инноваций на ключевые макроэкономические переменные в контексте развития фондового рынка малого и среднего бизнеса в странах Азиатских Тигров (Гонконге, Сингапуре, Таиланде и Малайзии). Для эмпирического анализа были использованы модель векторной коррекции ошибок и функция импульсного отклика. Полученные в результате эмпирического анализа данные свидетельствуют о том, что развитие инноваций, стимулируемые ростом фондового рынка малого и среднего бизнеса, оказывают небольшое, но положительное влияние на краткосрочную экономическую динамику. Автором обнаружено, что развитие фондового рынка малого и среднего бизнеса способствует экономическому росту за счет сочетания роста частных инвестиций, сбережений и производительности только лишь в Гонконге, Сингапуре и Таиланде. В отличие от фактора фондового рынка, инновации способствуют экономическому росту за счет сочетания этих факторов и увеличения занятости во всех четырех странах.

Затем в рубрике - «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» - представляем в этом номере статью под названием «Проблемы стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Её автор – хорошо известный Вам и как член редколлегии нашего журнала, и как активный его автор [см., например: 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22] Тебекин Алексей Васильевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, (г. Москва, Российская Федерация). В статье проанализированы уроки прошлых периодов в решении проблем модернизации России с точки зрения механизмов стратегического планирования. Рассмотрена существующая

законодательная и нормативно-методическая база стратегического планирования как механизма решения проблем модернизации России. Оценены перспективы и риски будущих периодов развития российской экономики, сопряженные с проблемами стратегического планирования процессов развития на период до 2030-го года. Показано, что существующих законодательных и нормативно-методических требований к стратегическому планированию как к механизму управления вполне достаточно для эффективного решения проблем модернизации российской экономики при условии их неукоснительного выполнения.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в этом номере предлагаются три работы. Во-первых, статья под названием «Государственное регулирование цен на товары как научный концепт: сущность, противоречия, и порядок применения в государствах-членах ЕАЭС». Её подготовила уже известная Вам в качестве автора [см, например: 23; 24; 25; 26] Савельева Надежда Константиновна, кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», (г. Киров, Российская Федерация). На современном рынке, отмечает она, цена является важнейшим естественным регулятором. Достаточно распространенное явление на рынках – государственное регулирование цен на товары. В работе уделено внимание ценовым лимитам, которые устанавливаются производителями и государством. В исследовании подробно рассмотрено государственное регулирование цен на товары как научный концепт. В результате контент-анализа и систематизации научных изысканий выявлено противоречие государственного регулирования цен на товары как научный концепт. Определены следующие преимущества лимитирования цен государством, которые прослеживаются в политиках государств-членов ЕАЭС: повышение ценовой доступности товаров, импортозамещение, борьба с теневой экономикой. Недостатками государственного регулирования цен на товары, в частности, на территории ЕАЭС, признаны: ограничение конкуренции и свободной торговли, понижение качества товаров, уменьшение объема предложения и дефицит товаров, усиление рисков безработицы. Исследован порядок введения временного государственного ценового регулирования на товары в государствах-членах ЕАЭС.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа с названием «Деньги и бартер как две формы отношений экономического обмена», которую прислали впервые выступающие в нашем журнале Половян Алексей Владимирович, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела финансово-экономических исследований Государственного бюджетного учреждения «Институт экономических исследований», (г. Донецк, Донецкая Народная Республика), и Шматько Алексей Евгеньевич, научный сотрудник того же отдела и того же учреждения. Глобальные процессы проникновения информационных технологий в финансовый сектор, отмечают авторы, поставили перед ним новые задачи, связанные с выбором способа организации денежной системы: централизованный или децентрализованный. Поэтому остаётся актуальным вопрос о роли денег в экономике. Для ответа на него предложено использовать метод экономической двойственности. В статье рассматриваются отношения экономического обмена как имеющие двойственную природу, проявляющуюся в наличии или отсутствии предмета – посредника этого обмена, имеющих цель удовлетворение потребностей. Также методом сравнения проводится углубление анализа отношений экономического обмена для раскрытия их сущности. Приводятся примеры обменных взаимодействий, которые исследуются в социальных и естественных науках. В результате выделяется экономическое содержание обменных отношений, характеризующихся отъемлемостью. Делается общий вывод о том, что денежные и бартерные отношения являются двумя формами экономического обмена и других не существует.

В-третьих, завершает рубрику «Современные проблемы мировой экономики» статья под названием «Особенности и новые тенденции ремиттансов в современных условиях». Её написали уже выступавшие у нас таким дуэтом [см., например: 27] Сапир Елена Владимировна, член редколлегии нашего журнала, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г.

Ярославль, Российская Федерация), и Чистякова Анастасия Алексеевна, студентка этого же вуза. В статье представлены результаты анализа данных о международных личных денежных переводах – ремиттансах; выявлены новые тенденции в их развитии. Сформулированы и объяснены два парадокса внешних эффектов ремиттансов: парадокс экономического роста и парадокс неравенства и бедности. Среди макроэкономических долгосрочных эффектов ремиттансов раскрыто такое негативное их следствие как стимулирование демонстративного потребления семей мигрантов и связанная с этим социальная напряжённость, возникающая в тех слоях населения, которые переводами не затронуты. С помощью метода парного корреляционного моделирования проверена и подтверждена гипотеза о том, что расширение миграционных процессов способствует развитию феномена ремиттансов. Выявлена взаимосвязь статистического разрыва между официальными данными о потоках, полученных и оплаченных личных ремиттансов в мире в целом и по отдельным странам с различиями в степени строгости банковского контроля за переводимыми суммами.

Затем Вашему вниманию предлагается рубрика «Творчество молодых исследователей», в которой публикуется статья под названием «Проблема универсализации показателей оценки уровня цифровой экономики», которую написали Иродова Елена Евгеньевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, экономики и предпринимательства ФГБОУ «Ивановский государственный университет», (г. Иваново, Российская Федерация) и Соколов Алексей Михайлович, аспирант 1 курса обучения этого же Ивановского государственного университета.

Елена Евгеньевна уже известна Вам, уважаемый читатель, как автор нашего журнала [см., например: 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36], а Алексей Михайлович выступает у нас впервые. В представленном ими исследовании рассматривается вопрос эффективности подхода и корректного выбора методологии при оценке уровня цифровизации экономики. Проводится анализ универсальности существующих методов. В силу новизны научной работы и отсутствия общепринятых стандартов подбора параметров проводится сравнительный анализ аспектов в рамках спецификации тематики. Принцип работы с большими данными подразумевает использование высокотехнологичных методов анализа для выявления структуры, градации, учета веса каждого значения. Более того, выборка элементов зачастую содержит дифференциальные показатели по качественному и количественному признакам, что ограничивает использование целого ряда научных методов. Различные авторы придерживаются различных систем оценки данных и их первичному анализу. В связи с чем концепция оценки уровня цифровизации носит субъективный характер. Для решения данной проблемы в предлагаемой статье формируется набор критериев отбора эффективности подхода исследования. Проводится анализ микро- и макроэкономических показателей стран с последующим формированием выборки панельных данных. Для качественного исследования подобранных коэффициентов важно учитывать экономические особенности цифровизации стран путем составления соответствующей выборки панельных данных и дальнейшего расчета корреляции, пропущенных регрессоров, а также ошибки предполагаемой модели. Результатом исследования является выбор эффективной модели для оценки уровня развития цифровизации экономики.

В следующей рубрике, «Научная жизнь», публикуется материал доклада, с которым на пленарном заседании 9.12.2021 выступила уже известная Вам, уважаемый читатель, по предыдущим публикациям в нашем журнале [см.: 9 и 10] Батракова Людмила Георгиевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация) по теме «Выявление и оценка факторов, влияющих на цифровую зрелость регионов». Работа посвящена анализу процесса цифровой трансформации, который затронул все сферы бизнеса, но протекает неоднозначно, т.к. даже развитые страны мира находятся на разных уровнях «цифровой зрелости». Цифровая трансформация – это не достижение абстрактной зрелости, а завоевание того ее уровня, который соответствует самому субъекту. Поэтому к актуальным задачам современных исследований отнесен анализ проблем развития цифровизации, в частности, задачи оценки и выявления факторов,

влияющих на цифровую зрелость. Переход на цифровые технологии повышает конкурентоспособность национальной экономики, они не только помогают решать коммуникационные, управленческие, образовательные и другие задачи, но и дают возможность повышать качество предоставления госуслуг. В работе сформулированы цели социально-экономических субъектов для достижения цифровой зрелости. Отмечено, что значимым фактором развития цифровой экономики стал достигнутый уровень человеческого капитала. И здесь важно понимать, что цифровая экономика значительно изменила рынок труда, наиболее важными стали цифровые умения и навыки, появились новые профессии, набор компетенций перестал быть статичным, а профили специальностей стали динамичными. В результате исследования было установлено, что уровень цифровой зрелости значительно отличается в регионах и муниципалитетах, и такая дифференциация затрудняет цифровую трансформацию госуправления и требует мер с учетом региональной специфики. В работе была сформирована система показателей PESTI-анализа для установления стратегических точек роста и оценки факторов, влияющих на уровень цифровой зрелости региона. Важность показателя цифровой зрелости усиливается тем, что он включен в критерии рейтинга руководителей цифровой трансформации субъектов РФ.

Далее, в рубрике «Рецензии, отклики», публикуются две работы. Во-первых, материал под названием «Опыт функционирования краудлендинговых платформ в России (рецензия на статью С.В. Шкиотова и М.И. Маркина «Сравнительный анализ российских краудлендинговых платформ»)». Его подготовила известная Вам, уважаемый читатель, как автор нашего журнала [см., например: 37; 38; 39] Варавва Маргарита Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент Оренбургского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, (г. Оренбург, Российская Федерация). В нем представлена оценка предпринятого авторами рецензируемой статьи сравнительного анализа опыта работы в краткосрочный период нескольких ведущих российских краудлендинговых платформ. Отмечено, что на основе маркетингового подхода авторы сегментировали российский рынок краудлендинговых финансовых услуг, выделив его существенные признаки. Рассмотрены общие и особенные черты формирования краудлендинговых платформ, их положительные эффекты и риски. Проанализированы факторы привлекательности для развития российского рынка краудлендинга. Показано, что сделанный авторами вывод о том, что модель краудлендинговых платформ – это реальная альтернатива привлечения свободных финансовых ресурсов для малых форм бизнеса, отражает реалии отечественного опыта краудлендинга.

Во-вторых, в этой рубрике Вашему вниманию представлен материал под названием «Манифестация капиталорасизма, выполненная представителем банковской элиты в России (реплика на «острую тему»)». Его автор - Субетто Александр Иванович, доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Премии Правительства РФ, директор Центра Ноосферного Развития Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), который известен Вам, уважаемый читатель, как активно публикующийся в нашем журнале. Данная работа представляет собой «реплику» автора, в форме теоретического анализа, на появившееся в печати, в сентябре 2021 года предложение об отмене гарантий государства по надежности пенсионного обеспечения в России, и передаче их рыночным регуляторам. Автор аргументирует, это такая социальная инициатива видного представителя банковской элиты России является формой проявления «капиталорасизма». Обосновывается, что любые формы проявления капиталорасизма системы глобального империализма мировой финансовой капиталократии – это только сигналы экологической агонии этой системы. Стратегия выживания человечества на Земле в XXI веке, доказывает А.И. Субетто, связана с его переходом к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму и соответственно к управляемой социоприродной эволюции, теоретические основы которого в форме Ноосферизма разработаны в России.

Таково основное содержание материалов 3-го (87-го) номера. Как видите, они, действительно,

представляют собой попытку продолжения боя, перефразируя Н. Добронравова, за разработку и развитие выдвинутой нами более 11 лет назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новиков, А.И. Рецензия на статью В.Е. Гулытьева, В.И. Пештиева и Л.А. Титовой «Концептуальные основы среднесрочной стратегии России» // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 6. — С. 50-58. / А.И. Новиков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 1. — С. 138-141. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

2. Новиков, А.И. Вопросы методологии и гносеологии в развитии цифровой экономики / А.И. Новиков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 10. — С. 26-31. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

3. Новиков, А.И. Дискуссия по вопросу стратегических аспектов продовольственной безопасности / А.И. Новиков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 10. — С. 102-107. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Новиков, А.И., Старикова Т.В., Гречкова Я.А. Социально-экономические и политические ориентиры современной российской молодежи / А.И. Новиков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 12. — С. 32-42. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

5. Матризаев, Б.Д. Исследование социально-технических основ современной трехполярной системы инновационной политики / Б.Д. Матризаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 6. — С. 53-62. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

6. Матризаев, Б.Д. Исследование методологических особенностей системно-динамических контуров долгосрочного инновационного развития / Б.Д. Матризаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 7. — С. 74-85. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Матризаев, Б.Д. Исследование механизмов формирования и интеграции системных ресурсов для инноваций на глобальном уровне / Б.Д. Матризаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 11. — С. 52-62. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Матризаев, Б.Д. Исследование теоретических предпосылок макроэкономических основ эволюционной теории инноваций / Б.Д. Матризаев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. — № 1. — С. 15-27. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Батракова, Л.Г. Человеческий капитал в экономике 21 века: политэкономический аспект / Л.Г. Батракова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 7. — С. 51-58. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Батракова, Л.Г. Социально-экономическое неравенство регионов России / Л.Г. Батракова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 10. — С. 126-129. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Тебекин, А.В. Проблемы развития современной политэкономии / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 1. — С. 11-28. [Электронный ресурс] - Режим

доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Выбор подхода к формированию стратегии, обеспечивающей выход из глобального социально-экономического кризиса 2020 года / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 5. — С. 44-67. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

13. Тебекин, А.В. Оценка качества взаимосвязи составляющих триады управления социально-экономическими системами «цель-измеримость-практическая реализация» / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 11-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

14. Тебекин, А.В. Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 9. — С. 10-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

15. Тебекин, А.В. Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 10. — С. 11-27. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

16. Тебекин, А.В. Институциональные факторы распространения серой теневой экономики в России / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 4. — С. 49-65. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

17. Тебекин, А.В. Рецензия на проект рабочей программы учебного курса «Экономическая теория» / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 5. — С. 120-122. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

18. Тебекин, А.В. Анализ проблем развития населенных пунктов Российской Федерации / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 6. — С. 82-93. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

19. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Является ли инициатива «Индустрия 4.0» промышленной революцией? / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 7. — С. 59-73. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

20. Тебекин, А.В. Возможность использования положений школы предпринимательства для преодоления национальной экономикой системного кризиса / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 8. — С. 37-49. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

21. Тебекин, А.В. Риски роста «пузыря» на мировом финансовом рынке / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 9. — С. 72-86. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

22. Тебекин, А.В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 10. — С. 13-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

23. Савельева, Н.К. Этимология и эволюционирование понятия конкуренция / Н.К. Савельева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 3. — С. 11-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

24. Савельева, Н.К., Созинова А.А. Анализ влияния мирового финансово-экономического кризиса на трансформацию хозяйственных систем / Н.К. Савельева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 5. — С. 80-86. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

25. Савельева, Н.К., Данилова М.В. Рынки несовершенной конкуренции в энергетике: модели и перспективы развития / Н.К. Савельева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 61-68. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

26. Савельева, Н.К., Созинова А.А., Палкина М.В., Караулов В.М. Оценка инновационного развития депрессивных регионов / Н.К. Савельева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 11. — С. 42-60. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

27. Сапир, Е.В., Чистякова А.А. Промышленные кластеры мировой экономики: типологические критерии и их оценка / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 11. — С. 63-72. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

28. Иродова Е.Е., Шиянова Н.В. О месте и роли малого бизнеса в региональной экономике / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. — № 6. — С. 30-38. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

29. Иродова, Е.Е. Историко-логический подход в исследовании проблем становления и развития акционерных обществ / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2014. — № 6. — С. 37-44. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

30. Иродова, Е.Е., Алексеева С.В. Механизм государственно-частного партнерства / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. — № 6. — С. 135-142. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

31. Иродова, Е.Е., Алексеева С.В. Функции государственно-частного партнерства / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 3. — С. 161-170. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

32. Иродова, Е.Е. Отзыв на статью М.Б. Абрамовой «О проблемах и тенденциях развития российского фармацевтического рынка» / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 3. — С. 213-216. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

33. Иродова Е.Е. Отзыв на статью Н.В. Бурлаковой, Т.И. Субач, Н.В. Цугленка «Прогноз производства валового регионального продукта в Красноярском крае, республике Хакасия и республике Тыва» / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 6. — С. 123-128. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

34. Иродова, Е.Е. Отзыв на статью Н.А. Вахрушевой, В.И. Корнякова, М.Л. Альпидовской «Экономическое развитие социума, его направление» / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 9. — С. 89-95. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

35. Иродова, Е.Е. Отзыв на статью В.И. Корнякова, Н.А. Вахрушевой «Технологическое отставание или нацеленное технологическое удушение?» / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 11. — С. 96-102. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

36. Иродова, Е.Е. Глобальные дисбалансы современной мировой экономики в аспекте соотношения реального и финансового сектора / Е.Е. Иродова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. — № 8. — С. 76-83. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

37. Варавва, М.Ю. Информация, знания, научные знания как базовые категории новой экономики / М.Ю. Варавва // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 2. — С. 120-

127. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

38. Варавва М.Ю. Отклик на рецензию Бондыревой И.Б. по статье Варавва М.Ю. «Информация, знания, научные знания как базовые категории новой экономики» /М.Ю. Варавва // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 6. — С. 129-130. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

39. Варавва, М.Ю. Усиление внешних позитивных эффектов научного знания в новой экономике / М.Ю. Варавва // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 7. — С. 42-50. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

Theoretical economy: «and the buttle continues again ...»

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Annotation. In this work, the chief editor provides an overview of the materials of the 3rd (87th) issue of the magazine. According to the editor, the publications of this issue are a continuation of the battle, paraphrasing the quotation placed in the title from the well-known song of the Soviet Russian poet N. Dobronravov, for further development in the journal nominated by us while opening the concept of theoretical economy. It is shown what is this continuation in each published work. It is noted that it is inherent on performances as well-known for readers and new authors. Priority attention, as in the previous issues, is given to topical problems of theoretical economy, materials of the next International Scientific Conference at the Yaroslavl State Technical University, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the global economy, the work of young researchers.

Keywords: theoretical economy; conference at Yaroslavl Technical University; new industrialization; modern problems of the world economy, creativity of young researchers

Последствия игнорирования экономических законов. Уроки Казахстана.

Новиков Александр Иванович

доктор экономических наук, профессор,
Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия.
E-mail: Novikov-ivanovo50@yandex.ru

Илларионов Александр Ефимович

кандидат экономических наук, доцент,
Владимирский филиал РАНХиГС, г. Владимир, Россия.
E-mail: illarionov_a@vlad.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нарушения принципов развития экономики в ущерб социальному развитию на примере республики Казахстан. Анализ показал, что причинами протестных выступлений или толчком революционных событий стали рост инфляции на фоне снижения реальных доходов населения и ошибочный курс Правительства республики в решении социальных вопросов. В статье была поставлена цель, связанная с выявлением экономических факторов, тенденций и закономерностей, послуживших социальным протестам в Казахстане. В статье поставлены и решены задачи сравнительного анализа экономик Казахстана и России через призму социальных последствий, так как структура их экономик во многом схожая.

Учитывая переплетение экономических, социальных, этнических и других процессов заявлен полиметодологический подход исследования, базирующийся, с одной стороны, на марксистской теории, с другой стороны, - на неoinституциональной теории. Такой методический подход позволяет построить систему и дать оценку условиям и среде, приведшим к социальному взрыву.

Сравнительный анализ экономик Казахстана и России показал, что в Казахстане преобладает рентно-сырьевая экономика, благодаря которой произошла сверх концентрация национального дохода в пользу национальной элиты. В экономике Российской Федерации наметился крен в пользу самодостаточной модели экономического роста с преимущественной ориентацией на внутренний спрос.

Доказано, что государственная политика, реализуемая в Казахстане, вошла в противоречие с экономическими законами формирования и распределения общественных благ, в республике сложилось по существу две экономики, а именно, одна для национальной элиты и зарубежных инвесторов, другая – для остального народа.

В системе общественных отношений Казахстана просматривается полярность социально-экономического развития общества, имеющая этническую и территориальную окраску.

В целях недопущения разрастания социального взрыва в Казахстане и недопущения его в России предлагается внесение корректив в модели экономического развития в пользу реализации социальных проектов с учетом тенденций и закономерностей развития национальных экономик на принципах самодостаточной модели с преимущественной ориентацией на внутренний спрос.

Ключевые слова: экономика, рента, Казахстан, Россия, социальный взрыв.

JEL codes: A13, B24

Для цитирования: Новиков, А.И. Последствия игнорирования экономических законов. Уроки Казахстана / А.И. Новиков, А.Е. Илларионов. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_14. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.14-20. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_14

Введение

Многотысячные акции протеста в Казахстане в январе 2022 года привели не только к массовым погромам и уничтожению государственных объектов, но и физическому уничтожению

представителей силовых структур и гражданского населения. Эти события приобрели характер социальной революции [14].

Для мирового сообщества политические события в Казахстане стали полной неожиданностью, так как произошли во внешне благополучной стране, которая, несмотря на признаки авторитарного режима, в предыдущие годы динамично развивалась [12].

Формулирование проблемы

Причинами протестных выступлений или толчком революционных событий стали рост инфляции на фоне снижения реальных доходов населения и ошибочный курс Правительства республики в решении социальных вопросов. В условиях пандемии (2020-2021 гг.) рост экономики Казахстана сократился, инфляция набрала обороты и за последние два года инфляция на продовольственные товары превысила 10%. В январе 2022 года цены на сжиженный газ (основной системообразующий товар), являющийся основным источником энергии для нужд населения и автотранспорта, возросли в два раза. На фоне социальной незащищенности основной массы народа и вызывающего поведения некоторой части национальной элиты это обстоятельство спровоцировало социальный взрыв: люди вышли на протестные акции. Этим воспользовались конкурирующие кланы, которые при социальной неоднородности общества и этнических различий направили эти протесты на разрушение государственных институтов власти, инфраструктуры и разграбление частной собственности. В данной статье ставится задача выявить причинные факторы социальных революций в условиях геополитических изменений, в том числе обусловленных пандемией.

Ответы на вопросы относительно природы социальных революций можно найти в трудах Т. Скочпол [11], Ю. Шулика [12]. Первопричины социальных взрывов экономического характера представлены в трудах В. Рязанова [10], А. Schedlera [13], сущностно-содержательных (эндотерических) аспектов присвоения общественных благ – в трудах В. Гордеева и С. Шкиотова [2], факторов образования социальных напряжений и их проявление – в трудах А. Илларионова и А. Новикова [4], [7] и др.

В этой статье поставлена цель – выявить экономические факторы, тенденции и закономерности и установить их влияния на предпосылки социальных взрывов (революций).

Одной из задач исследования является уточнение понятийного аппарата модели социально-экономического развития Казахстана, располагающего богатейшими природными ресурсами.

Вторая задача заключалась в сравнительном анализе и оценке двух экономик Казахстана и России через призму социальных последствий, так как структура их экономик во многом схожая.

Обоснование гипотезы: обобщение литературных источников и анализ военно-политических событий в январе 2022 года в Казахстане позволяют нам выдвинуть следующие гипотезы:

1. При каких условиях внутренней жизни страны и внешних геополитических напряжениях возможны социальные взрывы (революции).

2. При каких условиях игнорирование экономических законов следует рассматривать в качестве предпосылок социальных взрывов (революций).

Теоретическое и методическое сопровождение исследования

Экономическая политика государства, опираясь на теоретические и методические разработки и модели, призвана трансформировать положительные тенденции социально-экономического развития в интересах всего общества [5].

Масштабность рассматриваемых процессов настоящей статьи предполагает полиметодологический подход исследования.

Во-первых, через творческое развитие марксистской политэкономии планируется дать характеристику сущностно-содержательного (эндотерического) аспекта таких категорий, как собственность, распределение (перераспределение) общественных благ и формы их присвоения [2]. В целях объяснения причин и поиска решений выхода из этого положения нельзя проигнорировать выводы марксистской теории относительно рентных отношений, версии перераспределения дохода

от эксплуатации природных ресурсов в современных условиях [6].

Во-вторых, в рамках неонституциональной теории планируется дать оценку действиям и планируемым мероприятиям Правительства Республики Казахстан. Через призму этой теории нами отмечается, что в Казахской республике произошла концентрация финансовых ресурсов в интересах определенных кланов вместо рациональной модели распределения общественных благ в интересах всего общества (народа). Это наглядно отразилось в рентоориентированном поведении чиновников. Это свойственно рентно-сырьевой модели развития экономики [7]. Методический подход на базе неонституциональной теории позволяет нам построить систему и дать оценку условиям и среде, приведшим к социальному взрыву.

Социальный взрыв, случившийся в Республике Казахстан, отражает проблемы качества управления природными ресурсами, регулирования и распределения доходов от нефтегазового сектора. Этому процессу способствовали инфляционные процессы (рост цен на газ), слабость социальных институтов по защите населения или их отсутствие.

Более конкретно, условиями ее появления являются, во-первых, ограниченность природных ресурсов в мире и наличие углеводородного сырья и урановых руд в Казахстане, во-вторых, действие монополии хозяйствования и закрепления используемых природных ресурсов за отдельными экономическими агентами (кланами). Можно считать, что рента своим источником имеет создаваемый прибавочный продукт.

Результаты исследования

1. Во-первых, поиск ответов относительно первопричин социальной революции в Казахстане предполагает уточнение понятийного аппарата. В научной литературе ресурсно-сырьевую модель государственного устройства в странах, богатых сырьевыми ресурсами, описывают по-разному:

- голландская болезнь – снижение эффективности экономики страны из-за увеличения экспорта сырьевых ресурсов. Термин впервые появился в публикации журнала *Economist* в ноябре 1977 года;

- парадокс изобилия (ресурсное/сырьевое проклятие) – это явление, когда страны с изобилием природных ресурсов имеют меньший экономический рост, меньшую демократию и худшие результаты развития;

- рентно-сырьевая экономика – позволяет осуществлять сверхконцентрацию национального дохода, что приводит к гиперразрыву в доходах между верхами и низами общества;

- ресурсообеспеченное государство характеризуется соотношением между величиной природных ресурсов и размерами их использования, в первую очередь для внутреннего потребления и их внутренней переработки.

По мнению В. Рязанова, страны, богатые природными ресурсами, можно разделить на два вида, а именно на ресурсообеспеченные государства и рентно-сырьевые страны [10].

Ресурсообеспеченное государство имеет конкурентное преимущество, позволяющее реализовать самодостаточную модель экономического роста с преимущественной ориентацией на внутренний спрос [9]. В России в связи с приходом в Правительство государственников (М. Мишустин, А. Белоусов, Ю. Борисов и др.) наметилась тенденция перехода к такому типу государства.

Казахстан же, по нашему убеждению, продолжает оставаться рентно-сырьевой страной. В Казахстане добывающий сектор хозяйства занимает доминирующее место в структуре государственного бюджета и его доли в ВВП и инвестиционные ресурсы преимущественно направляются в добывающий сектор, что усиливает действие фактора «зависимости».

2. Сравнительный анализ социально-экономического развития Казахстана и России показал, что объем ВВП Казахстана вырос почти в 17 раз — с 11,4 млрд долл. в 1993 до 187,8 млрд долл. в 2021 году. На душу населения ВВП составил примерно 10 тыс. долл. (численность населения в Казахстане – 19,062 млн человек) [15]. Для сравнения, ВВП России за 2020 г. составил 4328 млрд долл., на душу населения – 11,8 тыс. долл. В Глобальном рейтинге конкурентоспособности Казахстан занял 35-е место, Россия – 45-е место [16].

Казахстан и Россия имеют схожую структуру экономики. По итогам за 2019 год доля добывающей промышленности в Казахстане составила 15%, обрабатывающей промышленности – 11%. В России эти показатели составляют, по данным Росстата, соответственно 13 и 15 процентов.

Казахстан и Россия имеют профицитный бюджет, который позволяет формировать фонд национального благосостояния, в Казахстане он равен 59 млрд долл., в России – 185,2 млрд долл. Более глубокий анализ социально-экономического развития Казахстана показал, что в этой республике сложилось по существу две экономики, а именно, одна для национальной элиты и зарубежных инвесторов, другая – для простых обывателей, претендующих на свою долю национального богатства и общественных благ, вследствие чего казахское общество оказалось расколотым.

В период с 1993 по 2021 год сумма инвестиций, привлеченных Казахстаном, составила почти 330 млрд долл., но практически все инвестиции были направлены в сектор, связанный с добычей сырья. Причем многие зарубежные компании имеют налоговые преференции, особенно в нефтегазовой промышленности.

3. По нашему мнению, государственная политика, реализуемая в Казахстане, вошла в противоречие с экономическими законами по следующим основаниям. Сверхплановые доходы, приносимые экспортом нефти и газа, обеспечили экономический рост и благополучие страны (доходы от экспорта углеводородов позволили Казахстану накопить значительные нефтяные резервы, достигшие на конец 2020 года 94 млрд долл., в том числе средства в Национальном фонде (аналог российского ФНБ) - 59 млрд долл.) [17].

Экономическая модель Казахстана далеко не такая современная, как может показаться со стороны. Вопросы структурных реформ и технической и технологической модернизации в условиях внешнего благополучия откладывались на неопределенное будущее.

Анализ показал, что полярность социально-экономического развития общества в республике Казахстан имеет не только социально-демографическую окраску, но и этническую, территориальную и прочие аспекты. Эти аспекты нашли подтверждение в географии и масштабах социальных взрывов (волнения произошли на юге Казахстана).

По данным Казахстана численность населения за последние 30 лет возросла с 16963 в 1991 году до 19215 тыс. чел. по состоянию на 01.01.2021 года. Это произошло на фоне отрицательной миграции или отъезда русскоязычного населения из республики (сальдо миграции минус 50 тыс. человек). В республике возросла рождаемость с 21 до 23,8 человек, а естественный прирост составил 14,2 на 1000 человек населения.

Демографический прирост произошел в первую очередь на сельских территориях в южных областях. За ростом численности населения в этих регионах не произошло динамических изменений в структуре и численности социальных объектов, увеличении численности рабочих мест. Доля безработных в южных областях на отдельных территориях достигает до 10% экономически активного населения.

Высшие профессиональные учебные заведения оказались преимущественно частные, нацеленные прежде всего на продажу дипломов, а не на организацию качественного образования.

Структура экономики претерпела изменения в пользу добывающей промышленности. В частности, за последние 30 лет добыча нефти возросла с 26,6 млн т в 1991 году до 86 млн т в 2020 году, добыча газа возросла с 7,9 млрд куб. м в 1991 г. до 55, 1 млрд куб. м в 2020 г.

Анализ показал, что экономическая модель Казахстана, в сущности, стала представлять собой сделку между хозяевами сырьевого бизнеса (преимущественно зарубежными инвесторами) и хозяевами страны (правящий клан). В Казахстане природные ресурсы добываются и экспортируются преимущественно иностранными компаниями (более 70% нефтяного бизнеса Казахстана находится под контролем иностранных компаний).

В отличие от Казахстана доля государственного сектора в России на порядок выше и меньшая зависимость экономики от энергетического сырья. По итогам 2021 года не сырьевой неэнергетический

экспорт в России превысил 191 млрд долл. В том числе экспорт химпрома увеличился на 54%, металлургии – на 52%, машиностроения – на 31%, продовольствия – на 23% [3].

4. В соответствии с типологией А. Шедлера ключевой характеристикой электорального авторитаризма является то, что избирательные институты в Казахстане настолько сильно ирегулярно искажались в интересах властвующей группировки, что стали походить на инструмент легитимации и удержания властных позиций авторитарными правителями [13].

5. На примере Казахстана подтвердились научные положения относительно того, что в ресурсно-богатых странах в большинстве случаев отмечаются более высокие уровни ВВП на душу населения, хотя для них и свойственны более низкие темпы экономического роста. В условиях пандемии в Казахстане произошло резкое торможение «потребительского» сектора экономики на фоне такого же резкого ускорения «сырьевого» сектора, что вызвало сильнейшее разочарование людей. Заработная плата в долларовом исчислении составила за 2021 год в Казахстане 573 долл., в России – 731 долл., средний размер пенсий в Казахстане составил 107 долл., в России – 213 долл. [1]. В то же время рост инфляции в 2020 г. составил 7,5%, а в 2021 г. — 8,9%. Продовольствие подорожало еще сильнее: в 2019 г. цены на него повысились на 11,3%, в 2020 г. – на 10,9%.

Заключение

1. Сырьевая экономика имеет два значения. В Казахстане сохранилась модель рентно-сырьевой экономики. В России произошло переориентирование в пользу ресурсообеспеченного государства.

2. В целях недопущения разрастания социального взрыва в Казахстане и недопущения его в России предлагается внесение корректив в модель экономического развития в пользу реализации социальных проектов с учетом тенденций и закономерностей развития национальных экономик на принципах самодостаточной модели с преимущественной ориентацией на внутренний спрос и глубокой переработки сырья с высокой добавленной стоимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков К., Тихонов С. Тенге любят тишину // Рос. газ. – 14 января 2022 г. – № 7(8653).
2. Гордеев В. А., Шкиотов С. В., Маркин М. И. Концепция теоретической экономики как использование и развитие марксизма // Теоретическая экономика. – 2018. – № 4 (46). – С. 18-21.
3. Загайнов М. Не нефтью единой. Несырьевой неэнергетический экспорт вырос на треть // Рос. газ. – 21 января 2022. – № 13 (8661).
4. Илларионов А. Е., Картухин В. Ю., Жамбровский В. М., Новиков А. И., Тогунов И. А. Народо-сохранение и(или) сбережение здоровья людей: социальные, экономические, правовые, медицинские и экологические аспекты: Монография / Под общей ред. А. И. Новикова. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. – 324 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38488475>.
5. Новиков А. И. Измерение экономических процессов реформирования экономики России: методологические аспекты // «Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики». Том II: Сборник докладов. Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – М.: ИНИР, культурная революция. 2016. – С. 572-580. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1642762417&tld=ru&lang=ru&name=%25D0%25A1%25D0%25B1%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BA-%25D0%25>
6. Новиков А. И. Экономическая и социальная модернизация как условие неоиндустриального развития России // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник / Отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. – С. 78-82. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30339498>
7. Новиков А. И., Илларионов А. Е., Старостин А. В. Инструментальная база социально-экономического развития России: оценка и направления ее формирования // Теоретическая экономика. – 2018. – № 5 (47). Режим доступа: <http://www.ystu.ru/download/TheorEconom/5-2018.pdf>

8. Новиков А. И. Экономическая и социальная модернизация как условие неоиндустриального развития России // Россия: Тенденции и перспективы развития: Ежегодник / Отв. ред. В. И. Герасимов. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. – С. 78-82. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30339498>
9. Новиков А. И. Болезни российской экономики и методы ее лечения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: экономика. – Выпуск 1 (43). – 2020. – С. 7-17. Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?clid=2186617&text=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0>
10. Рязанов В. Т. Экономика рентных отношений в современной России // Христианское чтение. – 2011. – № 4 (39). – С.149-176.
11. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. – М., 2017.
12. Шулика Юлия Евгеньевна. Анализ выживаемости авторитарных режимов в рентно-сырьевых экономиках: возможности и ограничения модели пропорциональных рисков. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38072946> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Schedler A. The logic of electoral authoritarianism // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, CO, und London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 1–23.
14. Новости России и мира [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=казахстан+социальная+революция+2022+год&path=wizard&parent-reqid=1642245981708259-274326739545222720-sas2-0843-sas-17-balancer-8080-BAL-2221&wiz_type=vital&filmId=10522040284243413353&url=http%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3DY9YhENgYa0Q (дата обращения: 15.01.2022).
15. Две экономики Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/09/dve-ekonomiki-kazakhstana> (дата обращения: 15.01.2022).
16. Неприятные вопросы к экономике Казахстана: чем живет республика и причём тут Россия? [Электронный ресурс]. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/nepriyatnye-voprosy-k-ekonomike-kazakhstana-chem-zhivet-respublika-i-prichyom-tut-rossiya> (дата обращения: 15.01.2022).
17. Анализ выживаемости авторитарных режимов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38072946> (дата обращения: 15.01.2022)

Consequences of ignoring economic laws. Kazakhstan's experience.

Novikov Alexander Ivanovich

Doctor of Economics, Professor,
Vladimir branch of RANEPА, Vladimir, Russia.
E-mail: Novikov-ivanovo50@yandex.ru

Illarionov Alexander Efimovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Vladimir branch of RANEPА, Vladimir, Russia.
E-mail: illarionov_a@vlad.ranepa.ru

Annotation. The article discusses the issues of violation of the principles of economic development to the detriment of social development on the example of the Republic of Kazakhstan. The analysis showed that the reasons for the protests or the impetus for the revolutionary events were the growth of inflation against the background of a decrease in real incomes of the population and the erroneous course of the Government of the Republic in solving social issues. The article set a goal related to the identification of economic factors, trends and patterns that served social protests in Kazakhstan. The article sets and solves the tasks of comparative analysis of the economies of Kazakhstan and Russia through the prism of social consequences, since the structure of their economies is largely similar.

Taking into account the interweaving of economic, social, ethnic and other processes, a polymethodological approach of research is stated, based, on the one hand, on Marxist theory, on the other hand, on neo-institutional theory. Such a methodical approach allows you to build a system and assess the conditions and environment that led to a social explosion. A comparative analysis of the economies of Kazakhstan and Russia showed that Kazakhstan is dominated by a rent-based economy, thanks to which there was a super concentration of national income in favor of the national elite. In the economy of the Russian Federation, there has been a tilt in favor of a self-sufficient model of economic growth with a predominant focus on domestic demand.

It is proved that the state policy implemented in Kazakhstan has come into conflict with the economic laws of the formation and distribution of public goods, there are essentially two economies in the republic, namely, one for the national elite and foreign investors, the other for the rest of the people. In the system of public relations of Kazakhstan, the polarity of the socio-economic development of society, which has an ethnic and territorial coloring, is visible. In order to prevent the expansion of the social explosion in Kazakhstan and to prevent it in Russia, it is proposed to make adjustments to the economic development models in favor of the implementation of social projects, taking into account the trends and patterns of development of national economies on the principles of a self-sufficient model with a predominant focus on domestic demand.

Keywords: economy, rent, Kazakhstan, Russia, social explosion.

Исследование влияния инноваций на макроэкономическую динамику в системе посткейнсианской парадигмы

Матризаев Бахадыр Джуманиязович

кандидат экономических наук, доцент,

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация.

E-mail: matrizaev@mail.ru

Статья выполнена в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Теоретические основы формирования новой парадигмы управления социально-экономическим, технологическим и финансовым развитием России: междисциплинарный синтез эволюционных и волновых концепций»

Аннотация. Данное исследование основано на постулатах кейнсианско-посткейнсианской макроэкономической концепции и главной целью является исследование динамического влияния инноваций на ключевые макроэкономические переменные в контексте развития фондового рынка малого и среднего бизнеса в странах Азиатских Тигров (Гонконге, Сингапуре, Таиланде и Малайзии). Для эмпирического анализа были использованы модель векторной коррекции ошибок и функция импульсного отклика. Полученные в результате эмпирического анализа данные свидетельствуют о том, что развитие инноваций, стимулируемые ростом фондового рынка малого и среднего бизнеса, оказывают небольшое, но положительное влияние на краткосрочную экономическую динамику. Автором обнаружено, что развитие фондового рынка малого и среднего бизнеса способствует экономическому росту за счет сочетания роста частных инвестиций, сбережений и производительности только лишь в Гонконге, Сингапуре и Таиланде. В отличие от фактора фондового рынка, инновации способствуют экономическому росту за счет сочетания этих факторов и увеличения занятости во всех четырех странах.

Ключевые слова: инновации, макроэкономические показатели, экономический рост, финансовые факторы.

JEL codes: B00, B15, B41

Для цитирования: Матризаев, Б.Д. Исследование влияния инноваций на макроэкономическую динамику в системе посткейнсианской парадигмы / Б.Д. Матризаев. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_21. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.21-35. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_21

Введение

Численность фондовых рынков, наиболее активно развивающихся как инструмент поддержания инвестиционной активности, стала наиболее активно увеличиваться с 1990-х годов, достигнув в общей сложности 51 биржи в 2018 году, из которых почти четверть расположена в Азии [58]. В течение 2000-2018 гг., в совокупности субъектами малого и среднего бизнеса всего мира было привлечено 185 миллиардов долларов США посредством первичного публичного размещения акций (IPO) и Специализированного размещения акций (SEO) [44]. Это соответствует значению глобального кредитного разрыва для субъектов малого и среднего бизнеса на уровне 5,8%, что эквивалентно 30% от общего непогашенного остатка кредитов субъектов малого и среднего бизнеса [29]. Имеются также исследования, свидетельствующие о том, что успешное развитие фондового рынка может повысить ежегодную долю малого и среднего бизнеса в совокупном объеме ВВП рассматриваемой страны на 0,1–0,2% [46].

Таким образом, фондовые рынки с участием субъектов малого и среднего >бизнеса превратились в важный источник финансирования их инвестиций, поскольку главной целью их участия на фондовом рынке является борьба за доступ к важному источнику финансирования для инноваций. Согласно классическому определению, инновацию можно рассматривать как процесс, включающий

исследования и разработки и приобретение необходимых ресурсов для разработки и реализации основных ценностных предложений фирм [22]. Соответственно, большой приток капитала в инновации потенциально приводит к увеличению числа патентов и товарных знаков, получаемых субъектами малого и среднего бизнеса [48], что, следовательно, стимулирует совокупный спрос и экономический рост. Таким образом, рост фондовых рынков с участием субъектов малого и среднего бизнеса можно рассматривать как ключевой катализатор инноваций. И чем больше инноваций, тем выше интрадидулативный эффект для более высокого экономического роста [2], [6], [10].

Учитывая, что фондовые рынки играют ключевую роль в нивелировании кредитных разрывов для субъектов малого и среднего бизнеса и являются ключевым катализатором инноваций [1], [5], [7], развитие фондовых рынков и инноваций потенциально может оказать синергетический эффект на различные факторы экономического развития. Тем не менее, такой синергетический эффект еще предстоит исследовать либо во взаимосвязи финансового роста, либо во взаимосвязи инноваций и роста. По двум вышеуказанным аспектам имеется достаточно широкое количество эмпирических исследований, но они сосредоточены лишь на влиянии каждого фактора в отдельности, и их результаты остаются неубедительными применительно к разным странам, что указывает на необходимость дальнейших исследований. Что еще более важно, с точки зрения методологического подхода, во многих существующих исследованиях не удается проверить эти взаимосвязи в структурных макроэкономических подходах и моделях.

Сдругой стороны, калецкианско–посткейнсианская модель роста известна как интегрированная система поведенческих функций макроэкономического анализа [12]. Модель эффективно демонстрирует функциональную взаимосвязь между частными инвестициями, сбережениями, распределением доходов, ростом производительности, чистым экспортом и занятостью.

Хотя модель была дополнена [12], с учетом влияния показателей финансового развития, однако конкретные роли фондовых рынков и инноваций в финансовых системах пока еще остаются малоисследованными. Таким образом актуальность данного исследования объясняется значительным пробелом в имеющихся исследованиях, которые мотивируют к более детальному исследованию в данном направлении, наряду с некоторыми теоретическими уточнениями для дальнейшего улучшения понимания макроэкономической сути модели Калецкого.

Таким образом, основной вклад данного исследования состоит в большей конкретизации и расширенном исследовании синергетического эффекта развития фондового рынка и инноваций на основные макроэкономические показатели, используя калецкианско–посткейнсианскую модель. Данное исследование отличается тем, что в нем предлагается как теоретический, так и эмпирический анализ, с использованием расширенной калецкианско–посткейнсианской модели роста. В частности, показатели развития фондового рынка и инноваций были включены в поведенческие функции частных инвестиций, внутренних сбережений, роста производительности и занятости. Таким образом, теоретическая основа калецкианско–посткейнсианской экономики расширяется для лучшего понимания взаимодействия между различными финансовыми и экономическими показателями в открытой экономике. В качестве же эмпирического анализа исследования используются данные экономического и финансового блока стран т.н. Азиатских Тигров - Гонконга, Сингапура, Таиланда и Малайзии. Выбор этих четырех стран обусловлен их институциональными характеристиками и доминирующей роли фондовых рынков в финансировании инвестиций субъектов малого и среднего бизнеса в этих странах. Новизна данного исследования характеризуется тем обстоятельством, что, хотя взаимосвязь между инновациями и экономическим ростом широко изучалась во многих теоретических концепциях, примеры которых приведены на рисунке 1, она еще не рассматривалась в рамках интегрированной системы макроэкономических функций. В данном исследовании она рассматривается с применением модели векторной коррекции ошибок и функция импульсного отклика для отдельных показателей инноваций и роста.

Исследование теоретико-методологических подходов влияния инноваций на

макроэкономическую динамику в контексте развития фондового рынка

Как известно, в экономической науке существуют две теоретические школы, рассматривающие взаимосвязь финансовых факторов экономического роста и взаимосвязь инновационных факторов экономического роста. Соответствующие теоретические концепции показаны на рис. 1.

Рисунок 1. Теоретические школы финансового роста и инновационного роста

Источник: составлено автором

Эволюцию теоретических концепций взаимосвязи финансовых факторов и экономического роста можно проследить до теории экономического развития Шумпетера, который сделал акцент на важности финансовых институтов в определении производственных инвестиций. Позже Маккиннон [36] и Шоу [53] предложили теорию совокупного опережающего предложения, утверждающую, что агрегирование финансовых активов способствует экономическому росту. Таким образом, развитие финансового рынка положительно влияет на экономический рост. С другой стороны, Фридман и Шварц [20] выдвинули гипотезу, согласно которой экономический рост приводит к созданию и развитию финансового рынка. Взаимосвязь между финансовыми факторами и экономическим ростом дополнительно объясняется теорией эндогенного роста, которая была введена Лукасом [34] и Ромером [50]. Соответственно, финансовое развитие эндогенно стимулирует экономический рост за счет накопления капитала, который может быть инвестирован в инновации и технологии и, следовательно, способствует повышению производительности и росту [11], [18], [25].

Поскольку финансовый сектор является сложным и многоуровневым, становится чрезвычайно сложно измерить его рост с помощью одного показателя, поэтому, как правило, сразу несколько исследований сосредотачиваются на изучении взаимосвязи между одним конкретным сегментом финансового рынка и экономическим развитием [3], [13], [16], [26]. Фондовый рынок - это такой сегмент, который привлекает интересы широкого круга исследователей. В частности, Гринвуд и Йованович [21] и Джбили [30] первоначально описали роль фондового рынка как мобилизацию сбережений, распределение ресурсов и содействие долгосрочному экономическому стимулированию. Они включали роль фондового рынка в модели эндогенного роста для установления взаимосвязи между фондовыми рынками и экономическим ростом. Исследования по эндогенному росту позже пополнились несколькими моделями, включающими пути, через которые фондовые рынки влияют на экономический рост.

Согласно однозначной точке зрения, фондовые рынки эндогенно стимулируют рост благодаря процессу эффективного распределения ресурсов [4], [17]. Распределение средств улучшается благодаря ликвидности фондового рынка, которая помогает снизить риск потери всего капитала, вложенного в проекты, которые не могут быть прибыльными в краткосрочной перспективе. Инвестиционные проекты, которые менее рискованны и могут обладать свойством легкой ликвидности с помощью фондовых рынков, будут приоритетнее тех, которые являются более производительными, но финансово неликвидными [37], [40], [47], [51].

В свою очередь, модели эндогенного роста делают акцент на росте производительности как

наиболее вероятном пути, через который фондовые рынки могут повлиять на экономический рост. В своих исследованиях Кинг и Левин [32] представили модель, в которой инновации выступают в качестве движущей силы экономического роста, поскольку успешные инновации могут повысить темпы роста производительности. Затем фондовые рынки оценивают потенциальные инновационные проекты, выделяют капитал на наиболее прибыльные из них и следят за реализацией инвестиций. Деметриадес и Хуссейн [15] утверждают, что в экономике с хорошо функционирующими фондовыми рынками будут наблюдаться более высокие темпы роста производительности. Холмстрем и Тироле [27] предложили модель, в которой подчеркивалась функция фондовых рынков как показателя эффективности управления, поскольку эффективность управления отражается в цене акций и не может быть извлечена из данных компании. Информация о результатах деятельности, включенная в цену акций, имеет решающее значение для программы стимулирования менеджеров, направленной на повышение производительности компании и, таким образом, стимулирование роста. В своих исследованиях М. Пагано [45] также подчеркивал мобилизационную функцию фондовых рынков, поскольку они могут привлекать больше сбережений в производственные инвестиции и предотвращать преждевременный вывод капитала, вложенного в долгосрочные проекты, тем самым способствуя долгосрочному росту.

С момента появления теории эндогенного роста появилось большое количество эмпирических исследований, обнаруживших взаимосвязь между фондовым рынком и экономическим развитием. Результаты, однако, остаются противоречивыми в разных странах и в разные периоды. В нескольких исследованиях мы можем заметить положительную взаимосвязь между фондовым рынком и ростом в краткосрочной и долгосрочной перспективе в странах, где фондовые рынки хорошо развиты. Это такие страны как Канада, Финляндия, Франция, Германия, Австралия, Гонконг, Сингапур, Таиланд и Малайзия [19], [24], [33], [35]. В противоположность этим исследованиям, существуют многие исследования, в которых утверждается нелинейная связь и показывающие отрицательные результаты для стран, где в финансовых секторах доминируют банки или фондовые рынки в которых функционируют относительно недавно. В качестве таких примеров выступают такие страны, как Эквадор, Иордания, Перу, Саудовская Аравия, Нигерия и Бангладеш [14], [23], [31]. Третья группа исследований демонстрирует ослабление влияния фондового рынка на экономический рост во время финансового кризиса 2008г. Это такие страны как Дания, Германия, Франция, Польша, Венгрия и Турция. Хотя существующие исследования охватывают как правило, как развитые, так и развивающиеся экономики, в них рассматривались только основные фондовые рынки, главным образом потому, что основные рынки крупнее с точки зрения капитализации и ликвидности по сравнению с рынками второго уровня. Кроме того, в большинстве этих исследований взаимосвязь подтверждалась с использованием общих эконометрических методов, игнорируя при этом их теоретико-методологические недостатки.

Между тем, в настоящее время во многих исследованиях основное внимание уделяется работам изучающих взаимосвязь между инновациями и экономическим ростом. В своей теории экономического развития Шумпетер [54] рассматривал инновации как один из эндогенных факторов роста. Он утверждал, что институты, предприниматели и технологические изменения являются основой экономического роста и часто находятся под влиянием государственной политики. Согласно неоклассической теории роста, предложенной Солоу [55], технологические усовершенствования, как правило, повышают производительность капитала и, таким образом, способствуют дальнейшим инвестициям. Солоу [55] пришел к выводу, что накопление капитала следует рассматривать как инициатор роста. Ромер [50] подчеркивал, что промышленные инновации являются основной движущей силой экономического развития из-за их прямого воздействия на производственный процесс. Следуя теориям Шумпетера и Солоу, Кирхгоф [33] и Веннекерс и Тюрлик [57] выдвинули гипотезу о том, что инновации способствуют повышению производительности и стимулируют созданию новых предприятий, что, в свою очередь, повышает уровень занятости, объемы

производства и экономического роста. Более того, Гроссман и Хелпман [22] подчеркивали незаменимую роль инноваций и технологических достижений в обеспечении быстрого и эндогенного процесса роста, особенно в условиях истощения природных ресурсов.

Однако, в свою очередь, эмпирические исследования по взаимосвязи инноваций и роста показывают неоднозначные результаты, которые можно обобщить в следующие четыре гипотезы. Во-первых, гипотеза об опережающем совокупном предложении утверждает, что инновации поддерживают предельную производительность и объем производства, таким образом, эффект Грейнджера вызывает экономический рост. Во-вторых, гипотеза об опережающем совокупном спросе, которая противоположна первой гипотезе, экономический рост, вызванный эффектом Грейнджера, стимулирует инновации. В-третьих, гипотеза обратной связи подразумевает двунаправленную причинно-следственную связь между инновациями и экономическим ростом, так что инновации приводят к более высокому росту, который, в свою очередь, стимулирует дальнейшие инновации. И в-четвертых, гипотеза нейтральности относится к случаю, когда инновации и экономический рост не являются причинными факторами друг друга. Хотя взаимосвязь между инновациями и экономическим ростом широко изучалась в теоретических концепциях, примеры которых приведены на рисунке 1, она еще не рассматривалась в рамках интегрированной системы макроэкономических функций. В данном исследовании она рассматривается с применением модели векторной коррекции ошибок и функция импульсного отклика для отдельных показателей инноваций и роста.

Таким образом, в имеющихся исследованиях явно выделяются два основных недостатка. Во-первых, несмотря на важность фондовых рынков второго уровня для финансирования инвестиций субъектов малого и среднего бизнеса и их растущее присутствие во всем мире, в обширном массиве исследований о взаимосвязи финансовых факторов и экономического роста не рассматривается динамическое взаимодействие между развитием фондовых рынков второго уровня и процессом макроэкономического роста. Во-вторых, существует недостаточное количество исследований взаимосвязи между инновациями и экономическим ростом в рамках теоретических макроэкономических подходов. Такой анализ мог бы обеспечить дальнейшее понимание влияния инноваций на комплексную систему макроэкономических показателей. Таким образом, данное исследование направлено на изучение динамического воздействия развития фондового рынка второго уровня и инноваций на различные звенья экономического роста в рамках теоретических макроэкономических подходов, рассматриваемые автором в рамках расширенной модели роста Калецкого.

О некоторых стилизованных фактах

В данном исследовании в качестве объекта исследований были взяты экономическая динамика стран т.н. Азиатских Тигров: Гонконг, Сингапур, Таиланд и Малайзия. Известно, что к XXI веку Гонконг и Сингапур превратились в страны с развитой экономикой, специализирующиеся в таких областях конкурентных преимуществ, как международные финансы, торговля и транспорт. Таиланд и Малайзия, что неудивительно, повторяют аналогичную ориентированную на экспорт модель экономического развития, которой придерживаются Гонконг и Сингапур. Эти четыре страны также являются главными торговыми партнерами друг друга. Примечательно, что в 2018 году объем их международной торговли в 1,2–3,7 раза превысил их соответствующий ВВП. Более того, по данным INSEAD, Глобальный инновационный индекс (GII) Сингапура и Гонконга занял первое и третье места соответственно в Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Океании. Между тем, по тому же индексу Малайзия и Таиланд занимали второе и четвертое места, соответственно, среди стран с доходом выше среднего.

Фондовые рынки в четырех странах были оценены как основной источник капитала и ключевой фактор экономического роста. Фондовые рынки второго уровня в четырех странах, а именно рынок развивающихся предприятий, рынок катализаторов, рынок альтернативных инвестиций и рынок доступа, определенности и эффективности, соответственно, также являются весьма примечательны.

Капитал, привлеченный с этих рынков в период с 1999 по 2018 гг., составил 28,1 миллиарда долларов США, что фактически восполнило 75,8% дефицита кредитных ресурсов для субъектов малого и среднего бизнеса в четырех странах, или 43,1% соответствующего показателя в Юго-Восточной Азии.

Следовательно, вышеприведенные четыре рынка, учитывая их существенный вклад в сокращение дефицита кредитных ресурсов для субъектов малого и среднего бизнеса в Юго-Восточной Азии, возможно, могут стать основным источником финансирования их инвестиций. Эти рынки характеризуются инновационностью, небольшой капитализацией и высоким инвестиционным риском.

Структурная характеристика расширенной макроэкономической модели Калецкого

Макроэкономическая модель роста Калецкого, которая была впервые представлена Марглином и Бхадури [35], а затем дополнена Онаном и Стокхаммером [43], демонстрирует взаимодействие между рынком товаров и рынком труда. В этой модели экономический рост определяется прибылью капитала и вознаграждением за труд, которые представлены интегрированной системой поведенческих функций частных инвестиций, сбережений, чистого экспорта, распределения доходов, производительности труда и занятости. В данном исследовании модель расширена с помощью включения в неё экзогенных переменных фондового рынка второго уровня и инноваций в функции накопления, сбережений, роста производительности и занятости для изучения их одновременного воздействия на интегрированные реальные секторы. Расширенная система уравнений представлена следующим образом:

– уравнение накопления капитала (1):

$$\tau_t^i \equiv \frac{I_t}{K_t} = x_0 + x_1 \zeta_{t-1} + x_2 \eta_{t-1} - x_3 \zeta_t + x_4 \tau z_{t-1} + x_5 inn_t + x_6 smd_t$$

– уравнение сбережений (2):

$$\tau_t^s \equiv \frac{S_t}{K_t} = y_1 \zeta_t + y_2 \eta_t + y_3 smd_t + y_4 inn_t$$

– уравнение распределения доходов (3):

$$\eta_t = \rho_0 + \rho_1 \zeta_t + \rho_2 \sigma_t + \rho_3 \tau z_t$$

– уравнение роста производительности (4):

$$\tau z_t = \pi_0 + \pi_1 \tau_t^i + \pi_2 \zeta_t + \pi_3 inn_t + \pi_4 smd_t$$

– уравнение чистого экспорта (5):

$$\beta z_t = -\lambda_1 \zeta_t + \lambda_2 \eta_t$$

– уравнение безработицы (6):

$$u_t = \varphi_0 - \varphi_1 \tau_t^i - \varphi_2 \Delta z_t - \varphi_3 \eta_t + \varphi_4 u_{t-1} + \varphi_5 \tau z_t - \varphi_6 inn_t$$

– Уравнение рыночного равновесия (7):

$$\tau_t^i = \tau_t^{total} = \tau_t^s - \beta z_t$$

где I_t – это инвестиции; K_t – запас физического капитала; τ_t^s – сбережения (нормализованные к уровню физического капитала), ζ_t – использование производственных мощностей; η_t – распределение доходов; βz_t – чистый экспорт (нормализованный к уровню ВВП); u_t – уровень безработицы; τz_t – темпы роста производительности; ζ_t – процентная ставка; inn_t – индекс инноваций; smd_t – индекс развития фондового рынка второго уровня

Как мы можем увидеть, уравнение 1 определяет рост накопления капитала в результате инвестиционных решений фирм. На инвестиционные решения положительно влияние оказывают ожидаемая норма прибыли, которая подразделяется на долю прибыли и использование производственных мощностей, и отрицательно влияние оказывает процентная ставка [31]. В своих исследованиях Калецки [31] подчеркивал важность технического прогресса для инвестиций,

поэтому этот фактор отражается в инвестиционной функции переменной, обозначающей рост производительности. Процентная ставка оказывает сильное влияние на инвестиции, поскольку она влияет на мобилизацию внутренних и внешних источников ресурсов. Эффект спроса на инвестиции стимулирует дальнейшие инвестиции, в то время как эффект запаздывания мощностей сдерживает инвестиционные решения [38], [39], [52]. Кроме того, инвестиции могут обеспечить достаточную экономию за счет перераспределения или изменения уровня загрузки производственных мощностей.

В свою очередь, уравнение 2 демонстрирует функцию частных внутренних сбережений, на которую положительно влияют два важных компонента нормы прибыли – доля прибыли и загрузка производственных мощностей. Это простая кембриджская функция сбережений, предполагающая, что капитал имеет более высокую предельную склонность к сбережениям, чем наемный труд, вся заработная плата которого расходуется на предметы первой необходимости.

Это предположение является краеугольным камнем посткейнсианской теории открытой экономики, согласно которой сбережения зависят от сберегательного поведения наемного труда и капитала.

Далее, уравнение 3 подразумевает модель предложения, определяющую функцию распределения доходов, на которую положительно влияют коэффициент загрузки производственных мощностей, уровень безработицы и рост производительности. Первый элемент вытекает из предположения, что фирмы устанавливают цены на основе надбавки за единицу затрат на рабочую силу, которая положительно коррелирует с коэффициентом загрузки производственных мощностей. Второй элемент означает эффект влияния т.н. концепции марксистской резервной трудовой армии. Третий элемент вводится потому, что борьба за распределение может быть больше связана с разделением прироста производительности, чем с самим выпуском.

Следующее уравнение (4) постулирует, что рост производительности труда обусловлен накоплением капитала и использованием производственных мощностей.

Технологические достижения должны быть реализованы за счет производства новых машин и оборудования, что приведет к накоплению физического капитала [41], [49]. Это, в свою очередь, увеличивает соотношение капитала и рабочей силы. Кроме того, измерение производительности труда зависит от степени ввода в эксплуатацию существующих машин и оборудования, что связано с уровнем загрузки производственных мощностей.

Далее, уравнение 5 показывает утверждение о том, что чистый экспорт является положительной функцией прибыли и отрицательной функцией загрузки производственных мощностей. Внутренний спрос на импорт может привести к негативному влиянию загрузки производственных мощностей, направленных на чистый экспорт. Другими словами, снижение внутренних затрат на рабочую силу можно интерпретировать как увеличение доли прибыли, что может привести к снижению экспортных цен и, следовательно, увеличению объема экспорта. Таким образом, влияние международной конкурентоспособности на чистый экспорт может быть отражено положительной функцией доли прибыли.

Что касается уравнения 6, то он отражает рынок труда, где уровень безработицы определяется как функция роста основного капитала, изменения загрузки производственных мощностей, доли прибыли, сохранения безработицы и роста производительности труда. Первые два элемента – это переменные товарного рынка, также известные как стандартные кейнсианские переменные. Калецки [31] утверждал, что занятость зависит от спроса на продукцию. Также, занятость зависит от использования производственных мощностей, которая рассматривается как эндогенная переменная в функции накопления капитала. Третий элемент рассматривается как некейнсианский эффект, так что, если спрос на рабочую силу зависит от вознаграждения, влияние вознаграждения за труд и производительности может быть учтено долей прибыли. Что касается последнего элемента, то технический прогресс может привести к безработице, если он не соответствует росту совокупного спроса на продукцию. Это естественное следствие любой макроэкономической модели с ограничением

спроса и отражается в эффекте роста производительности труда.

Ну и наконец, уравнение 7 описывает равновесие товарного рынка в долгосрочной перспективе, при котором инвестиции и экономический рост могут быть улучшены только при увеличении сбережений или снижении реальной ставки заработной платы.

Между тем, неортодоксальные экономисты утверждают, что капитал может влиять на конечный спрос на продукцию посредством инвестиций предприятий и потребления домашних хозяйств [59]. Капитал может также влиять на производственные фирмы путем приобретения материалов и найма работников. Фондовые рынки могут удовлетворить потребность в капитале для инвестиций и производства. Таким образом, фондовые рынки могут быть признаны важным механизмом стимулирования инвестиций в соответствии с основами кейнсианской экономики. Учитывая важность фондовых рынков для субъектов малого и среднего бизнеса для их инвестиционной и производственной деятельности, они были включены в функцию накопления капитала (уравнение 1).

Согласно теории эндогенного роста, развитие фондового рынка может влиять на долю сберегательных депозитов, которые конвертируются в прибыльные проекты, поэтому оно может изменять процентные ставки по депозитам. Фондовые рынки могут мобилизовать сбережения частных лиц, фирм и правительств, предлагая дополнительные финансовые инструменты, которые, возможно, удовлетворят их склонности к риску и требованиям к капиталу. Наличие различных каналов инвестирования может привести к повышению процентной ставки по сбережениям. Кроме того, фондовые рынки связывают чистых вкладчиков (домохозяйства, физических лиц) и чистых инвесторов (фирмы), тем самым снижая транзакционные издержки, связанные с мобилизацией сбережений, и делая сбережения высоколиквидными. Таким образом, развитие фондового рынка для субъектов малого и среднего бизнеса нами было включено в функцию внутренних сбережений (уравнение 2).

В своих исследованиях, [21] сделали акцент на функциях фондовых рынков в повышении производительности и стимулировании роста в модели эндогенного роста. Фондовые рынки используют требования к публичному размещению акций для анализа и отбора перспективных фирм и выделения средств на наиболее прибыльные проекты. В свою очередь, в своих исследованиях Кинг и Левин [32] утверждали, что развитие фондового рынка эффективно распределяет капитал в прибыльные проекты и диверсифицирует риски проектов, тем самым стимулируя долгосрочный экономический рост. Далее они отмечают в своих исследованиях, развитие фондового рынка способствует глобальному экономическому росту за счет повышения производительности в промышленно развитых странах и активизации накопления капитала в развивающихся странах. Соответственно, уравнение роста производительности (уравнение 4) также было дополнено развитием фондового рынка.

Далее, как утверждают в своих исследованиях [8], инновации и накопление капитала следует рассматривать как два аспекта процесса роста, а не как отдельные причинно-следственные элементы. Технологические инновации открывают новые экономические возможности для инвестиций в физический и человеческий капитал. Между тем физический и человеческий капитал являются незаменимыми ресурсами для научно-исследовательской деятельности и внедрения новых технологий, которые создаются на основе инноваций. Чуть позже, в своих исследованиях [60] утверждал, что долгосрочный экономический рост объясняется инновационными технологиями и накоплением физического и человеческого капитала.

Поэтому, автор полагает, что теоретически важно включить инновации в уравнение накопления капитала (уравнение 1). В своих исследованиях П.Агион [8] предложил теорию эндогенных внутренних сбережений и роста в открытой экономике, полагая, что экономика, основанная на инновациях, может без труда использовать передовые технологии. Для экономик, которые не в состоянии идти в ногу с передовыми технологиями, необходимо сотрудничество между

иностранными партнерами, которые являются экспертами в области технологий, и местными фирмами, знакомыми с местными условиями. В такой ситуации внутренние сбережения позволяют местным предприятиям владеть долями участия в сотрудничестве с иностранными партнерами, поэтому внутренние сбережения необходимы для инноваций и роста. Инновации, в свою очередь, стимулируют внутренние сбережения для дальнейшего технологического сотрудничества, которое будет стимулировать долгосрочный рост. В тех странах, которые находятся близко к границе технологических возможностей, у отечественных фирм нет проблем с внедрением технологии, и поэтому они не нуждаются в сотрудничестве с иностранными партнерами. Таким образом, согласно данной теории, инновации были включены в функции внутренних сбережений (уравнение 2).

Инновации приводят к изобретению новых технологий, систем и процедур, которые повышают эффективность и производительность в экономике. В своих исследованиях Уэрго и Жаумандреу [28] проанализировали влияние технологических инноваций на производительность на различных этапах развития фирмы и пришли к ряду следующих выводов. Во-первых, технологические инновации приводят к дополнительному росту производительности на протяжении всего процесса. Во-вторых, темпы роста производительности, как правило, выше на ранней стадии, а затем постепенно приближаются к нормальным средним темпам роста с течением времени. И, в-третьих, в случае остановки инноваций дополнительный рост производительности, как правило, продолжается в течение ряда лет, однако темпы его роста снижаются до уровня ниже среднего. Поэтому желательно включить инновации в функцию роста производительности (уравнение 4).

Вместе с тем, теоретически, технический прогресс может привести к сокращению рабочих мест в краткосрочной перспективе. Однако в долгосрочной перспективе можно ожидать положительного воздействия технологии, поскольку механизм компенсации будет способствовать повышению спроса на рабочую силу. В долгосрочной перспективе технологические инновации в конечном счете создают новые экономические возможности для инвестиций в человеческий капитал, создавая тем самым больше рабочих мест и повышают занятость. Кроме того, как утверждает М. Угур [56], влияние технологических инноваций на занятость объясняется рядом факторов, таких как гибкость рынка труда, конкуренция на товарном рынке, развитие национальной инновационной системы и международная торговля.

Оценка эмпирических результатов влияния инноваций на макроэкономическую динамику

В данном разделе автором представлена эмпирическая оценка модели векторной коррекции ошибок и функции импульсного отклика, основанной на предположениях о краткосрочных ограничениях и результатах тестов на коинтеграцию и экзогенность блоков для выбранных экономик: Гонконга, Сингапура, Таиланда и Малайзии. Ввиду чрезмерной объемности технических расчетов и ограниченности объема статьи, здесь мы ограничимся лишь интерпретацией конечных результатов модельных расчетов.

Результаты, полученные автором в ходе количественных расчетов, подтверждают корректность теоретической модели, взятую за основу для количественной оценки, показывая, что инвестиции эффективно способствуют росту производительности и чистому экспорту в Гонконге, Сингапуре и Таиланде.

Как показывают расчеты, инвестиции во всех четырех странах положительно влияют на внутренние сбережения, как и предполагает теория, о том, что производственные инвестиции существенно способствуют мобилизации сбережений. Инвестиции и безработица в Сингапуре негативно связаны, поскольку инвестиции создают больше возможностей для трудоустройства. Положительное влияние инвестиций на прибыль или распределение доходов в Гонконге и Сингапуре указывает на систему накопления капитала, ориентированную на прибыль в обеих экономиках.

Сбережения влияют на распределение доходов через предельную склонность к сбережениям, которая выше у собственников капитала и ниже у наемного труда. Отмечается, что Гонконг демонстрирует положительный эффект, в то время как Таиланд и Малайзия испытывают

отрицательный эффект, предполагая, что предельная склонность к сбережениям в развитых и развивающихся экономиках соответственно увеличивается или уменьшается в соответствии с уровнем сбережений. Производительность положительно коррелирует с уровнем сбережений в Гонконге и Сингапуре, поскольку технологические усовершенствования в этих странах эффективно финансировались за счет сбережений. В Малайзии, похоже, технический прогресс не успевает за растущим спросом на продукцию, тем самым провоцируя безработицу.

В анализе функции импульсного отклика шоки с одним стандартным отклонением Калецкого были наложены только на эндогенные макроэкономические показатели, т.е. фондовый рынок и инновации. Реакция частных инвестиций, сбережений, производительности и безработицы на потрясения на фондовом рынке и инновации являются основными объектами нашего наблюдения, поскольку наша теоретическая модель была расширена за счет этих двух новых переменных.

Итак, что касается случая с Гонконгом, то шоки на фондовом рынке и инноваций привели к увеличению инвестиций и сбережений в первом квартале 2018 г. Реакция роста производительности на потрясения на фондовом рынке является значительной и положительной в течение более квартала, прежде чем данный эффект нивелируется системой.

Однако рост производительности показывает отставание в 4 месяца, прежде чем начинает реагировать на внешний шок, наложенный на фондовый рынок и экспорт высоких технологий. Результаты показывают, что конечный ответ задерживается примерно на квартал, прежде чем он станет статистически незначимым. Шоки, налагаемые на фондовый рынок и инновации, приводят к снижению уровня безработицы на короткое время, но он довольно быстро возвращается к уровням, существовавшим до шока. Эти выводы согласуются с выводами Т. Нгуена [42], согласно которым инновации эффективно влияют на основные факторы экономического роста.

В случае же Сингапура инвестиции, скорее всего, мгновенно отреагируют на шок фондового рынка и инноваций, в то время как их реакция на шок в патентных заявках начинается только через 3 месяца и длится около 3 месяцев. Экономика также демонстрирует положительную обратную связь в течение 2-3 месяцев после потрясений в соотношении фондового рынка и патентных заявок. Рост производительности мгновенно реагирует на шок фондового рынка в течение 4 месяцев, но не реагирует на шок коэффициента оборота рынка до 5-го месяца и длится около квартала. Влияние шока в патентных заявках на рост производительности удовлетворительно, поскольку оно увеличивается без каких-либо задержек. Как и ожидалось, растущее число патентных заявок негативно влияет на уровень безработицы, поскольку подается больше заявок на патенты, появляется больше возможностей для трудоустройства, что приводит к снижению безработицы.

Что касается Таиланда, то инвестиции, по-видимому, мгновенно реагируют на шок фондового рынка и инноваций в течение первых 2 кварталов. Экономика начинает реагировать на шоки фондового рынка и инноваций за пару месяцев до его начала. Последствия шока фондового рынка и инноваций для роста производительности отражаются в немедленном повышении, что неудивительно. В ответ на шок фондового рынка и инноваций, вероятно, рост производительности продемонстрирует некоторую значительную тенденцию к росту и дальнейшему снижению в течение квартала. В отличие от предыдущих случаев, все рассмотренные макроэкономические показатели в Малайзии (т.е. инвестиции, сбережения, рост производительности и занятость), незначительно реагируют на шоки фондового рынка и инноваций. Однако в отдельных случаях, в ответ на шок фондового рынка и инноваций инвестиции и сбережения демонстрируют мгновенный рост, а безработица демонстрирует мгновенное снижение, в то время как рост производительности демонстрирует некоторые задержки в реагировании.

В целом, результаты показывают, что при уровне значимости 5% шоки для показателей развития фондового рынка и/или инноваций вызывают небольшие, но положительные обратные связи в различных источниках экономического роста в Гонконге, Сингапуре, Таиланде и Малайзии. Таким образом, потрясения в показателях развития фондового рынка и инноваций вызывают реакцию

частных инвестиций, внутренних сбережений и функций роста производительности в Гонконге, Сингапуре и Таиланде. С другой стороны, шоки в показателях инноваций инициируют реакцию этих функций плюс функций занятости во всех четырех странах. Положительные реакции кажутся статистически значимыми только в краткосрочной перспективе.

Небольшой вклад фондовых рынков субъектов малого и среднего бизнеса на экономическое развитие, возможно, объясняется тем фактом, что фондовые рынки в отдельных странах кроме Гонконга все еще находятся на стадии активного развития. Авторские расчеты показывают, что рыночная капитализация субъектов малого и среднего бизнеса демонстрируют умеренный диапазон в доле ВВП: 2,3%-12,6% и 1,7%-6,0% соответственно. Что касается инноваций, то количество заявок на патенты и заявки на товарные знаки в настоящее время составляет очень небольшую часть – от 0,02% до 0,9%. Что касается вклада высокотехнологичного экспорта в ВВП, то Сингапур лидирует с 42,5%, за ним следуют Малайзия (18,8%), Таиланд (8,5%) и Гонконг (0,1%). Тем не менее, этот показатель учитывался эндогенно в модели только для случая Гонконга. Таким образом, инновации оказывают лишь небольшое влияние на различные макроэкономические показатели.

Выводы и потенциальные будущие исследования

Основной целью данной статьи являлось исследование влияния синергетического эффекта инноваций и фондового рынка как двух взаимосвязанных факторов экономического роста, которые являются искомыми предпосылками макродинамических основ эволюционной теории инноваций.

С этой целью в данной статье была расширена теоретическая модель роста в рамках калецкианско–посткейнсианской макроэкономической концепции для исследования динамического влияния развития фондового рынка и инноваций на различные макроэкономические показатели.

Соответственно, показатели развития фондового рынка и инноваций были интегрированы в функции частных инвестиций, внутренних сбережений, роста производительности и занятости. Для эмпирического исследования были отобраны страны Азиатских Тигров: Гонконг, Сингапур, Таиланд и Малайзия. Для эмпирического анализа были использованы модель векторной коррекции ошибок и функция импульсного отклика.

Результаты показали, что различные показатели развития фондового рынка и инноваций вносят небольшой, но положительный вклад в стимулирование экономического роста в краткосрочной перспективе во всех четырех странах. Развитие фондового рынка влияет на процесс роста в Гонконге, Сингапуре и Таиланде благодаря сочетанию следующих инструментов: частные инвестиции, внутренние сбережения и рост производительности. Между тем инновации влияют на экономический рост благодаря сочетанию этих трёх инструментов и занятости во всех четырех экономиках. Следовательно, при реализации конкретной политики, способствующей развитию фондовых рынков и инноваций, это потенциально может способствовать эффективному росту частных инвестиций, сбережений, производительности и занятости. Таким образом, фирмам будет относительно легко получить доступ к капиталу и технологическим инновациям, чтобы охватить и удовлетворить растущий совокупный спрос. Кроме того, что касается теоретических и методологических аспектов, то включение фондового рынка и инноваций в калецкианско–посткейнсианскую модель роста не только улучшает операционные возможности модели, но и расширяет теоретические рамки калецкой–посткейнсианской экономики.

И, наконец, процесс развития фондовых рынков и инноваций, возможно, может быть стимулировано путем поддержания полной занятости и реального уровня заработной платы. Таким образом, когда обеспечиваются занятость и реальная заработная плата, предпочтения фирм и домохозяйств в отношении ликвидности стабилизируются. Это, следовательно, влияет на распределение доходов и увеличивает уровень сбережений, которые затем могут быть мобилизованы в производственные инвестиции на фондовом рынке малого и среднего бизнеса и в инновации. Поэтому в будущих исследованиях целесообразно изучить влияние государственной поддержки на вклад фондового рынка и инноваций в процесс экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов В.Н. и др., Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте «зеленого роста». Под редакцией академика Порфирьева Б.Н. – М.: Научный консультант, 2017. – 434 с.
2. Борисов В.Н. и др., Прогнозирование инновационного машиностроения. М.: МАКС Пресс, 2015. –180с.
3. Борисов В.Н. и др. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы. - М.: МАКС ПРЕСС, 2005. - 591 с.
4. Гульбина Н. И. К вопросу о классификации основных течений институциональной теории // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 4, 2009. – с. 77-86.
5. Мелихов В. Ю., Осадчая Т. Г. Основные этапы развития институциональной теории // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 12, 2011. - с. 427-432.
6. Напольских Д. Л. Структурное моделирование институциональной среды инновационного кластера. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). № 12, 2012. - с. 40-45.
7. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. № 1, 2003. – с. 24-41. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-1-24-41>
8. Aghion, P., Howitt, P. Endogenous Growth Theory. MIT Press, Cambridge, Massachusetts. 1998
9. Antonelli, C. Collective knowledge communication and innovation: the evidence of technological districts. *Regional Studies* 34, 2000. 535–547.
10. Antonelli, C. Handbook on the Economic Complexity of Technological Change. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK. Northampton, MA, USA, 2011.
11. Beinhocker, E.D. Evolution as computation: integrating self-organization with generalized Darwinism. *Journal of Institutional Economics*, 2011, 7, 393–423.
12. Chaiechi, T. Financial development shocks and contemporaneous feedback effect on key macroeconomic indicators: a post Keynesian time series analysis. *Econ. Model.* 2012, 29 (2), 487–501.
13. Davis, J.B. The turn in recent economics and return of orthodoxy. *Cambridge Journal of Economics*, 2008, 32, 249–366.
14. Day, R.H. The emergence of chaos from classical economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1983, 98, 201–213.
15. Demetriades, P., Hussein, K. Does financial development cause economic growth? Time-series evidence from 16 countries. *J. Dev. Econ.* 51 (2), 1996, 387–411.
16. Dopfer, K. The economic agent as rule maker and rule user: Homo Sapiens Oeconomicus. *Journal of Evolutionary Economics* 2017, 14,177–195.
17. Dosi, G., Fagiolo, G., Roventini, A. Schumpeter meeting Keynes: a policy-friendly model of endogenous growth and business cycles. *Journal of Economic Dynamics and Control* 34, 1748–1767 (Computational perspectives in economics and finance: Methods, dynamic analysis and policy modelling), 2010.
18. Dosi, G., Nelson, R.R. An introduction to evolutionary theories in economics. *Journal of Evolutionary Economics*, 1994, 4, 153–172.
19. Fontana, M. Pluralism(s) in economics: lessons from complexity and innovation. A review paper. *Journal of Evolutionary Economics*, 2014, 24 (1), 189–204.
20. Friedman, M., Schwartz, J. A Monetary History of the United States. Princeton University Press, New Jersey, United States. 1963
21. Greenwood, J., Jovanovic, B. Financial development, growth, and the distribution of income. *J. Polit. Econ.* 1990, 98 (5), 1076–1107.
22. Grossman, G., Helpman, E. Endogenous innovation in the theory of growth. *J. Econ. Perspect.* 1994, 8 (1), 23–44.

23. Hayek, F.A. The use of knowledge in society. *The American Economic Review*, 1945, 35, 519–530.
24. Hayek, F.A. *Individualism and Economic Order*. University of Chicago Press, Chicago and London. 1948
25. Hirschman, Albert Otto. *The strategy of economic development*. New Haven, Conn: Yale Univ. Press. ISBN 0-300-00117-7, 1958.
26. Hodgson, G.M. Darwinism, causality and the social sciences. *Journal of Economic Methodology*, 2004, 11, 175–194.
27. Holmström, B., Tirole, J. Market liquidity and performance monitoring. *J. Polit. Econ.* 1993, 101 (4), 678–709.
28. Huergo, E., Jaumandreu, J. Firms' age, process innovation and productivity growth. *Int. J. Ind. Organ.* 2004, 22 (4), 541–559.
29. International Finance Corporation - IFC. *Closing the Credit Gap for Formal and Informal Micro, Small, and Medium Enterprises*, Washington D.C., Retrieved from: <http://www.ifc.org/wps/wcm/connect/4d6e6400416896c09494b79e78015671/Closing+the+Credit+Gap+Report-FinalLatest.pdf?MOD=AJPERES>. 2013
30. Jbili, A., Enders, K., Treichel, V., 1997. *Financial Reforms in Algeria, Moro and Tunisia: A Preliminary Assessment*. IMF/Working Paper/97/81. Retrieved from: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp9781.pdf>.
31. Kalecki, M. Trend and business cycles reconsidered. *Econ. J.* 1968. 78 (310), 263–276.
32. King, R., Levine, R. Finance and growth: Schumpeter might be right. *Q. J. Econ.* 1993, 108 (3), 717–737.
33. Kirchhoff, B., Newbert, S., Hasan, I., Armington, C. The influence of university R&D expenditures on new business formations and employment growth. *Entrep. Theory Pract.* 2007, 31 (4), 543–558.
34. Lucas, R.E. On the mechanics of economic development. *J. Monetary Econ.* 1988. 22 (1), 3–42.
35. Marglin, S., Bhaduri, A. *The Golden Age of Capitalism. Reinterpreting the Postwar Experience*. Clarendon Press, Oxford. 1990
36. McKinnon, R. *Money and Capital in Economic Development*. Brookings Institution, Washington D.C. 1974
37. Marshall A. *The Economics of Industry* (with Mary Paley Marshall). <http://www.library.fa.ru/files/Marshall-economics.pdf>.
38. Metcalfe, J.S. Evolutionary economics and technology policy. *The Economic Journal*, 1994, 104, 931–944.
39. Metcalfe, J.S., Foster, J., Ramlogan, R. Adaptive economic growth. *Camb. J. Econ.* 2006, 30, 7–32, <http://dx.doi.org/10.1093/cje/bei055>.
40. Metcalfe, J.S. Alfred Marshall's Mecca: reconciling the theories of value and development. *Economic Record*, 2007, 83, S1–S22.
41. Myrdal, G. The principle of circular and cumulative causation and the drift towards regional economic inequalities in a country. In: *Economic Theory and Under-developed Regions.*, 1957, pp. 11–38.
42. Nguyen, T., Chaiechi, T., Eagle, L., Low, D., Feedback of macroeconomic indicators to shocks in second-tier stock market development and innovation within kaleckian framework: hong kong case study. In: *Advances in Cross-Section Data Methods in Applied Economic Research: 2019 International Conference on Applied Economics*. 2020. Springer, pp. 531–552.
43. Onaran, Ö., Stockhammer, E. Do profits affect investment and employment? An empirical test based on the Bhaduri–Marglin model. In: *Wages, Employment, Distribution and Growth*. 2006. Springer, pp. 206–222.
44. Organisation for Economic Cooperation and Development - OECD. Opportunities and constraints of market-based financing for SMEs. In: *OECD Report to G20 Finance Ministers and Central Bank Governors*. OECD Publishing, Retrieved from: <https://www.oecd.org/finance/financialmarkets/Opportunities-and->

Constraints-of-Market-based-Financing-for-SMEs.pdf. 2018

45. Pagano, M. Financial markets and growth: an overview. *Eur. Econ. Rev.* 1993. 37 (2–3), 613–622.
46. Peterhoff, D., Romeo, J., Calvey, P. Towards better capital market solutions for sme financing. Retrieved from: http://www.oliverwyman.com/content/dam/oliver-wyman/global/en/files/insights/financial-services/2014/July/FINAL3_BetterCapitalMarketMechanismsSMEs.pdf. Oliver Wyman. 2014.
47. Potts, J. *The New Evolutionary Microeconomics: Complexity, Competence and Adaptive Behaviour*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, 2000.
48. Pradhan, R., Arvin, M., Hall, J., Nair, M., Innovation, financial development and economic growth in Eurozone countries. *Appl. Econ. Lett.* 2016. 23(16), 1141–1144.
49. Prebisch, R. The role of commercial policies in under-developed countries. *American Economic Review* 1959, 49, 215–273.
50. Romer, P., Endogenous technological change. *J Polit. Econ.* 1990. 98 (5, Part 2), 71–102.
51. Rosser, J.B. On the complexities of complex economic dynamics. *The Journal of Economic Perspectives* 1999, 13, 169–192.
52. Saviotti, P.P., Pyka, A. Economic development by the creation of new sectors. *Journal of Evolutionary Economics* 2004, 14, 1–35.
53. Shaw, S. *Financial Deepening in Economic Development*. Oxford University Press, London, United Kingdom. 1974.
54. Schumpeter, Joseph A. Opie, Redvers. *The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1983. ISBN9780878556984.
55. Solow, R. A contribution to the theory of economic growth. *Q. J. Econ.* 1956. 70 (1), 65–94.
56. Ugur, M., Churchill, S., Solomon, E. Technological innovation and employment in derived labour demand models: A hierarchical meta regression analysis. *J. Econ. Surv.* 32 (1), 50–82. <http://dx.doi.org/10.1111/joes.12187>. 2018
57. Wennekers, S., Thurik, R. Linking entrepreneurship and economic growth. *Small Bus. Econ.* 1999. 13 (1), 27–56.
58. World Federation of Exchanges, WFE Report On SME Exchanges (with inputs from the World Bank Group's Finance and Markets Global Practice). Retrieved from: <https://www.world-exchanges.org/home/index.php/research/wfe-research#sr>. 2018
59. Young, A.A. Increasing returns and economic progress. *The Economic Journal*, 1928, 38, 527–542.

Investigation of the impact of innovations on macroeconomic dynamics in the post-Keynesian paradigm

Matrizaev Bahadyr Jumaniyazovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

E-mail: matrizaev@mail.ru

Annotation. This research is based on the postulates of the kalecki–post-keynesian macroeconomic concept and the main goal is to study the dynamic impact of innovations on key macroeconomic variables in the context of the development of the stock market of small and medium-sized businesses in the Asian Tiger countries (Hong Kong, Singapore, Thailand and Malaysia). A vector error correction model and an impulse response function were used for empirical analysis. The data obtained as a result of empirical analysis indicate that the development of innovations, stimulated by the growth of the stock market of small and medium-sized businesses, have a small but positive impact on short-term economic dynamics. The author found that the development of the stock market of small and medium-sized businesses contributes to economic growth by combining the growth of private investment, savings and productivity only in Hong Kong, Singapore and Thailand. Unlike the stock market factor, innovation contributes to economic growth by combining these factors and increasing employment in all four countries.

Keywords: innovation, macroeconomic indicators, economic growth, financial factors

Проблемы стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года

Тебекин Алексей Васильевич

доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор,

Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД России, г. Москва, Россия.

E-mail: Tebekin@gmail.com

Аннотация. Проанализированы уроки прошлых периодов в решении проблем модернизации России с точки зрения механизмов стратегического планирования.

Рассмотрена существующая законодательная и нормативно-методическая база стратегического планирования как механизма решения проблем модернизации России.

Оценены перспективы и риски будущих периодов развития российской экономики, сопряженные с проблемами стратегического планирования процессов развития на период до 2030-го года.

Показано, что существующих законодательных и нормативно-методических требований к стратегическому планированию как к механизму управления вполне достаточно для эффективного решения проблем модернизации российской экономики при условии их неукоснительного выполнения.

Ключевые слова: проблемы, стратегическое планирование, определение процессов, социально-экономическое развитие, Российская Федерация, период до 2030 года.

JEL codes: L52; O21; P11; P21; P41

Для цитирования: Тебекин, А.В. Проблемы стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / А.В. Тебекин. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_36. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.36-51. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_36

Введение

Одной из ключевых составляющих управления развитием национального хозяйства является стратегическое планирование.

В отечественной истории было немало ярких страниц успешного формирования и реализации стратегических планов. Достаточно вспомнить успешный опыт формирования и реализации пятилетних планов во времена СССР [35,59].

Однако последние десятилетия в отечественной истории ознаменовались существенными проблемами в формировании и реализации стратегических планов как преодоления кризисных ситуаций [29], так и социально-экономического развития страны.

Достаточно вспомнить реализацию на протяжении тринадцати лет «Стратегии-2020» [40], за провал которой [6,10,20,50] у правительства так и не хватило мужества отчитаться.

Данное исследование базируется на анализе событий, связанных со стратегическим планированием процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, вытекающих из национальных целей, определенных Указом Президента РФ от 21

июля 2020 г. № 474 [63], и выразившихся в формировании Правительством РФ Перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [41], получивших изрядную долю критики со стороны экспертов [48,49,67] с точки зрения обеспечения действенных перспектив развития национальной экономики.

Цель исследования

Таким образом, целью представленных исследований является изучение проблем стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Методическая база исследований

Методическую базу исследований составили известные научные работы по тематике стратегического планирования как механизма решения проблем модернизации экономики таких авторов, как Бабкин А.В., Бухвальд Е.М. [5], Берман С.С., Воробьев А.А. [7], Быков А.А., Ноздрин-Плотницкий М.И. [31], Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б., Ленчук Е.Б. [9], Емельянова Е.А. [18], Заверский С.М., Киселева Е.С., Кононова В.Ю., Плеханов Д.А., Чуркина Н.М. [19], Кумакова С.В. [24], Ленчук Е.Б. [25], Мехренцев А.В. [47], Овсянников С.В. [34], Руденко М.Н. [45], Семенов С.А., Филатова О.В. [46] и др.

Методическую основу исследований составили также авторские труды по стратегическому управлению [16,27,28,30,49-52,54,56,58,61].

Основное содержание исследований

Отправной точкой представленных исследований явилось появление в октябре 2021 года Перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, утвержденного распоряжением Правительства РФ [41].

Сразу обратим внимание на временной разрыв между выходом в свет Распоряжения Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г.» [41] и Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [63], достижение которых Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р [41] призвано обеспечить.

Если исходить из того, что в соответствии с поставленными целями [63] документ, определяющий стратегию их достижения, должен был появиться не позднее 31 декабря 2020 года (поскольку срок реализации предыдущей стратегии «Стратегии-2020» [40] был завешен в 2020 году), чтобы с 1 января 2021 года по нему уже можно было начать работать, то разрыв между временем постановки целей президентом и разработкой планов правительством (причем не в виде стратегии, а в форме стратегических инициатив [41]), в 15 месяцев (и это при наличии у Правительства постоянно действующего с 2011 года созвучного по названию Агентства [4]) исчерпывающе характеризует уровень исполнительской дисциплины, с одной стороны, и уровень требовательности к исполнителям, с другой стороны.

Приведенный пример наглядно демонстрирует несоблюдение принципов стратегического планирования, определенных Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [67], начиная от принципа преемственности и непрерывности, и заканчивая принципом ответственности участников стратегического планирования.

Хотя, если обратиться к сайту Минэкономразвития РФ, то среди двух десятков документов нормативного обеспечения стратегического планирования именно Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66] значителен первым.

Следует отметить, что диссонанс предложенных Правительством РФ стратегических инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [41] с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66] наблюдается уже в самой

Фронтальной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, разработанной Правительством Российской Федерации [39] (рис.1).

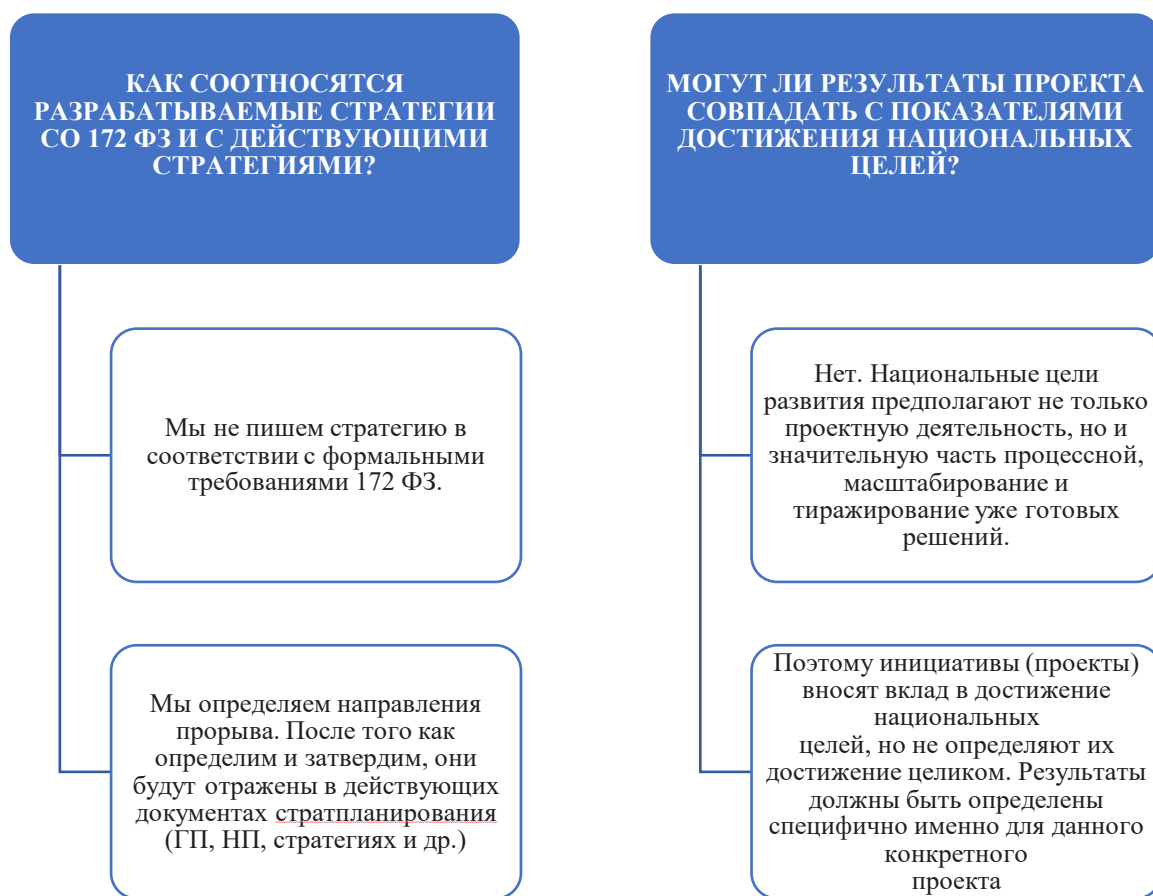

Рисунок 1. Тезисы Фронтальной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, разработанной Правительством Российской Федерации, о ее соотношении с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Источник: составлено авторами

Таким образом, если исходить из тезисов Фронтальной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации Правительства РФ [39], то речь идет не просто о несоблюдении Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66], а о фактическом его отвержении.

Проанализируем это отвержение подробнее.

Начнем с тезиса о соотношении разрабатываемой правительством стратегии (которая по сути должна являться «Стратегией-2030» - прим. автора) с ФЗ №172 и действующими стратегиями (см. рис.1).

Во-первых, разработчики фразой «мы не пишем стратегию в соответствии с формальными требованиями 172 ФЗ» [39] фактически констатируют, что закон им не указ, и, по сути, занимаясь политиканством, подчеркивают, что знают нечто такое практически ценное для стратегического планирования, что никак не учитывается «формальными требованиями 172 ФЗ» [39].

Во-вторых, детального рассмотрения требует тезис разработчиков Фронтальной стратегии о том, что «мы определяем направления прорыва» [39].

Не вдаваясь на первом этапе анализа в содержательные детали направлений прорыва, отметим, что при избытке во Фронтальной стратегии правительства [39] словосочетаний «системный эффект», «общественный эффект», «большой эффект», «социально-экономический эффект», «сетевой эффект», «долгосрочный эффект», «повышение эффективности», «эффективные изменения», нет ни одной цифры, отражающей – а сколько же эти эффекты составят?

Если же обратиться к единому плану Правительства РФ по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [17], то там цифры представлены. Так, в части национальной цели «Обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности» [63] в Едином плане [17] на 2022 год, 2023 год и 2024 год фигурирует темп роста ВВП 103%, а на 2030 год – не ниже 3,0%.

Однако, во-первых, если опираться на данные доклада Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) 2021 года на тему «От восстановления к устойчивости. Солидарно или порознь?» [2], то в 2022 году среднемировой темп роста ВВП ожидается на уровне 3,6% (что больше, чем 3,0% ожидаемых в России).

Во-вторых, если брать результаты 2021 года, то в России, по оценкам Правительства РФ, темп роста ВВП составил 104,2% [17] (и это при подтвержденном Росстатом темпе инфляции в 8,4% [44]) против среднемирового темпа роста ВВП в 5,3%, по данным UNCTAD [2].

То есть отставание России от среднемирового темпа роста ВВП наблюдается не только по факту (2021 год), но и заложено в Едином плане правительства РФ [17] на последующие годы вопреки требованиям Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 [63].

Тогда возникает резонный вопрос – а в чем же тогда заключается прорыв, обеспечиваемый стратегическими инициативами [41] Правительства РФ?

На этот вопрос дал ответ сразу после утверждения Распоряжения Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р. [41] министр экономического развития РФ М. Решетников, который заявил, что: «стратегические инициативы обеспечат дополнительно 0,3% роста ВВП с 2025 года» [42].

То есть, декларируемые Правительством «прорывы» [39] составят лишь десятую часть от планируемого номинального роста ВВП, гарантирующего отставание от среднемирового темпа роста ВВП на 0,6%.

Если обратиться к темпам роста валового национального дохода (ВНД), обеспечиваемым в результате выполнения советских пятилеток (табл.1) [59], то прорывы в экономике, ожидаемые в результате реализации стратегических инициатив Правительства РФ [41], представляются просто мизерными.

Таблица 1 - Темпы роста ВНД, достигнутые в результате выполнения советских пятилеток [59]

Номер пятилетки	Сроки реализации	Темп роста ВНД, % в год
Первая	1928—1932 гг.	>20%
Вторая	1933- 1937 гг.	>22%
Третья	1938- 1942 гг.	9%
Четвертая	1946-1950 гг.	>20%
Пятая	1951-1955 гг.	14,2%
Шестая	1956-1960 гг.	>10%
Седьмая (семилетка)	1959-1965 гг.	8,6%
Восьмая	1966-1970 гг.	8,2%
Девятая	1971-1975 гг.	5,6%
Десятая	1976-1980 гг.	4,2%
Одиннадцатая	1981-1985 гг.	3,3%

Таким образом, показатели темпов роста ВВП, заложенные в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года Правительства РФ [17] уступают темпам роста ВНД советских пятилеток самых застойных лет (см. табл.1).

Неслучайно эксперты оценивают экономику первого двадцатилетия XXI века как стагнирующую [37]. И при нынешнем подходе к стратегическому планированию [41] прогноз продолжения стагнации отечественной экономики до 2035 года [12,26,49], скорее всего, подтвердится.

Не менее красноречиво в пользу указанного утверждения свидетельствует и ответ разработчиков стратегии социально-экономического развития Российской Федерации [39] на вопрос о соотношении результатов реализации стратегических инициатив Правительства РФ как проектов с показателями достижения национальных целей (см. рис.1). Категорический ответ «нет» (рис.1) на этот вопрос, вызывает следующий вопрос – а в каком документе отражен порядок действий, определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 [63]?

Частично на этот вопрос дается ответ в Едином плане по достижению национальных целей развития российской федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года Правительства РФ [17], где предпринята попытка описания процесса покрытия показателей достижения национальных целей совокупностью федеральных проектов, госпрограмм, общенационального плана и иных мероприятий.

Однако этот документ [17] представляет собой скорее агульны сшитак (общую тетрадь – белорусс.), нежели цельную программу действий, и уж тем более не стратегию развития («Стратегию-2030»). В Едином плане [17] представлены в качестве констатации данные за 2017 год, 2018 год, 2019 год, 2020 год и фактически за 2021 год, представлены лишь плановые показатели на 2022 год, 2023 год, 2024 год и 2030 год без детализации показателей 2025-2029 годов, что требует отдельного более детального рассмотрения.

Но общую оценку Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года Правительства РФ [17] и Перечню инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [41] с позиций соблюдения принципов стратегического планирования [66] можно дать уже сейчас (табл.2).

Таблица 2 - Анализ уровня соблюдения принципов стратегического планирования [66] в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [17] и Перечне инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [41]

Принцип стратегического планирования [66]	Характеристика соблюдения принципа в рассматриваемых документах	Оценка уровня соблюдения принципа
Единства и целостности	В анализируемых документах не представлена должным образом единая стратегия как видение процессов достижения национальных целей, обладающая единством [51]	Низкий
Разграничения полномочий	Непонятно – каким образом были разграничены полномочия по подготовке «Стратегии-2030» так, что в итоге она так и не появилась. Даже стратегические инициативы Правительства РФ [41], имеющего в своем распоряжении АСИ, функционирующее с 2011 года, появились с большим опозданием.	Низкий
Преимственности и непрерывности	Не прослеживается никакой связи, отражающей преемственность «Стратегии-2030» со «Стратегией-2020» [28]. При формировании планов развития до 2030 года не были извлечены никакие уроки из ошибок и просчетов реализации «Стратегии-2020» [50].	Низкий

Принцип стратегического планирования [66]	Характеристика соблюдения принципа в рассматриваемых документах	Оценка уровня соблюдения принципа
Сбалансированности системы стратегического планирования	В представленных правительством Едином плане [17] и Перечне инициатив [41] не прослеживается сбалансированности стратегического планирования как системы ни по направлениям деятельности, ни по этапам реализации. Но главное, что в существующих документах Правительства РФ, посвященных социально-экономическому развитию до 2030-го года, не соблюден баланс между желаемыми результатами и источниками их достижения, который в бухучете, например, определяется балансом между активами и пассивами. Так, из 28 пунктов Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года Правительства Российской Федерации [17] только 3 пункта (или 10,7% плана) в полной мере отражают вопросы экономического развития, в то время как остальные 25 пунктов (что составляет примерно 90% плана) носят преимущественно социальный характер.	Очень низкий
Результативности и эффективности стратегического планирования	Единый план [17], отвечая на вопрос стратегического планирования – куда движется процесс управления, - фактически демонстрирует линейный процесс аппроксимации к целевым показателям, определенным Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 [63], фактически не отвечает на главный вопрос - как реализуются технологии управления? Как следствие должная результативность и эффективность стратегического планирования фактически не обеспечены.	Очень низкий
Ответственность участников стратегического планирования	Сложно оценить положительно, поскольку за реализацию «Стратегии-2020» из участников стратегического планирования так никто и не отчитался [50], а за разработку «Стратегии-2030», судя по заявлениям разработчиков Фронтальной стратегии [39] (см. рис.1), так никто и не взялся.	Очень низкий
Прозрачности (открытости) стратегического планирования,	Судя по тому, что сроки представления проектов стратегических инициатив по направлениям развития изначально были очень короткими - в среднем примерно месяц [36] (правда потом неоднократно переносились, растянувшись с момента поручения Председателя правительства РФ на 8 месяцев, а с момента выхода Указа Президента РФ [63] почти на 15 месяцев), общественное обсуждение, прозрачность	Низкий

Принцип стратегического планирования [66]	Характеристика соблюдения принципа в рассматриваемых документах	Оценка уровня соблюдения принципа
	которого могла бы поставить вопрос о том – а где же «Стратегия-2030» и в чем она собственно заключается?, просто не планировалось.	
Реалистичности	Несмотря на то, что показатели достижения национальных целей, определенные Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 [63], являются более простыми с точки зрения реализации по сравнению с требованиями Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 [64] (в частности исчезли пункты «е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от общего их числа» [64] и «з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов» [64]), реалистичность планов по многим направлениям социально-экономического развития (включая [63]: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство) - вызывает большие сомнения.	Низкий
Ресурсной обеспеченности	Ресурсная обеспеченность процессов развития, закладываемых в стратегических планах, вызывает известные опасения в части следующих ресурсов, необеспеченность которыми ранжирована в порядке убывания: технологические ресурсы (наиболее уязвимая позиция из-за перманентных западных санкций [11] в сочетании с нерешенностью проблемы импортозамещения [38]); высококвалифицированного персонала (достаточно уязвимая позиция, связанная с оттоком мозгов из страны); финансовых ресурсов (в определенной степени уязвимая позиция в части привлечения внебюджетных средств) и т.д.	Средний
Измеряемости целей	Принцип измеряемости целей, означающий, что «должна быть обеспечена возможность оценки достижения целей социально-экономического развития... с использованием количественных и (или) качественных целевых показателей, критериев и методов их оценки, используемых в процессе стратегического планирования» [63], в целом	Высокий

Принцип стратегического планирования [66]	Характеристика соблюдения принципа в рассматриваемых документах	Оценка уровня соблюдения принципа
	соблюдается. В частности, большинство целевых показателей Единого плана [17] имеет количественные значения, хотя и носящие нередко формальный характер.	
Соответствие показателей целям	Следует признать, что многие показатели Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [17], не в полной мере соответствуют целям (а некоторые в принципе не соответствуют)	Низкий
Программно-целевой	Несмотря на то, что Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [17] формально описывает планы по достижению национальных целей, определенных Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [63], следует признать, что программно-целевой подход, объединяющий технологии достижения целей в единую программу со взаимной увязкой по всем видам ресурсам, задачам и целям, фактически не реализован. То есть «Стратегия-2030» как экономический базис, позволяющий решить социальные проблемы, до настоящего времени отсутствует.	Очень низкий

Таким образом, проведенный анализ уровня соблюдения принципов стратегического планирования [66] в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [17] и Перечне инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [41] (табл.2) продемонстрировал в целом низкий уровень соблюдения этих принципов, предусмотренных Федеральным законом №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66], в стратегических планах Правительства РФ.

Представляется, что именно проблема с исполнением этого закона и явилась одной из причин выхода 8 ноября 2021 г. Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» [65].

Во вводной части Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633, в частности, отмечается, что «Стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [65]. То есть, Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633 в очередной раз дает понять, что Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66] является основным документом стратегического планирования в стране. Однако, учитывая реальное состояние дел в системе стратегического планирования в Российской Федерации, далее в Указе Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633 [65] отмечается, что «...вместе с тем система стратегического планирования нуждается в совершенствовании. Требуется принятие мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия

органов публичной власти в сфере стратегического планирования, его научно-методологического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, что позволит создать условия для достижения целей и реализации задач социально-экономического развития Российской Федерации...» [65].

Таким образом, Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633 [65] в очередной раз подчеркивает недостаточную эффективность реализации положений Федерального закона от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66].

Обсуждение результатов и выводы

Проведенные исследования процессов стратегического планирования как механизма решения проблем модернизации России с позиций ретроспективного, текущего и перспективного анализа показал существенные проблемы с реализацией принципов стратегического планирования, определенных Федеральным законом N 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [66].

Анализ процессов реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года («Стратегии-2020») и планирования стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года («Стратегии-2030») показал низкий уровень соблюдения принципов: единства и целостности, разграничения полномочий, преемственности и непрерывности, прозрачности (открытости) стратегического планирования, реалистичности, соответствия показателей целям.

Большая проблема заключается в очень низком уровне соблюдения принципа ответственности участниками стратегического планирования, в результате чего фактически была провалена «Стратегия-2020» (за что так никто и не понес ответственность), а «Стратегия-2030» по сути так и не появилась (за что также никто не понес ответственность), а плановые документы, принятые Правительством РФ вместо разработки «Стратегии-2030» (Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [17] и Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [41]) появились почти спустя 15 месяцев (!) после выхода Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [63].

Огромная проблема заключается в очень низком уровне соблюдения принципа сбалансированности стратегического планирования. Так, в представленных правительством Едином плане [17] и Перечне инициатив [41] не прослеживается сбалансированности стратегического планирования как системы ни по направлениям деятельности, ни по этапам реализации. Но главное, что в существующих документах Правительства РФ, посвященных социально-экономическому развитию до 2030-го года, не соблюден баланс между желаемыми результатами и источниками их достижения, который в бухучете определяется балансом между активами и пассивами. Так, примерно 90% пунктов Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года Правительства Российской Федерации [17] носит преимущественно социальный характер, то есть должно являться следствием развития экономического базиса, которому посвящена лишь десятая часть пунктов Единого плана [17].

Но и в этой десятой части пунктов экономического развития Единого плана [17] показатели во многом носят формальный характер.

Так, если обратиться к пункту Единого плана [17] по решению задачи «Обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности» [17], то запланированный темп роста в 3% в год при обещанной ЦБ инфляции в 4% (как показателя макроэкономической стабильности) сложно считать «существенным рывком».

Если исходить из пункта Единого плана [17] по решению задачи обеспечения «реального роста инвестиций в основной капитал не менее 70 процентов по сравнению с показателем 2020 года» [17] (то есть 7% в год), то при официально озвученной инфляции, например, за 2021 год, в 8,4% [44], которая

в реальности гораздо выше, и которую постоянно разгоняет ключевая ставка ЦБ, поднимавшаяся в 2021 году 7 раз (!) и достигшая к итогу года 8,5% [22], то для выполнения указанной задачи Единого плана [17] и делать ничего не придется. За счет инфляции она решится сама собой. Кроме того, рост инвестиций как таковой не является гарантией роста результата в виде возврата средств в форме выручки, дохода и прибыли.

Задача Единого плана [17], отраженная в пункте «Увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 миллионов человек» [17], которая не впервые стоит на повестке дня развития национальной экономики, не подкреплена никакими реальными механизмами реализации.

Во-первых, в силу реализации в России модели квазимонополистического капитализма [28,57] доля малого и среднего бизнеса в отечественной экономике втрое (!) уступает среднемировым показателям [14] и продолжает снижаться. Так, в частности, в 2022 году ожидается закрытие 25% предприятий малого бизнеса [21].

Во-вторых, в отечественной экономике под эгидой проблемы оптимизации системы налогообложения перманентно стоит вопрос об упразднении индивидуального предпринимательства [1,8,13] как связующего звена между малым и средним бизнесом и самозанятыми.

В-третьих, по экспертным оценкам, в России около 30 млн. человек связаны с теневой экономикой [53,55,62]. Формально можно записать существенную часть теневиков в самозанятые, но выиграет ли от этого экономика? Тем более, что занятость населения как таковая не является гарантией эффективности национальной экономики.

Возвращаясь к экономической составляющей Единого плана [17], представляется, что ее можно описать фразой, сказанной бывшим министром по делам открытого правительства М. Абызова еще в 2017 году: «Я ничего не понимаю: в чем у правительства России экономическая повестка до 2025 года?» [23], пролонгируя этот вопрос повесткой дня уже до 2030 года.

Но главная проблема реализации процесса стратегического планирования как механизма решения проблем модернизации России заключается в том, что в документах Правительства РФ, посвященных развитию экономики на период до 2030 года, нет стратегического стержня.

Ставка на технологии третьего технологического уклада (углеводороды, металлургия), сохраняющаяся со времен блокирования Косыгинских реформ [60], вполне устраивающая отечественные бизнес-элиты, в представленных планах развития по сути продолжается, поскольку:

- фактически не предусмотрено развитие технологий четвертого технологического уклада (в первую очередь машиностроения, доля продукции которого в структуре импорта в Россию составляет почти 50% [70], что создает благодатную почву для перманентных санкций Запада; кроме того, количество банкротств в отрасли отечественного машиностроения выросло в 2021 году на 12,7% (больше только в сфере транспорта – 18%) [68], что также достаточно красноречиво характеризует процессы развития экономики);

- не предусмотрено эффективное развитие технологий пятого технологического уклада (в первую очередь электроники, хотя тот же премьер М. Мишустин на совещании правительства, посвященном развитию электронной промышленности, заявил: «Нужно очень постараться, чтобы найти компьютеры либо смартфоны российского производства, да и прочие гаджеты, без которых уже современный человек не представляет свою жизнь. Что уж говорить о более сложных устройствах» [33];

- нет признаков ставки на развитие перспективных технологий шестого технологического уклада. Достаточно сказать, что в Едином плане [17] в принципе не упоминаются нанотехнологии как яркие представители ядра шестого технологического уклада [15].

Отсюда и очень низкий уровень оценки реализации принципа результативности и эффективности стратегического планирования [66].

Здесь уместно вспомнить оценку состояния дел, которую неоднократно давал в разное

время член-корреспондент РАН Р. Гринберг о том, что страна слишком далеко зашла в вопросах примитивизации экономики [32].

Собственно, термин «примитивизация» применим не только к состоянию отечественной экономики, но и к ряду «оптимизированных» социальных сфер.

В целом, подводя итог исследованиям процессов реализации стратегического планирования как механизма решения проблем модернизации России, следует отметить, что при отсутствии стратегического стержня социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года с высокой вероятностью уже сегодня можно констатировать, что должного социально-экономического развития при таком подходе к делу ожидать не следует.

И если стратегические инициативы [41] представляют собой некий клуб по интересам освоения бюджетных средств и средств Фонда национального благосостояния, то Единый план [17] представляет собой просто тришкин кафтан, где в попытках достижения национальных целей [63] соединены и пункты общенационального плана, и федеральные проекты, и госпрограммы, и иные мероприятия. Для описательной характеристики этого плана уместно вспомнить слова начальника германского генштаба Ф. Гальдер о положении на Восточном фронте, сказанные в январе 1942: «Штопка дыр! Ожидать успеха не следует» [43].

Когда стратегии нет (хотя первоначально в поручениях Председателя Правительства РФ ее создание предусматривалось, причем с привлечением научно-аналитических центров НИУ ВШ и РАНХиГС [36]), а в структуре Единого плана [14] прожекты по развитию социальной надстройки многократно превышают планы по развитию экономического базиса, то ожидать успеха, действительно, не следует. И стоит согласиться с прогнозом об ожидаемых очередных 10-15 лет стагнации.

Вопрос о превалировании в проблемах стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года недостатка компетентности разработчиков или избытка групповых интересов на общественными, обеспечивающих агентские конфликты в экономике [3], в силу неудовлетворительности результата стратегического планирования становится риторическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Предприниматели уйдут в тень»: ожидать ли отмены ИП в России. Эксперты оценили перспективы упразднения ИП в России. <https://www.gazeta.ru/business/2021/02/03/13466030.shtml> (дата обращения 20.01.2022)
2. World Economic Situation and Prospects 2021. <https://www.un.org/en/world-economic-situation-and-prospects-2021> (дата обращения 20.01.2022)
3. Анисинкова Д.С., Балясникова М.А., Волотовская О.А. Агентские конфликты и концентрация собственности. // Корпоративные финансы, 2010, №2, с.84-93.
4. АСИ. <https://asi.ru/> (дата обращения 20.01.2022)
5. Бабкин А.В., Бухвальд Е.М. Проблемы стратегического планирования в региональном и муниципальном звене управления Российской Федерации. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. No 4(223), 2015. с.25-37.
6. Беляков Е. Страна несбывшихся программ: Почему провалилась Стратегия-2020? <https://www.kp.ru/daily/27053.7/4119288/> (дата обращения 20.01.2022)
7. Берман С.С., Воробьев А.А. Стратегическое государственное управление: учеб. пособие / С.С. Берман, А.А. Воробьев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 172 с.
8. Возможна ли отмена ИП в России? <https://kontur.ru/articles/2465> (дата обращения 20.01.2022)
9. Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б., Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы. // Проблемы прогнозирования, 2020, №6, с.46-55.
10. Воронин Ю. Движение без целей: почему провалилась «Стратегия-2020». <https://newizw.ru/>

article/general/21-11-2019/dvizhenie-bez-tseley-pochemu-provalilas-strategiya-2020(дата обращения 20.01.2022)

11. Восемь лет санкций против России. Главное. <https://www.rbc.ru/politics/11/10/2021/5bffb0f09a79470ff5378627> (дата обращения 20.01.2022)

12. ВШЭ: Россию ждут 15 лет безнадежной стагнации. <https://newizv.ru/news/economy/19-04-2021/vshe-rossiyu-zhdut-15-let-beznadezhnoy-stagnatsii> (дата обращения 20.01.2022)

13. Год умирающего бизнеса: где и почему в России исчезают индивидуальные предприниматели. <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/437999-god-umirausego-biznesa-gde-i-pochemu-v-rossii-iscezaut-individual-nye-predprinimateli> (дата обращения 20.01.2022)

14. Егорова А.А., Тебекин А.В., Тебекин П.А. Современные проблемы развития предпринимательства в России и потенциальные пути их решения. // Транспортное дело России. 2020. № 5. С. 76-83.

15. Егорова А.А., Тебекин А.В., Тебекин П.А. Стратегическое влияние шестого технологического уклада на научно-производственные, экономические, социальные и политические аспекты развития мирового и национального хозяйства. // Эпомен. 2020. № 49. С. 85-100.

16. Егорова А.А., Тебекин А.В., Тебекин П.А., Итерационные методы формирования и реализации стратегий развития экономических систем. // Транспортное дело России. 2020. № 3. С. 41-48.

17. Единый план по достижению национальных целей развития российской федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. Правительство Российской Федерации. 1 октября 2021 года. https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения 20.01.2022)

18. Емельянова Е.А. Стратегический менеджмент: учебное пособие / Е. А. Емельянова. — 2-е изд., доп. — Томск: Эль Контент, 2015. — 114 с.

19. Заверский С.М., Киселева Е.С., Кононова В.Ю., Плеханов Д.А., Чуркина Н.М. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России. // Вестник ИЭ РАН. No2. 2016. С. 22-40.

20. Зимний А. День сурка: «Стратегия-2020» успешно провалена — очередь за нацпроектами? <https://www.nakanune.ru/articles/116644/> (дата обращения 20.01.2022)

21. Каждый четвертый малый бизнес допустил закрытие в 2022 году. <https://iz.ru/1278990/2022-01-19/kazhdyi-chetvertyi-malyi-biznes-dopustil-zakrytie-v-2022-godu> (дата обращения 20.01.2022)

22. Ключевая ставка Банка России. https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения 20.01.2022)

23. Комраков А. Правительство отказывается от стратегии экономического развития. // http://www.ng.ru/economics/2017-04-24/1_6980_strategia.html (дата обращения 20.01.2022)

24. Кумакова С.В. Стратегическое планирование как механизм решения проблем технологической модернизации экономики России. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. ИНИОН РАН. Москва, 2015. С. 241-246.

25. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения. // ИННОВАЦИИ No 2 (256) 2020, с.24-28.

26. Минэкономразвития предсказало 20 лет стагнации в экономике.

<https://www.rbc.ru/economics/20/10/2016/580881679a79476604f15ff6> (дата обращения 20.01.2022)

27. Митропольская-Родионова Н.В., Тебекин А.В., Хорева А.В. Анализ возможностей использования положений школы предпринимательства при формировании современных рыночных стратегий обеспечения международной конкурентоспособности национальной экономики

Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. № 5. С. 42-54.

28. Митропольская-Родионова Н.В., Тебекин А.В., Хорева А.В. Взгляд «снизу» на разрабатываемую стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. в части перспектив достижения национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство». // Эпомен. 2021. № 59. С. 72-92.

29. Митропольская-Родионова Н.В., Тебекин А.В., Хорева А.В. К вопросу о реализации национальных антикризисных программ. // Эпомен. 2020. № 46. С. 76-97.
30. Митропольская-Родионова Н.В., Тебекин А.В., Хорева А.В. Сценарий стратегического инновационного развития экономики России на основе реинжинирингового подхода. В сборнике: Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Отв. редактор А.В. Олифинов. Симферополь, 2021. С. 75-80.
31. Модернизация экономики, экономических институтов и системы государственного регулирования: моногр. / Под. ред. А.А. Быкова и М.И. Ноздрин-Плотницкого — Минск: Мисанта, 2012. - 136 с.
32. Мы далеко зашли в примитивизации экономики. <https://zen.yandex.ru/media/freeconomy/mydaleko-zashli-v-primitivizacii-ekonomiki-5baf729f502b5600ad6d16c1> (дата обращения 20.01.2022)
33. О развитии электронной промышленности. <http://government.ru/news/39266/> (дата обращения 20.01.2022)
34. Овсянников, С.В. Стратегическое бизнес-планирование: учебное пособие: Учебное пособие – г. Воронеж: Автомобильно-транспортный институт, 2019. – 133 с.
35. Ольсевич Ю.Я. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с рук. планирования СССР / Ю. Ольсевич, П. Грегори; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак. - М.: Теис, 2000. - 159 с.
36. Перечень поручений по итогам рабочего совещания у Председателя Правительства Российской Федерации по вопросам разработки стратегии социально-экономического развития Российской Федерации 26 января 2021 года. Председатель правительства Российской Федерации. г. Москва. 26.01.2021. <https://storage.strategy24.ru/files/news/202102/353531f97afd198ef357b1bf20bf3c53.pdf> (дата обращения 20.01.2022)
37. Почему за 20 лет Россия так и не перешла от стагнации к развитию. Российская экономика 1999–2019. Спецпроект «Ведомостей» и «Эксперт РА». <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/10/08/813068-20-let-stagnatsii> (дата обращения 20.01.2022)
38. Провал импортозамещения: Виновники сидят в правительстве и Минпромторге. https://tsargrad.tv/articles/medvedev-i-manturov-sorvali-plan-putina-rassledovanie-vedjot-fsb_350729 (дата обращения 20.01.2022)
39. Разработка фронтальной стратегии социально-экономического развития российской федерации. Правительство Российской Федерации, 2021. <https://dpo-rd.ru/upload/iblock/fde/fde3983057ab8fdff17b67806891ed98.pdf> (дата обращения 20.01.2022)
40. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) <О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года> (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения 01.12.2021) (дата обращения 20.01.2022)
41. Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р. Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402792803/> (дата обращения 20.01.2022)
42. Решетников: стратегические инициативы обеспечат дополнительно 0,3% роста ВВП с 2025 года. <https://tass.ru/ekonomika/12603251> (дата обращения 20.01.2022)
43. Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция 8 января – 20 апреля 1942 г. http://www.libma.ru/istorija/rzhevskaja_boinja/p3.php
44. Росстат подтвердил оценку инфляции в РФ за 2021 год на уровне 8,4%. <https://www.interfax.ru/business/815069> (дата обращения 20.01.2022)

45. Руденко М.Н. Стратегическое планирование: учеб. пособие / М.Н. Руденко, Е.Д. Оборина, Д.Н. Письменников; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 96с.
46. Семенов С. А., Филатова О. В. О направлениях совершенствования механизмов стратегического планирования и мониторинга развития территорий. // Управленческое консультирование. 2017, №5, с.96-102.
47. Стратегическое управление социально-экономическим развитием территорий: методологические основы и прикладной инструментарий: моногр. / под общ. ред. А.В. Мехренцева. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2015. 253 с.
48. Стратегия 2030: как ни садись... <https://expert.ru/2021/05/17/strategiya-2030-kak-ni-sadis/> (дата обращения 20.01.2022)
49. Тебекин А.В. ВЗГЛЯД «Вперед» как основа стратегического развития национальной экономики. // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. № 3. С. 3-11.
50. Тебекин А.В. Взгляд «назад» как фундамент стратегического развития управляемых социально-экономических систем. Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2 (54). С. 123-137.
51. Тебекин А.В. Взгляд «сверху» на разрабатываемую стратегию социальноэкономического развития национальной экономики. // Транспортное дело России. 2021. № 4. С. 11-20.
52. Тебекин А.В. Взгляд «снизу» на разрабатываемую стратегию социально-экономического развития российской федерации до 2030 г. в части перспектив достижения национальной цели «сохранение населения, здоровье и благополучие людей». // Журнал экономических исследований. 2021. Т. 7. № 3. С. 3-21.
53. Тебекин А.В. Институциональные факторы распространения серой теневой экономики в России. // Теоретическая экономика. 2021. № 4 (76). С. 49-65.
54. Тебекин А.В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития российской федерации до 2030 года. // Теоретическая экономика. 2021. № 10 (82). С. 13-26.
55. Тебекин А.В. Легалистские факторы распространения «серой» теневой экономики в современной России. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1 (49). С. 166-176.
56. Тебекин А.В. Оценка стратегических перспектив инновационного развития экономики России. В сборнике: Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор А.В. Олифинов. 2020. С. 75-80.
57. Тебекин А.В. Проблемы развития знаниеемкого производства в России и потенциальные пути их решения. В сборнике: Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI). Сборник материалов VI Международного конгресса. Под общей редакцией С.Д. Бодрунова. 2020. С. 273-281.
58. Тебекин А.В. Стратегический менеджмент. Учебник / Москва, 2020. Сер. 68 Профессиональное образование (2-е изд., пер. и доп.).
59. Тебекин А.В. Теория менеджмента [Текст]: учебник / А. В. Тебекин. - Москва: КНОРУС, 2016. - 695 с.
60. Тебекин А.В. Уроки Косыгинских реформ: научные подходы к управлению инновационным развитием экономики. // Инновации. 2017. № 3 (221). С. 11-17.
61. Тебекин А.В. Формирование стратегии развития бизнеса как видения: исторический аспект. // Журнал исторических исследований. 2021. Т. 6. № 3. С. 37-46.
62. Титов назвал число занятых в теневой экономике граждан. <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/08/19/882757-titov-tenevoi-ekonomike> (дата обращения 20.01.2022)
63. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года”. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата об-

ращения 20.01.2022)

64. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2024 года”. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения 20.01.2022)

65. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. N 633 “Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации” <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111080023> (дата обращения 20.01.2022)

66. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 20.01.2022)

67. Экономисты раскритиковали новую стратегию социально-экономического развития. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/05/13/869660-ekonomisti-raskritikovali> (дата обращения 20.01.2022)

68. Эксперты назвали отрасли с самым сильным ростом числа банкротств. <https://www.rbc.ru/economics/19/01/2022/61e6c8219a7947a716d7803d> (дата обращения 20.01.2022)

69. Эксперты оценили перспективы упразднения ИП в России. <https://www.gazeta.ru/business/2021/02/03/13466030.shtml> (дата обращения 20.01.2022)

70. Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам. <https://customs.gov.ru/folder/502> (дата обращения 20.01.2022)

Problems of strategic planning in determining the processes of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030

Tebekin Alexey Vasilyevich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor,

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: Tebekin@gmail.com

Annotation. The lessons of the past periods in solving the problems of modernization of Russia are analyzed from the point of view of the mechanisms of strategic planning.

The existing legislative and regulatory-methodological base of strategic planning as a mechanism for solving the problems of modernization of Russia is considered.

The prospects and risks of future periods of development of the Russian economy associated with the problems of strategic planning of development processes for the period up to 2030 are assessed.

It is shown that the existing legislative and regulatory-methodological requirements for strategic planning as a management mechanism are quite enough for an effective solution to the problems of modernizing the Russian economy, provided they are strictly implemented.

Keywords: problems, strategic planning, definition of processes, socio-economic development, Russian Federation, period up to 2030.

Государственное регулирование цен на товары как научный концепт: сущность, противоречия и порядок применения в государствах-членах ЕАЭС

Савельева Надежда Константиновна

Кандидат экономических наук, доцент,

ФГАОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация.

E-mail: nk_savelyeva@vyatsu.ru

Аннотация. На современном рынке цена является важнейшим естественным регулятором. Достаточно распространенное явление на рынках – государственное регулирование цен на товары. В работе уделено внимание ценовым лимитам, которые устанавливаются производителями и государством. В исследовании подробно рассмотрено государственное регулирование цен на товары как научный концепт. В результате контент-анализа и систематизации научных изысканий выявлено противоречие государственного регулирования цен на товары как научный концепт. Определены следующие преимущества лимитирования цен государством, которые прослеживаются в политиках государств-членов ЕАЭС): повышение ценовой доступности товаров, импортозамещение, борьба с теневой экономикой. Недостатками государственного регулирования цен на товары, в частности на территории ЕАЭС, признаны: ограничение конкуренции и свободной торговли, понижение качества товаров, уменьшение объема предложения и дефицит товаров, усиление рисков безработицы. Исследован порядок введения временного государственного ценового регулирования на товары в государствах-членах ЕАЭС.

Ключевые слова: государственное регулирование, ЕАЭС, ценовые лимиты, преимущества лимитирования, порядок применения.

JEL codes: E60, F02, F29

Для цитирования: Савельева, Н.К. Государственное регулирование цен на товары как научный концепт: сущность, противоречия и порядок применения в государствах-членах ЕАЭС / Н.К. Савельева. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_52. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.52-62. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_52

Введение

Цена представляет собой важнейший естественный регулятор рынка, сигнал для рыночных игроков к корректировке своего поведения на рынке (к примеру, увеличению спроса или предложения) и/или хозяйственной деятельности (поиск альтернатив/экономия для потребителей; поиск способов снижения себестоимости или изменение целевого рынка/рыночного сегмента для продавцов). Государственное вмешательство в рыночные процессы посредством регулирования цен нежелательно, так как искажает эти рыночные сигналы – в результате цены вместо повышения рациональности хозяйствования могут снижать ее.

Тем не менее, государственное регулирование цен на товарных рынках представляет собой достаточно распространенное явление. Под ним понимается установление четких лимитов цен, которым должны соответствовать все попадающие под регулирование товары. Ценовые лимиты могут быть:

- нижними, когда цена должны быть не меньше установленной величины;
- верхними, когда цены не должны превысить установленный уровень;
- двусторонними, когда цены должны находиться в фиксированном интервале.

Следует разграничивать ценовые лимиты, устанавливаемые производителями и государством. Производители товаров могут указывать строгие ценовые лимиты в договорах купли-продажи на B2B-рынках, чтобы поддерживать конкурентоспособность своей продукции на протяжении всей цепи добавленной стоимости. Это необходимо в тех случаях, если на каком-то (или нескольких) этапе цепи добавленной стоимости рыночная концентрация очень высока (к примеру, действует монополистическая или олигополистическая рыночная структура). Завышение цен на этих этапах с недостаточно высокой конкуренцией снижает возможности конечного сбыта продукции из-за ее низкой конкурентоспособности на этапе реализации (как правило, в формате B2C).

Увидев на упаковке товара сведения о ценовых лимитах производителя и поняв, что эти лимиты превышены, конечный покупатель может отказаться от покупки товара, вернуть его или поискать другого розничного продавца, который продает этот товар дешевле (в соответствии с ценовыми лимитами производителя). Сам производитель может применить по договору купли-продажи санкции к нарушителям ценовых лимитов. В этом случае лимитирование цен является инструментом маркетинг микс (ценового маркетинга), позволяющим повысить конкурентоспособность товаров на целевом рынке, повысить лояльность потребителей к ним, увеличить и гарантировать стабильные продажи – все это делается в интересах производителя (и частично – продавцов), то есть предложения.

В отличие от него лимитирование цен государством осуществляется в интересах потребителей. Оно направлено на увеличение платежеспособного спроса и рост реально располагаемых доходов населения при невозможности увеличить номинально эти доходы. В большинстве случаев государственное регулирование цен осуществляется в интересах категорий населения с наименьшими доходами и призвано обеспечить реализацию ЦУР1, связанной с борьбой с бедностью.

Ценовые лимиты, как правило, охватывают те рынки или те рыночные сегменты, на которых реализуется продукция первой необходимости – инферioresные (также называемые «неполноценными», так как при росте доходов спрос на них падает) товары и товары из низшего уровня пирамиды потребностей А. Маслоу (удовлетворяющие элементарные физические потребности – в пище, воде, крове, простейшей одежде и т.п.).

Узконаправленные (на отдельные рыночные сегменты) государственные ценовые лимиты при диверсификации деятельности производителей/продавцов позволяют им возмещать убытки (альтернативные издержки – недополученную прибыль) от реализации одних товаров (цены на которые регулируются государством) за счет реализации других товаров (цены на которые устанавливаются свободно, без государственного вмешательства).

К примеру, хлебозавод (пример производителя) или хлебный магазин (пример розничного продавца) может диверсифицировать свою деятельность следующим образом. Он может реализовывать хлеб по фиксированной (лимитированной государством) цене, чтобы получать стабильный доход, а в дополнение к этому реализовывать хлебобулочные изделия (не попадающие под государственное регулирование) по более выгодным (с увеличенной ценовой надбавкой к себестоимости) для себя ценам.

Это позволит привлечь большее число потребителей и охватить сразу несколько (или все) сегменты рынка. По мере изменения (снижения или увеличения) доходов потребителей доход (и прибыль) будет в меньшей степени колебаться, чем при ориентации только на один рыночный сегмент. В другом примере крупные розничные магазины (гипермаркеты), в основном реализующие продукцию по свободным ценам, могут заполнить свободное место на прилавках товарами, попадающими под ценовое регулирование. Это позволит повысить рентабельность, а также увеличить охват рынка, вытеснив с него конкурентов.

Материалы и методы

Государственное регулирование цен на товары как научный концепт достаточно подробно и всесторонне изучено в существующей литературе. В своей работе Iswandi E., Supriyadi I., Thamrin S. провели обзор нормативных актов и компонентов, влияющих на цены на природный газ в Индонезии

и продемонстрировали, что государственное регулирование цен на газ активно осуществляется в этой стране и является действенной и безальтернативной мерой повышения доступности газа для широких масс населения [1].

Альпидовская М.Л., Савельева Н.К. рассмотрели риск-ориентированный подход к маркетинговому управлению конкуренцией и доказали близость между маркетинговым аудитом и целями антимонопольного регулирования [2]. Созинова А.А. обосновала теоретические и методологические аспекты конкурентоспособности интегрированных предпринимательских структур [3].

В свою очередь Shaikh M., Del Giudice P., Kourouklis D. пересмотрели взаимосвязь между регулированием цен и инвестициями в фармацевтические исследования и разработки, показав, что государственное регулирование цен сдерживает НИОКР в этой отрасли и вместо повышения снижает доступность фармацевтической продукции [4]. Chou L., Dai J., Qian X., Karimipour A., Zheng X. в своем исследовании доказали, что регулирование цен на воду в сельском хозяйстве в интересах защиты окружающей среды способствует достижению устойчивой защиты почвы и воды, то есть вносит вклад в реализацию ЦУР 2 (ликвидация голода) и ЦУР 6 (доступность и рациональность использования водных ресурсов) [5].

Chen H., Sun Z. изучили международные цены на сырую нефть и выявили, что государственное регулирование вызывает асимметричную реакцию цен на бензин в Китае и потому нецелесообразно [6]. Bortolomiol S., Lurkin V., Bierlaire M. считают необходимым ценовое регулирование олигополистических рынков при дискретных моделях выбора спроса [7]. Chakraborti R., Roberts G. исследовали последствия ранее существовавшего и неожиданного повышения цен во время пандемии COVID-19 и пришли к выводу, что оно приводит к накоплению (сбережению денег в экономике) – государственное регулирование цен необходимо, чтобы стимулировать инвестиции в экономику и ускорить ее восстановление после кризиса [8].

Kakkar A.K. проанализировали практику государственного регулирования фармацевтических цен и его влияние на лекарственные инновации и считают, что необходим поиск компромисса между государственным и рыночным регулированием цен, который пока не найден [9]. Li Z.-P., Yang L., Li S.-R., Yuan X. на основе анализа долгосрочных тенденций и сценарного моделирования цен на углерод на основе энерго-экономического регулирования показали, что регулирование цен необходимо [10].

Giosa P. ввел в научный оборот понятие «эксплуатирующее ценообразование» во времена коронавируса, возникшее в ответ на закона ЕС о конкуренции [11]. Ученый считает, что перспективы регулирования цен позволят преодолеть этот «провал рынка». Bao Z., KalaycıK., Leibbrandt A., Oyarzun C. на основе комплексного анализа ценовых лимитов и торговых ограничений на экспериментальных рынках активов с детерминированными и стохастическими фундаментальными значениями показали, что государственное вмешательство в работу этих рынков нежелательно. Так как снижает их эффективность [12].

Zhang R., Ma W. применили теоретико-игровой подход и доказали значимую роль механизма поощрения и наложения государственных санкций в регулировании цен на жилье в Китае, указав на то, что принятия одних только ценовых лимитов недостаточно для регулирования цен – необходим также мониторинг, контроль и реагирование на нарушение установленных границ цен поставщиками товаров [13]. Loertscher S., Marx L.M. изучили цифровые монополии и обосновали, что регулирование цен должно сочетаться с защитой конфиденциальности и обеспечением кибербезопасности [14].

Sun K., Wu L. выявили искажение эффективности сектора производства электроэнергии при двойном регулировании цен и количества в Китае [15]. De Jorge-Huertas V., De Jorge-Moreno J. на основе анализа влияния (де) регулирования на цены на жилье в Испании в 1977–2019 гг. показали, что данное регулирование связано как с преимуществами, так и с недостатками, и его эффективность изменяется во времени [16].

Coglianesi J., Gerarden T.D., Stock J.H. продемонстрировали, что влияние цен на топливо,

экологических норм и других факторов на добычу угля в США в 2008–2016 гг., и что государственное регулирование цен нецелесообразно [17]. Zhang Q., Xu X., Zhang Y., Zheng Y., Tian J. на основе исследования колебаний и регулирования рыночных цен на картофель в Китае (с учетом представления о стабильном урожае картофеля) пришли к выводу, что государственное регулирование цен необходимо [18].

Liu Y., Zhang J., Cheng T.C.E., Ru Y., Hua G. изучили влияние регулирования цен на лекарства в Китае и показали, что данное регулирование нуждается в большем обосновании перед его введением и не должно иметь длительный характер [19]. Putri A.T., Darma R., Fudjaja L., Arsyad M., Amiruddin A. изучили влияние регулирования потолка (установления верхних лимитов) цен на рис на уровень инфляции риса в Южном Сулавеси и выявили выраженный антиинфляционный эффект государственного регулирования цен [20]. В свою очередь Stern A.D., Pietrulla F., Herr A., Kesselheim A.S., Sarpatwari A. отметили положительное влияние ценового регулирования на доступность новых лекарств в Германии [21].

Chambers D., Collins C.A., Krause A. изучили, как федеральные правила влияют на потребительские цены и провели анализ эффектов регулирования, придя к выводу о том, что данные эффекты (последствия) в большинстве случаев негативны [22]. Humphries B., Xie F. рассмотрели, как поправка Канады к регулированию цен на патентованные лекарства и пришли к выводу, что рецепты являются механизмом контроля над ценами на лекарства, негативно охарактеризовав эту меру [23]. Gabbe C.J. на основе анализа данных из Лос-Анджелеса (США) отметили необходимость изменения правил использования жилой земли для решения проблемы высоких цен на жилье, рекомендовав государственное регулирование цен [24].

Результаты

В результате контент-анализа и систематизации научных знаний, содержащихся в приведенных литературных источниках выявлено противоречие государственного регулирования цен на товары как научный концепт, которое схематично отображено на рисунке 1.

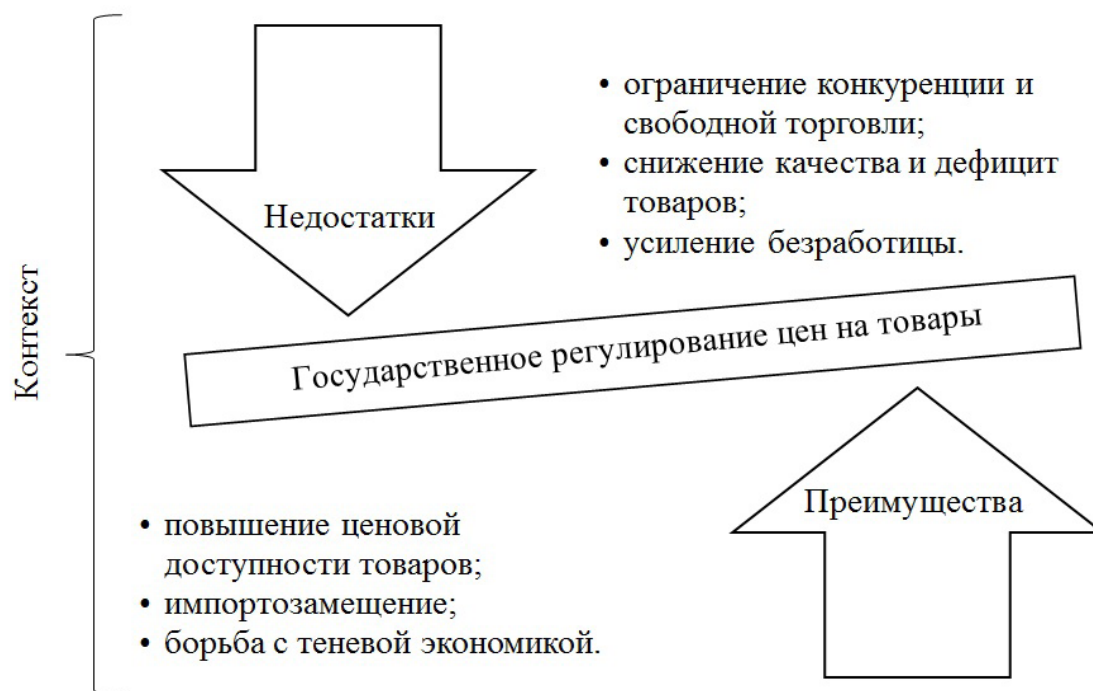

Рисунок 1. Противоречие государственного регулирования цен на товары как научный концепт
Источник: Составлен автором

На рисунке 1 наглядно показано, что государственное регулирование цен на товары связано с противоречивыми последствиями, которые следует рассмотреть более подробно. Преимуществами

лимитирования цен государством являются следующие.

Первое преимущество: повышение ценовой доступности товаров. Основная цель принятия мер государственного регулирования цен на товары связана с обеспечением доступности товаров из минимальной потребительской корзины для категорий населения с низким доходом, то есть достаточностью прожиточного минимума для них. Поэтому для того, чтобы извлечь данное преимущество и минимизировать недостатки (то есть максимизировать эффективность), при регулировании цен на товары государство следует принципу минимализма.

Этот принцип поддерживается государствами-членами ЕАЭС. Об этом свидетельствует тот факт, что в ЕАЭС государственное регулирование носит временный характер (осуществляется только в случае крайней необходимости), и ему подлежат только социально-значимые товары [25]. К примеру, с 23 марта до 29 июня 2021 г. в Республике Беларусь реализовывалось государственное регулирование цен на социально-значимые товары в связи со снижением их доступности для населения из-за локдауна в условиях пандемии COVID-19 [26]. Основу социально-значимых товаров составляет продовольствие, к примеру, молочная и мясная продукция, картофель, крупы и т.п.

В качестве альтернативной меры государственного регулирования экономики, позволяющей достичь рассматриваемого преимущества и вносящей вклад в реализацию ЦУР 1 (борьба с бедностью) выступает увеличение прожиточного минимума и субсидирование беднейших слоев населения. Однако в условиях кризиса (и, в частности, пандемии и кризиса COVID-19) государства могут испытывать дефицит средств национального бюджета, что не позволяет предоставить субсидии всем нуждающимся в необходимом объеме.

В дополнение к этому субсидирование представляет собой увеличение денежной массы в обращение, наиболее распространенным (и практически неизбежным) следствием которого является рост инфляции. Если это происходит, может образоваться «институциональная ловушка», при которой государство вынуждено постоянно увеличивать объем субсидий населению, но по мере их выплаты постоянно возрастает инфляция, что делает институт субсидирования неэффективным.

В отличие от субсидирования государственное регулирование цен не вызывает инфляцию, а напротив сдерживает ее (в случае установления верхних или двухсторонних лимитов). Благодаря этому «институциональная ловушка» не образуется, и гарантированно достигается положительный эффект в виде повышения ценовой доступности социально-значимых товаров для целевых категорий населения.

Второе преимущество: импортозамещение. Оно является дополнительным и извлекается не всегда. В случае установления верхних или двухсторонних ценовых лимитов реализация продукции на территории страны (или интеграционного объединения стран, к примеру, ЕАЭС) становится невыгодной. Это происходит в тех случаях, когда стоимость производства продукции одинакова как на территории страны, так и за ее пределами, но стоимость реализации (в основном, транспортные и таможенные издержки) выше для импортной продукции. Ее сбыт в данной стране становится невыгодным и перестает осуществляться.

Благодаря уменьшению давления внешней конкуренции отечественные поставщики (и продавцы) укрепляют свои позиции на товарных рынках, то есть происходит импортозамещение. Укрепление конкурентоспособности предпринимательства государств-членов и ускорение экономического роста ЕАЭС [27] являются целями создания ЕАЭС. Поэтому, в частности, в интересах импортозамещения на территории ЕАЭС главы государств-членов данного интеграционного объединения стран призывают друг друга к непрерывному мониторингу и своевременному регулированию цен по мере необходимости [28]. Следует отметить, что на территории ЕАЭС импортозамещение предполагает вытеснение с единого рынка государств-членов данного интеграционного объединения стран внешних игроков (конкурентов-импортеров из стран за пределами ЕАЭС).

Хотя очевидной отрицательной внешней экстерналией стремления достичь импортозамещения за счет мер государственного лимитирования цен является снижение уровня конкуренции и

увеличение рыночной концентрации, данная экстерналия не всегда возникает в результате реализации указанных мер. В отличие от традиционных мер протекционизма (тарифного и нетарифного таможенного регулирования) государственное регулирование цен не оказывает непосредственного воздействия на конкуренцию, а направлено только на цены.

Поэтому в некоторых случаях, несмотря на уменьшение ценовой надбавки к себестоимости, реализация продукции в стране, где цены на нее регламентированы государством, может оставаться умеренно прибыльной для импортеров. Или зарубежные производители могут усовершенствовать производственный процесс, снизив себестоимость производства товаров, благодаря чему даже при больших транспортных издержках (по сравнению с местными поставщиками аналогичных товаров) их реализация может быть прибыльной.

Третье преимущество: борьба с теневой экономикой. Это еще одно дополнительное преимущество, извлекаемое только в определенных случаях. Смысл состоит в том, чтобы предотвратить уклонение от уплаты налогов и развитие теневой экономики. В случае подакцизных товаров (к примеру, алкоголя) производители (и продавцы), уклоняющиеся от уплаты акцизы, могут реализовывать товары по более низкой цене, из-за чего конкурентоспособность добросовестных налогоплательщиков снижается, и они несут убытки. Установление минимальных цен (нижних лимитов) позволяет этого избежать [29].

Помимо борьбы с теневой экономикой, государственное регулирование цен позволяет повышать доступность товаров, реализуемых естественными монополиями. Для этого в ЕАЭС утвержден список особых товаров, подлежащих регулярному ценовому регулированию (рис. 2).

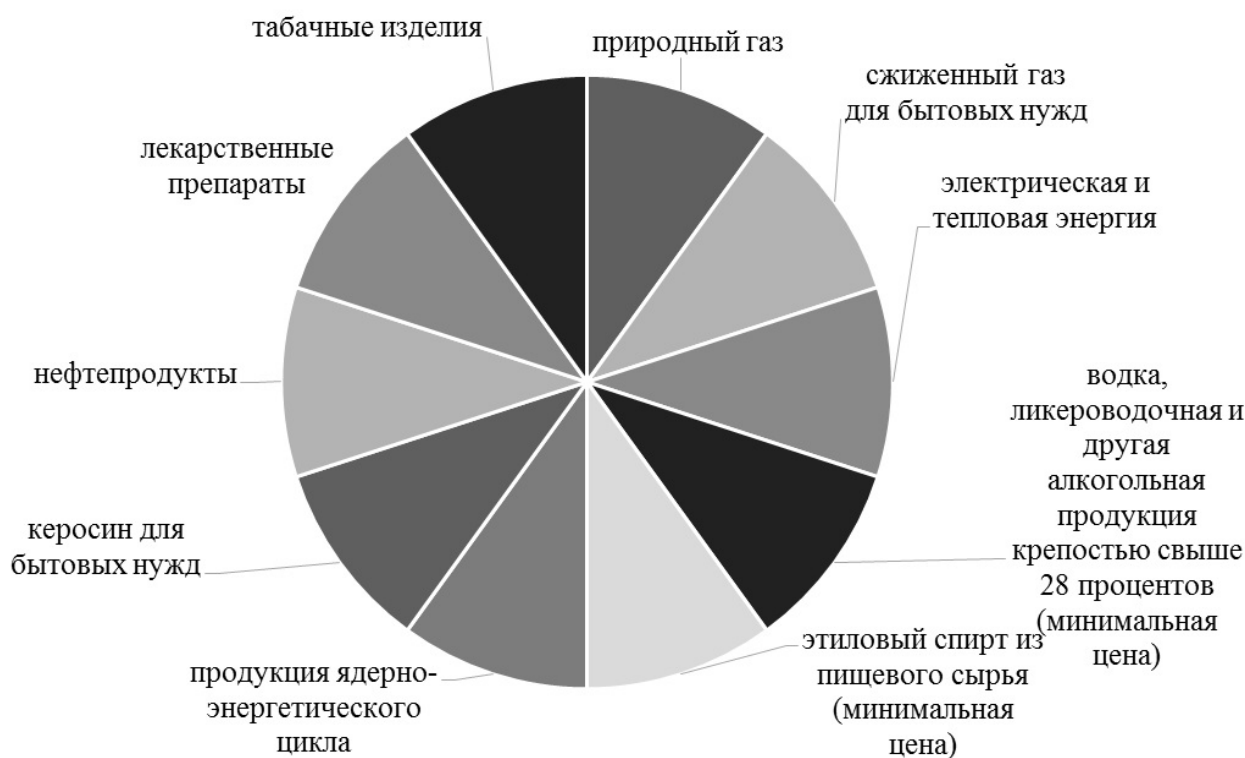

Рисунок 2. Особые товары, цены на которые подлежат государственному регулированию в государствах-членах ЕАЭС

Источник: Составлен автором

Недостатками государственного регулирования цен на товары выступают следующие. Первый недостаток: ограничение конкуренции и свободной торговли. Для интеграционных объединений стран и, в частности, для ЕАЭС, государственное регулирование цен представляет повышенную опасность, так как в случае ограничения свободной торговли на территории ЕАЭС цели его создания не будут достигнуты.

Второй недостаток: снижение качества товаров. В случае, если государством установлены

слишком низкие ценовые лимиты и/или продавцы не готовы к снижению прибыли, они могут ухудшить качество товаров для уменьшения их себестоимости. Поэтому государственное регулирование должно охватывать не только цены, но и качество товаров посредством стандартизации (к примеру, ГОСТирования).

Снижение качества товаров не обязательно связано с ухудшением их технических характеристик. Оно может происходить, к примеру, за счет снижения корпоративной социальной и экологической ответственности, которые не поддаются государственному регулированию. Поэтому при введении мер государственного регулирования цен на товарных рынках следует ужесточать контроль соблюдения трудового и экологического законодательства, чтобы предотвратить их нарушение.

Третий недостаток: снижение объема предложения и, как следствие, дефицит товаров. Если на товарном рынке преобладают государственные предприятия, регулирование цен может никак не отразиться на объеме предложения. Однако, если на рынке преобладают частные предприятия, и им невыгодно реализовывать продукцию по фиксированным ценам, они могут понести убытки или изменить свою производственную специализацию. Это приведет к дефициту товаров, который также может быть вызван искусственно частными предприятиями, чтобы впоследствии увеличить цены (когда их государственное регулирование прекратится).

Четвертый недостаток: усиление рисков безработицы. Этот недостаток возникает в редких случаях, когда предприятия терпят убытки и частично или полностью (при ликвидации предприятий) сокращают штат работников. Если государственное регулирование цен охватывает множество крупных рынков, и ценовые лимиты связаны с массовыми убытками для предприятий, может произойти существенный рост безработицы в экономике. Примечательно, что в этом случае потребность в государственном регулировании цен или альтернативных мерах борьбы с бедностью еще более возрастет, то есть возникнет «институциональная ловушка».

Согласно рисунку 1, соотношение преимуществ и недостатков государственного регулирования цен на товары, а также принятие решений о государственном вмешательстве в механизм ценообразования на рынке определяется контекстом. Можно выделить следующие условия целесообразности применения государственного лимитирования цен (характеристики контекста):

- острая недоступность минимальной потребительской корзины и рост бедности;
- высокая инфляция, не поддающаяся монетарному регулированию;
- критически высокая доля импорта в сочетании с высокими транспортными издержками импортеров.

В результате изучения нормативно-правового обеспечения ЕАЭС установлено, что в государствах-членах данного интеграционного объединения стран действует следующий порядок введения временного государственного ценового регулирования на товары (рис. 3). Этот порядок (алгоритм) закреплен в Приложении № 19 к Договору о ЕАЭС [30].

Как продемонстрировано на рисунке 3, первым этапом алгоритма введения временного государственного ценового регулирования на товары в государствах-членах ЕАЭС является определение типа товарного рынка. Для особых рынков доступно и осуществляется регулярное государственное регулирование цен без ограничений. Для прочих рынков (рынков социально-значимых товаров) на втором этапе уточняется контекст. При нормальных рыночных условиях государственное регулирование цен не осуществляется (недоступно, запрещено).

Если случай исключительный (к примеру, кризис), то государство-член ЕАЭС обращается в Евразийскую экономическую комиссию (далее – Комиссию) с запросом введения государственного регулирования цен и его обоснованием (что отсутствуют альтернативы). Если все государства-члены ЕАЭС одобряют, то происходит согласование государственного регулирования цен: только на отдельные товары, на определенной территории на максимально короткий срок (не более 90 дней в течение 1 года).

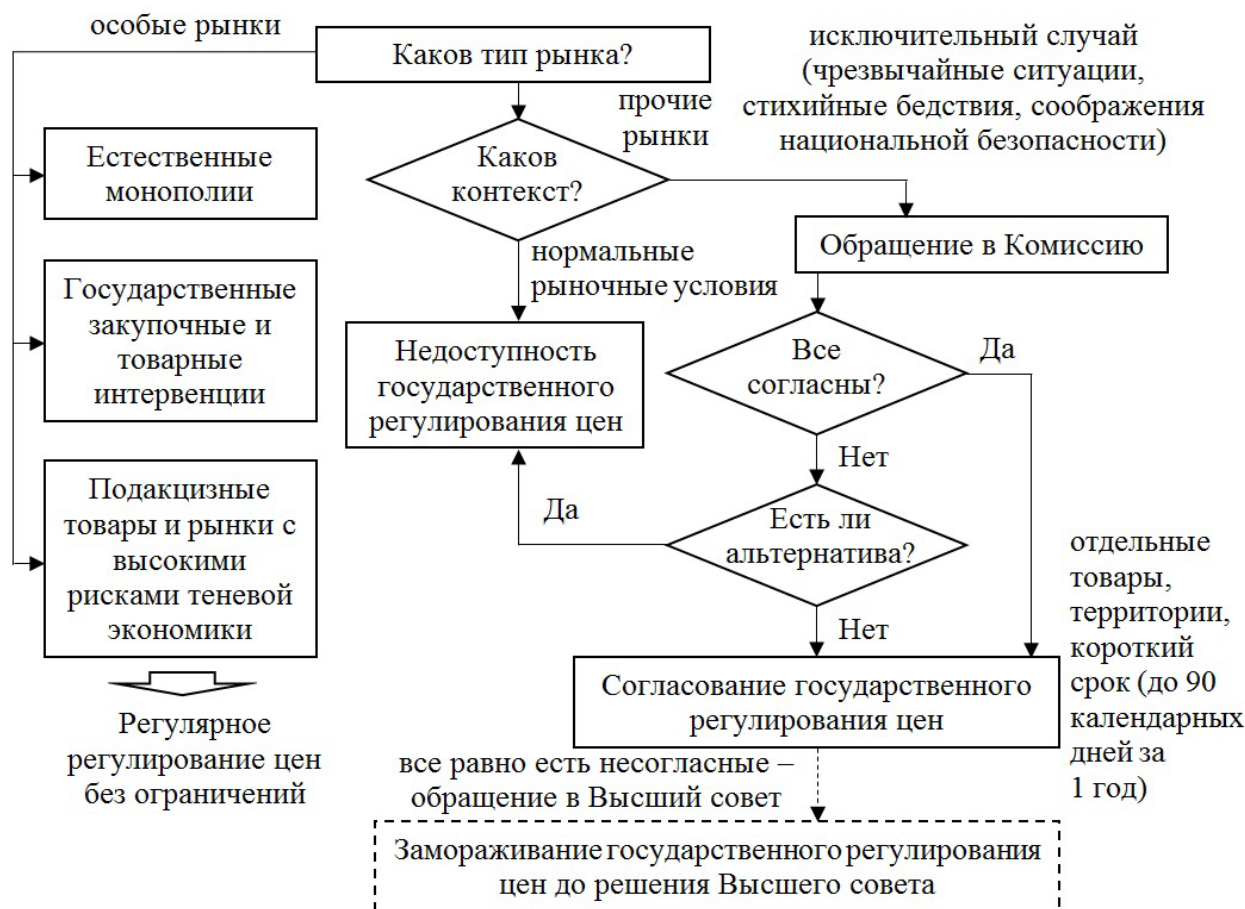

Рисунок 3. Порядок введения временного государственного ценового регулирования на товары в государствах-членах ЕАЭС

Источник: Составлен автором

Если есть несогласные, они обращаются в Комиссию и обосновывают, что доступна альтернатива. Если Комиссия соглашается с несогласными, государству-члену ЕАЭС отказывается в регулировании цен. Если альтернативы нет, происходит согласование регулирования цен. Но даже в этом случае у несогласных есть возможность оспорить решение Комиссии, обратившись в Высший совет ЕАЭС. Тогда решение, принятое Комиссией, замораживается до вынесения решения Высшим советом.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования установлено, что сущность государственного регулирования цен на товары как научного концепта состоит в установлении государством ценовых лимитов для продавцов на рынке в первую очередь для повышения доступности товаров для беднейших слоев населения, а также для импортозамещения, борьбы с естественными монополиями и с теневой экономикой.

Последствия государственного регулирования цен противоречивы и могут быть связаны с ограничением конкуренции и нарушением свободы торговли, снижением качества продукции, дефицитом и ростом безработицы. Поэтому государственное регулирование цен осуществляется только в крайних случаях и следует принципу разумного минимализма. Порядок применения временного государственного ценового регулирования на товары в государствах-членах ЕАЭС четко определен и достаточно логичен. Тем не менее, этот порядок достаточно сложен и предполагает принятие решений о необходимости и безальтернативности государственного регулирования цен. От оптимальности этих решений зависит обоснованность введения государственного регулирования цен и эффективность данной практики в ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Iswandi E., Supriyadi I., Thamrin S. Understanding gas prices: An overview of regulations and components affecting the Indonesian natural gas prices // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2021. – Т.753. – №1. – DOI: 10.1088/1755-1315/753/1/012026
2. Альпидовская М.Л., Савельева Н.К. Риск-ориентированный подход к маркетинговому управлению конкуренцией: концептуальные и методические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – №4(52). – С. 72-80
3. Созинова А.А. Экономическая сущность понятия «конкурентоспособность интегрированных предпринимательских структур» // Казанская наука. – 2015. – №2. – С. 74-76.
4. Shaikh M., Del Giudice P., Kourouklis D. Revisiting the Relationship Between Price Regulation and Pharmaceutical R&D Investment // Applied Health Economics and Health Policy. – 2021. – Т.19. – №2. – С. 217-229.
5. Chou L., Dai J., Qian X., Karimipour A., Zheng, X. Achieving sustainable soil and water protection: The perspective of agricultural water price regulation on environmental protection // Agricultural Water Management. – 2021. – №245. – DOI: 10.1016/j.agwat.2020.106583
6. Chen H., Sun Z. International crude oil price, regulation and asymmetric response of China's gasoline price // Energy Economics. – 2021. – №94. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.105049>
7. Bortolomiel S., Lurkin V., Bierlaire M. Price-based regulation of oligopolistic markets under discrete choice models of demand // Transportation. – 2021. – DOI:10.1007/s11116-021-10217-0
8. Chakraborti R., Roberts G. Learning to Hoard: The Effects of Preexisting and Surprise Price-Gouging Regulation During the COVID-19 Pandemic // Journal of Consumer Policy. – DOI:10.1007/s10603-021-09493-1
9. Kakkar A.K. Pharmaceutical price regulation and its impact on drug innovation: mitigating the trade-offs // Expert Opinion on Therapeutic Patents. – 2021. – Т.31. – №3. – С. 189-192.
10. Li Z.-P., Yang L., Li S.-R., Yuan X. The Long-Term Trend Analysis and Scenario Simulation of the Carbon Price Based on the Energy-Economic Regulation // International Journal of Climate Change Strategies and Management. – 2020. – Т.12. – №5. – С. 653-668.
11. Giosa P. Exploitative pricing in the time of CoronaVirus-the response of eu competition law and the prospect of price regulation // Journal of European Competition Law and Practice. – 2020. – Т.11. – №9. – С. 499-508.
12. Bao Z., Kalaycı K., Leibbrandt A., Oyarzun C. Do regulations work? A comprehensive analysis of price limits and trading restrictions in experimental asset markets with deterministic and stochastic fundamental values // Journal of Economic Behavior and Organization. – 2020. – №178. – С. 59-84.
13. Zhang R., Ma W. Assessing the Role of Reward and Punishment Mechanism in House Price Regulation in China: A Game-Theoretic Approach // Journal of Urban Planning and Development. – 2020. – Т. 146. – №3. – DOI:10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000602
14. Loertscher S., Marx L.M. Digital monopolies: Privacy protection or price regulation? // International Journal of Industrial Organization. – 2020. – №71. – DOI: 10.1016/j.ijindorg.2020.102623
15. Sun K., Wu L. Efficiency distortion of the power generation sector under the dual regulation of price and quantity in China // Energy Economics. – 2020. – №86. – DOI:10.1016/j.eneco.2020.104675
16. De Jorge-Huertas V., De Jorge-Moreno J. Analysis of the effects of (de)regulation on housing prices in Spain 1977–2019 // Journal of Economic Studies. – 2020. – Т.48. – №6. – С. 1194-1206.
17. Coglianesi J., Gerarden T.D., Stock J.H. The effects of fuel prices, environmental regulations, and other factors on U.S. coal production, 2008–2016 // Energy Journal. – 2020. – Т.41. – №1. – С. 55-81.
18. Zhang Q., Xu X., Zhang Y., Zheng Y., Tiaz J. Study on fluctuation and regulation of potato market price in China: Based on the view of stable crop for the potato // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – №1002. – С. 770-779.
19. Liu Y., Zhang J., Cheng T.C.E., Ru Y., Hua G. The Impacts of Drug Price Regulations in China //

Journal of Systems Science and Systems Engineering. – 2019. – Т.28. – №6. – С. 674-693.

20. Putri A.T., Darma R., Fudjaja L., Arsyad M., Amiruddin A. Rice Price Ceiling regulation's effect toward rice's inflation rate in South Sulawesi // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2019. – Т.343. – №1. – DOI:10.1088/1755-1315/343/1/012112

21. Stern A.D., Pietrulla F., Herr A., Kesselheim A.S., Sarpatwari A. The impact of price regulation on the availability of new drugs in Germany // Health Affairs. – 2019. – Т.38– №7. – С. 1182-1187.

22. Chambers D., Collins C.A., Krause A. How do federal regulations affect consumer prices? An analysis of the regressive effects of regulation // Public Choice. – 2019. – Т.180. – №1-2. – С. 57-90.

23. Humphries B., Xie F. Canada's Amendment to Patented Drug Price Regulation: A Prescription for Global Drug Cost Control? // JAMA – Journal of the American Medical Association. – 2019. – Т.321 – №16. – С. 1565-1566.

24. Gabbe C.J. Changing Residential Land Use Regulations to Address High Housing Prices: Evidence From Los Angeles // Journal of the American Planning Association. – 2019. – Т.85. – №2. – С. 152-168.

25. Государственное ценовое регулирование на товары и услуги на территориях государств-членов ЕАЭС. – Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/caa/dar/regulation_goods_services/Pages/default.aspx (дата обращения 20.11.2021).

26. Коллегия ЕЭК одобрила продление срока госрегулирования цен на социально значимые товары в Беларуси. – Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-01-2021.aspx> (дата обращения 20.11.2021).

27. Правовая информация ЕАЭС. Общие положения. – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/pravovaya-informatsiya-eaes-obshchie-polozeniya/> (дата обращения 28.11.2021).

28. Латухина К. Без барьеров: Владимир Путин призвал коллег по ЕАЭС оперативно принимать меры по регулированию цен. – Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/05/23/putin-prizval-kolleg-ro-eaes-operativno-prinimat-meru-po-regulirovaniu-cen.html> (дата обращения 01.12.2021).

29. ЕАЭС продолжит обсуждать введение минимальных цен на алкоголь крепостью до 28%. – Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10689183> (дата обращения 27.11.2021).

30. Приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе Протокол об общих принципах и правилах конкуренции. – Евразийская экономическая комиссия. – URL:http://www.translation-centre.am/pdf/Trans_ru/EVRAZES/Annex_19_ru.pdf (дата обращения 01.12.2021).

State regulation of commodity prices as a scientific concept: essence, contradictions and procedure of application in the EAEU member states

Savelieva Nadezhda Konstantinovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

E-mail: nk_savelieva@vyatsu.ru

Annotation. In today's market, price is the most important natural regulator. A fairly common phenomenon in the markets is the state regulation of prices for goods. The paper pays attention to the price limits that are set by manufacturers and the state. The study examines in detail the state regulation of commodity prices as a scientific concept. As a result of content analysis and systematization of scientific research, the contradiction of state regulation of commodity prices as a scientific concept has been revealed. The following advantages of price limitation by the state are identified, which can be traced in the policies of the EAEU member states): increasing the affordability of goods, import substitution, the fight against the shadow economy. The disadvantages of state regulation of prices for goods, in particular on the territory of the EAEU, are recognized: restriction of competition and free trade, reduction in the quality of goods, reduction in the volume of supply and shortage of goods, increased risks of unemployment. The procedure for the introduction of temporary state price regulation for goods in the EAEU member states is investigated.

Keywords: state regulation, EAEU, price limits, benefits of limitation, procedure for application

Деньги и бартер как две формы отношений экономического обмена

Половян Алексей Владимирович

доктор экономических наук, доцент,

ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, Донецкая Народная Республика.

E-mail: polovyan@yandex.ru

Шматько Алексей Евгеньевич

научный сотрудник отдела финансово-экономических исследований,

ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, Донецкая Народная Республика.

E-mail: shmatko.a.e@econri.org

Аннотация. Глобальные процессы проникновения информационных технологий в финансовый сектор поставили перед ним новые задачи, связанные с выбором способа организации денежной системы: централизованный или децентрализованный. Поэтому остаётся актуальным вопрос о роли денег в экономике. Для ответа на него предложено использовать метод экономической двойственности. В статье рассматриваются отношения экономического обмена как имеющие двойственную природу, проявляющуюся в наличии или отсутствии предмета – посредника этого обмена, имеющих цель удовлетворение потребностей. Также методом сравнения проводится углубление анализа отношений экономического обмена для раскрытия их сущности. Приводятся примеры обменных взаимодействий, которые исследуются социальных и естественных науках. В результате выделяется экономическое содержание обменных отношений, характеризующихся отъемлемостью. Делается общий вывод о том, что денежные и бартерные отношения являются двумя формами экономического обмена и других не существует.

Ключевые слова: экономический обмен; деньги; бартер; метод экономической двойственности; свойство отъемлемости.

JEL codes: D51; E40; P44; Z00

Для цитирования: Половян, А.В. Деньги и бартер как две формы отношений экономического обмена / А.В. Половян, А.Е. Шматько. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_63. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.63-74. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_63

Постановка проблемы и актуальность темы исследования

Достижения в области информационных телекоммуникационных технологий, активно внедряемых в банковскую деятельность и финансовую систему в целом, порождают развитие форм денег и появлению новых форм обмена посредством Интернета — блокчейн, криптовалюта и другой финтех. С другой стороны, кризисные явления активизируют неденежные формы обмена — бартер становится доминирующей системой в эпоху глобальных социально-экономических, военно-политических и тому подобных потрясений. Кроме того, криптовалюта и блокчейн бросают вызов традиционно сложившимся системам финансов, ядром которых является двухуровневая банковская система, и порождают весьма противоречивое отношение центральных банков и отдельных индивидов к этим новым явлениям.

Всё это даёт основание утверждать, что до сих пор актуальны вопросы о необходимости существования денег, почему бартерные отношения никуда не деваются и в чём суть современных споров, в какой форме будет строиться система денежных отношений — далее оставаться централизованной или постепенно превращаться в децентрализованную.

Исторически становление денежных отношений (финансов) началось с изобретения денег. Следствием этого явилось возникновение и развитие денежной экономической системы обмена товарами и услугами. При этом, бартерную систему экономических отношений нельзя считать полностью вытесненной — в те или иные исторические моменты сбой функционирования денежной

системы приводили к тому, что она становилась доминирующей. Отсюда следует, что природа взаимосвязи бартерных и денежных отношений, а по сути — роли денег в экономике, коренится не просто в упрощении экономического обмена. Обеспечение удовлетворения потребностей человека является основанием экономики — отталкиваясь от этого и можно раскрывать суть взаимосвязи бартерных и денежных отношений.

Индивидуальная человеческая деятельность имеет физические ограничения в силе, скорости, способностях и времени. Желание удовлетворить свои потребности может приводить к осознанию того факта, что самостоятельно получить желаемое не представляется возможным. В этот момент открываются два варианта: 1) пересмотреть своё отношение и отказаться от исполнения желания; 2) искать возможности, как удовлетворить потребность. Первый — сугубо экзистенциальный и не является предметом рассмотрения экономической науки. Во втором случае человек сталкивается с необходимостью вступать во взаимодействие с другими индивидами. Здесь и возникают экономические отношения, как часть спектра всех возможных отношений между людьми.

На этих двух основаниях и покоится возможность того, как человек может удовлетворить свои потребности: личные способности и количественные и качественные характеристики его взаимоотношений с другими людьми. Важно отметить, что само умение контактировать и строить отношения с другими людьми также является сугубо личной способностью человека. Правда, она может быть простимулирована не только внутренним побуждением удовлетворения своих желаний, но и внешними обстоятельствами (внешние условия могут просто заставить начать строить отношения).

Целью исследования является дальнейшее углубление анализа отношений экономического обмена товарами и услугами с использованием денежных эквивалентов и без них. Задачи исследования: 1) выделить особенности экономического обмена и отделить его от других форм обмена; 2) показать, что денежные и безденежные отношения являются двумя формами экономического обмена и других не существует.

Методы исследования

Для решения первой задачи использован метод сравнения явлений обмена, исследуемых не только в экономике, но и в других науках, как естественных, так и социальных. Тем самым выделены ключевые характеристики экономического обмена. Вторая задача решалась методом экономической двойственности [1]. Суть его заключается в том, что экономические явления рассматриваются как единство противоречивых сущностных аспектов [1, с.17]. Денежные и безденежные отношения обмена характеризуются взаимоисключающим свойством — наличием и отсутствием предмета — посредника обмена.

Обзор литературных источников. Поверхностный взгляд на литературу об экономическом обмене приводит к мысли о том, что нужно включить в обзор всю имеющуюся экономическую литературу, поскольку в ней раскрывается либо непосредственно сам экономический обмен как явление, либо его отдельные аспекты уже как предмет исследования.

Поиск по ключевому слову «экономический обмен» («economic exchange» для англоязычных публикаций) в электронных библиотеках выдаёт следующие количественные результаты статей в научных журналах: eLibrary (РИНЦ) — 9319; Oxford Academic (Oxford University Press) — 1160; Cambridge Core (Cambridge University Press) — 76; The University of Chicago Press Journals — 258; Elsevier (ScienceDirect) — 3075; Wiley (John Wiley & Sons, Inc.) — 2573; Taylor & Francis — 4522; Jstor — 5957; EconBiz — 181.

Анализ результатов работы поисковых алгоритмов позволяют сделать следующие выводы. В получаемые выборки попадают не только экономические статьи: кроме статей по общественным и гуманитарным наукам (искусство, история, юриспруденция, политика, международные отношения, филология и др.), можно найти также статьи по математике — в основном с описанием экономико-математических моделей, а также по естественным и техническим наукам: физике, химии, науке о мозге,

энергетике и др. Следует заметить, что в выборки попадают и откровенно нерелевантные статьи, что можно характеризовать как ошибки первого рода работы алгоритмов поиска. Тем не менее, их стоит рассматривать в большей степени как положительный факт, а всё это свидетельствует об объёмности понятия экономического обмена с одной стороны, а с другой — о мультидисциплинарности описания обменных взаимодействий вообще.

Выделение собственной исследовательской ниши. В литературе не принято рассматривать явление экономического обмена как дуальное. Денежный и безденежный обмен при таком рассмотрении становятся проявлением единства содержания обменных экономических отношений.

Результаты исследования

В начале XXIV в. бартер как одна из форм обмена продолжает существовать как явление, однако среди исследователей дискуссионным является вопрос о существовании бартера как предшествующей формы в эпоху становления экономических отношений с использованием денег [2, с.127–129; 3, с.97; 4, с.23–33]. Постановка данного вопроса актуальна в силу самого принципа историзма, позволяющего не только прояснять происходящее в текущем моменте, но и делать некоторые предположения о будущем. Однако логика раскрытия данного вопроса зачастую попадает в ловушку эволюционизма, описывающего развитие как восхождение от простого к сложному, от более примитивного к более прогрессивному. В результате чего, свойства бартера как явления сопоставляются с деньгами и рассматриваются как отрицательные, потому что бартер — это первобытно, а деньги — цивилизованно.

Здесь более уместным видится рассмотрение вопроса о существовании бартера в логике способности и возможности удовлетворения своих потребностей отдельным человеком. Если собственных усилий ему хватает для получения желаемого, то здесь ещё нет экономики. Индивидуальные затраты энергии направлены строго на достижение конкретной цели. Экономика возникает, когда человеку становится нужно вступить во взаимоотношения с другими людьми для этого. В таком случае он также прилагает усилия, но уже не в той форме, что в случае сугубо индивидуальной деятельности, и энергетические затраты на достижение цели распределяются иначе — возникают обменные отношения, в которых нужно обменивать собственную определённую энергию на другую энергию в иной форме. Тогда не так важно становится ответить на вопрос, что первично — бартер или деньги, и его острота и принципиальность снимается для экономической теории. Ведь сначала могли быть изобретены деньги, а появление бартерных, т.е. безденежных, отношений стало результатом реакции на кризис денежной экономической системы, как это было, например, в США в 1930-е и в России в 1990-е гг. Однако вместо казуистики здесь возникают такие вопросы: 1) в чём отличие обмена экономического от его других видов; 2) существовал ли необмен как предшествующая форма или обмен сразу был формой экономического взаимодействия людей.

Для ответа на первый вопрос следует отталкиваться от того, что обмен — это явление природы. Например, взаимопревращение механической (кинетической, потенциальной) и внутренней (тепловой) энергии представляют собой вид энергетического обмена в материи [5, с.81], упругое взаимодействие в механических системах как пример моментальной ответной реакции на внешнее воздействие и обменное взаимодействие в виде противоположно направленных сил [6, с.161].

Обмен веществ в живом организме, несмотря на название, представляет собой комплекс биохимических одновременно протекающих процессов [7, р.119–122]. Однако, собственно обмен заключается в том, что процессы идут в двух направлениях — это катаболизм и анаболизм. При катаболизме белки, жиры и углеводы распадаются до элементарных структур (аминокислоты, жирные кислоты, глюкоза) с высвобождением тепла и образованием аденозинтрифосфорной кислоты (АТФ), а при анаболизме из полученных элементарных структур строятся собственные для организма белки, жиры и углеводы и затрачивается АТФ.

Обратимые химические реакции (например, реакция синтеза аммиака из азота и водорода, бензоиновая конденсация, реакция Бухерера, перегруппировки Корнфорта и Коупа [8, с.42, 64, 182, 184]) также являются примерами обменных процессов, когда превращение одной группы веществ

в другую происходит при одновременном обратном превращении второй группы в первую, что описывается состоянием химического равновесия, а для достижения определённого эффекта — собственно, получения конкретного вещества — требует приложения дополнительных внешних усилий. Принцип Ле Шателье [9, с.87–90] является обобщением подобных процессов не только для случаев химических взаимодействий, но также и механических, термодинамических, электрических. Для экономических систем также есть определённые предложения [10, с.60–62]. Согласно принципу Ле Шателье рассматривается стимулирование внутренних процессов, компенсирующих внешнее воздействие на систему, и в какую сторону при этом смещается равновесие (химическое, механическое, термодинамическое, термоэлектрическое, экономическое).

Таким образом, обмен представляет собой определённое состояние материки как двупольного взаимодействия её элементов. Обособление экономического вида обмена во всём многообразии его видов обусловлено предметом экономической науки, в рамках которой рассматривается та часть человеческих отношений, в которых он выбирает из альтернатив для удовлетворения своих потребностей. Следует, однако, провести демаркацию экономического обмена и от других его форм, которые рассматриваются в социальных и гуманитарных науках.

В рамках данного исследования есть определённые ограничения, препятствующие сделать достаточно глубокий анализ, т.к. здесь возникают несколько моментов. Во-первых, социология, психология, политология, как и экономика, также исследуют поведение человека и его взаимоотношения с другими индивидами, в том числе и в аспекте его способностей и возможностей достижения своих целей, удовлетворения потребностей, получения желаемого. Во-вторых, как следствие из предыдущего, возникает опасность беспечно впасть в экономический, социологический или какой-нибудь другой редукционизм. В-третьих, в этих науках также в определённом контексте используются такие категории как «выгода» и «издержки», по своему первичному восприятию носящие сугубо экономический смысл, что требует дополнительной демаркации понятий и предмета исследования.

Тем не менее, следует выделить ключевые положения, для ограничения круга рассматриваемых вопросов. Общим в исследовании обменных взаимодействий для экономики, социологии, психологии, политологии, юриспруденции и лингвистики является то, что участниками являются люди. Также, что в процессе таких обменных актов каждый участник такого взаимодействия что-то приобретает, получает, что, по сути, и оказывается целью вступления во взаимодействие. Кроме того, почти всегда существует несколько вариантов поведения (или вариантов речевых действий-сообщений в случае лингвистики), из которых человек выбирает, т.е., как и в экономике, имеет место выбор альтернатив.

Можно попытаться рассуждать в дихотомии материальное – нематериальное, однако, это тупиковый путь, поскольку под нематериальным в обычной практике жизни принято понимать то, что невозможно явно перцептировать, т.е. воспринять сенсорными системами человеческого организма, а необходимы дополнительные устройства или предметы, либо возникают трудности с локализацией в пространстве и времени. В том числе, строго выделить нематериальное даже в случае явной возможности восприятия также очень сложно, например, в случае обмена речевыми действиями-сообщениями. Здесь происходит передача звуковых волн в пространстве, заполненном носителем, воздухом, в котором возможна такая передача. Несмотря на то, что лингвистика абстрагируется от этого физического свойства, выделяя таким образом свой предмет исследования, сложно отрицать сугубо материальную природу речи. Если же рассматривать нематериальное как способ идеалистического описания картины мира, то смешивать его с материалистическим следует очень осторожно в силу несоразмерности объёмов понятий.

Процессы экономического обмена характеризуются отъемлемостью, как качественным свойством взаимодействия. Обмен происходит тем, что может быть возвращено назад, отнято, утеряно, либо тем, что преобразует свою форму без явной прямой возможности восстановления исходной, элиминировано. Например, после стрижки нельзя вернуть волосы назад, купленная, приготовленная и съеденная пища необратимо меняет свою форму в результате употребления, т.е.

всё это обладает таким свойством как быть применённым, употреблённым. Акт обмена предполагает двусторонний процесс, в котором что-то отдаётся и что-то получается и это получаемое и отдаваемое находится у человека временно. В процессе психологического, политического, лингвистического, юридического или социального общения человек приобретает то, что после уже невозможно у него отнять — определённые качества характера, воспоминания, жизненный опыт, равно как и отдаёт он то, что фактически с ним и остаётся — те же воспоминания, качества характера, жизненный опыт. Если же нечто может быть при определённых обстоятельствах отнято либо потерять свою изначальную форму — обмен этим уже является предметом исследования экономической науки. Утрата воспоминаний в силу физиологических процессов в головном мозге является предметом исследования медицины.

Таким образом, под экономическим обменом понимается вид человеческих отношений, в которых человек взаимодействует с другими индивидами или группами людей и выбирает среди отъёмлемых альтернатив для удовлетворения своих потребностей. Следует заметить, что отъёмлемость также присутствует и в обменных процессах, исследуемых в естественных науках — также есть временное положение взаимодействия (химические реакции) или необратимое преобразование формы (обмен веществ), что в определённых аспектах сближает экономику с ними.

Далее необходимо ответить на второй вопрос о существовании обмена как формы отношений между людьми для удовлетворения своих потребностей. Прежде, по аналогии с обменными взаимодействиями, следует рассмотреть это явление вне экономики.

В естественных науках необменные процессы так или иначе исследуются в связи с нарушением принципа Ле Шателье. Например, неупругая (или пластическая) деформация твёрдых тел [11, с.19] (пластилин, кристаллы с дислокациями) и необратимые химические реакции (с выпадением осадка или улетучиванием вещества). Второе начало термодинамики, гласящее о невозможности достичь абсолютный ноль температуры за конечное число шагов, запрещает существование идеальной тепловой машины, т.е. вечного двигателя, в которой идеальный теплообмен с окружающей средой описывается идеальным гистерезисным процессом. Следовательно, обмен существует как явление природы. Здесь следует обратить внимание, что необменные взаимодействия характеризуются неэквивалентностью: часть энергии взаимодействия покидает либо наоборот необходимо внешнее поступление энергии для его осуществления. При этом, это верно для локализованного (модельного) рассмотрения явления, а глобально часть материи или энергии просто преобразует свою форму — невозможно образование чего-либо из ничего.

В случае психологического, политического, юридического, лингвистического и любого другого социального взаимодействия обмен отсутствует — всегда что-то отдаётся и получается взамен. Отсутствие взаимности приводит к прекращению взаимодействия. В этой связи, рамках экономической науки, с точки зрения способности и возможности удовлетворить свои потребности, рассмотрение обмена как формы взаимодействия может быть поставлено под сомнение.

В историческом развитии человечества принято выделять, начиная с К.Маркса, первобытный коммунизм, как первую форму организованного взаимодействия людей для удовлетворения своих потребностей, в которой отсутствовал обмен между ними [12, с.80; 13, с.23–24], поскольку всякая собственность находилась в общем пользовании и доступе для распределения. Антропологические исследования сообщают об архаичных формах обмена, сохраняющихся по сей день. Например, эти события подробно описаны в классических трудах антропологов М.Мосса и Б.Малиновского.

М.Мосс [14] описывает общественную жизнь австралийцев, новозеландцев и полинезийцев, в частности «потлач» (или «потлатч»). Б.Малиновский [15] подробно исследовал «кула» у меланезийцев. Ключевой особенностью этих институтов обмена, которые охватывают значительную часть общественных отношений, не только экономических [14, с.137], является то, что сторонами договора в этом процессе являются коллективы, а не индивиды [14, с.140; 15, с.100; 16, с.14]. На операциональном уровне обмен персонализирован через вождей племени или специальных представителей. В том

аспекте, что межличностный обмен вроде как отсутствует, собственно, который и является предметом исследования современной экономической науки, можно увидеть заблуждение об отсутствии обмена, связанное с восприятием его через современные его формы. Более строго, чёткая фиксация контрагентов обменной процедуры является главной отличительной чертой современного обмена от его версии в первобытные времена.

Особенно это заметно в таких элементах общественной жизни той эпохи, как жертвоприношения. Ключевой особенностью этого явления есть то, что жертвователю ищет выгоды, в данном случае это благосклонность высших сил [15, с.403; 17, с.9, 16].

Следует упомянуть, что под даром в чистом виде понимается процедура передачи предмета или оказания услуги и при этом не ожидается чего-либо взамен [15, с.187]. Более того, в данном случае стоит усомниться в существовании такого вида экономических отношений, обычно приписываемых бартерным, как экономика дарения, по нескольким причинам. Во-первых, потому, что даже «отдавание» высшим силам происходит в надежде на получение некоторого блага, т.е. уже не бескорыстно. Во-вторых, возникает трудность (в большей степени, следует заметить, гипотетическая) построения модели общества, согласно которой группа людей обменивался бы чем-либо, не ожидая при этом получить что-нибудь взамен. Аргументами в пользу данного тезиса могут быть большое количество утопических литературных произведений, а также примеры неудачных реальных попыток создать общины со справедливыми отношениями обмена. В-третьих, эволюционный аргумент: история рода человеческого *Homo sapiens sapiens* насчитывает, по разным оценкам, от пяти до семи миллионов лет, а если учитывать возникновение млекопитающих, то и все триста, в то время как религиозные учения, содержащие концепцию безвозмездного отдавания, господствуют всего около пяти тысяч лет. Такое существенное временное различие вылилось в, своего рода, шуточное утверждение, что «бесполезно спорить с эволюцией». Нешуточное содержание этого утверждения подчёркивает близость поведения человека с поведением разных видов животных и глубокую именно биологическую преемственность поведенческих характеристик.

Поэтому жертвоприношение можно охарактеризовать, во-первых, как отдавание без персонализированного получателя, и, во-вторых, как способ установления особых отношений с Высшими Силами с целью удовлетворения определённых потребностей, т.е. жертвоприношение также является отношением обмена. Данные утверждения позволяют возразить Д.Греберу [4], который ставит вопрос об устройстве человеческого общества как вопрос о должностовании — «что мы на самом деле друг другу должны» [4, с.24], а, самое главное, что неверно воспринимается природа экономики и общества и что «общей чертой этих ошибочных концепций является то, что они стремятся свести все человеческие отношения к обмену, как если бы наши связи с обществом и даже со Вселенной можно было бы представить в виде сделки» [4, с.24]. Характерное использование термина «сделка» для описания взаимоотношений, как между людьми, так и человека с Природой или Богом, носит отрицательную коннотацию и это приводится как единственный аргумент того, кроме отношений обмена есть и отношения необмена: «если не обмен, то что?» [4, с.24]. Авторский подтекст можно интерпретировать здесь в двух аспектах: 1) как то, что наличие альтруистического поведения предполагает всё-таки бескорыстное взаимодействие, и 2) как невозможность договориться со Вселенной — «хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Во втором случае богатая примерами художественная литература говорит о том, что, например, дьявол всегда выполняет условия сделки, по которой исполняет все желания в обмен на душу. При этом возникают вопросы, с чего вдруг с дьяволом заключённый договор обязательно исполнится, разве он не может и не состояться (о чём как раз стараются и рассказать литературные примеры)? Равно как, почему это с Богом невозможно договориться и строго выполнить условия контракта? В данной работе не ставится задача ответить на эти вопросы, они приводятся лишь для подтверждения указанного выше тезиса о том, что смешение терминов (терминологический винегрет) материалистической и идеалистической картин мира приводят к построению логически неразрешимых, недоказуемых и непроверяемых

концепций, приводящих в большей степени к словоблудию и конфликтам.

В рамках данного исследования преследуется цель показать, что все человеческие отношения, а также личные взаимоотношения человека с Высшими Силами (Вселенной, Природой, Высшим Разумом, Богом и т.п.) являются двунаправленными обменными взаимодействиями и не перестают быть таковыми. Отсутствие обмена — это отсутствие отношений. Использование конкретного термина для описания этого явления является сугубо лично авторским выбором.

Тот факт, что сохранившиеся архаичные формы обмена осуществляются между организованными группами людей, подтверждает тезис о том, что одним из способов удовлетворения своих потребностей является необходимость вступить во взаимоотношения с другими индивидами. В современных условиях такие формы кооперации также находят своё отражение в системах локального обмена, например, банках времени [21].

Тем не менее, следует далее углубиться в биологическое прошлое, что позволит увидеть истоки возникновения экономических отношений.

В палеоантропологических исследованиях мозга С.Савельев [22, с.41–52; 23, с.20] выделяет «райский» период, в который «в Восточной Африке сложилась оптимальная среда для процветания приматов, которая подразумевает получения множества биологических благ с минимальными затратами» [22, с.42]. Собственно, биологическая благоприятность условий характеризуется отсутствием ограничений для самовоспроизведения вида в окружающей среде, особенно в питании. Климатические условия позволили сформироваться такому разнообразию источников пищи, для которой не требовалось серьёзных усилий и специализации частей тела (зубов, когтей и т.п.) в добыче, переработке и употреблении — рыба и её икра, яйца птиц, водные беспозвоночные, фрукты.

Избыток доступной высококалорийной и разнообразной пищи и тёплый климатический режим без сильных сезонных изменений привели к трансформации тела и поведения. Упростилась зубная система, кариес стал обычным явлением, окончательно закрепилась бипедальность как способ передвижения, утратился плотный волосяной покров. Женские репродуктивные циклы перестали иметь сезонный характер, готовность к размножению стала практически постоянной. Удлинились сроки вскармливания потомства.

Самым главным результатом «райского» избытка пищи стало снижение конкуренции и природной агрессии, а изменение репродуктивных возможностей женщин привело к тому, что усложнилось половое поведение как конкуренция за женское благорасположение, которое легло в основу первого этапа социализации в популяции, стала активно развиваться речь. Впервые возникли критерии отбора не по биологическим, а по социальным признакам [22, с.48].

Изобилие источников питания позволило вскармливать потомство достаточно долго, в результате чего успешно достигалась цель передачи генома в следующее поколение. На физиологическом уровне это закрепилось в значительном увеличении лобных областей коры головного мозга, называемых ассоциативными зонами, функциональное предназначение которых в первую очередь и на сегодня является быть тормозными центрами для пищевого поведения [22, с.57–59]. На это потребовалось несколько миллионов лет. Вот эта закреплённая способность долго делиться пищей со своим потомством, что характерно именно для человеческой популяции, сыграло значительную роль, когда климатические условия изменились и «райский» период закончился.

Возникли проблемы добывания пищи, безопасной миграции и размножения [23, с.28]. Это привело к следующему этапу развития социальных отношений, когда ещё у австралопитеков «для выживания неродственных групп стали важны конформистские взаимодействия, а не стандартная животная конкуренция» и «соблюдение социальных правил и отношений стало гарантией выживания», произошёл переход «к социально зависимой борьбе за существование» [23, с.21–22].

Тот факт, что в борьбе за существование стало необходимым кооперироваться, был обеспечен соответствующим физиологическим субстратом головного мозга, детерминирующим такое поведение, а также достижениями «райского» периода, что позволило дальше развиваться внегеномному

наследованию и вынужденному обмену пищей с неродственными особями [23, с.22–23]. Последнее является основой дальнейшего углубления, усложнения и совершенствования индивидуального поведения и социальных отношений. Именно для людей является присущей способностью делиться пищей — биологически самым сокровенным — не только для длительного вскармливания своего потомства, но также и для того, чтобы поделиться этим с неродственниками. Более того, даже с представителями других видов: кошками, собаками, и не только млекопитающими, а ещё и рыбами, а то и представителями совершенно другого таксономического типа членистоногих — пауками, тараканами и т.п., которых заводят в качестве домашних животных. Способность поделиться и обменяться пищей с некровными родственниками является фундаментальной поведенческой характеристикой современного человека. Это выражается не только в наличии домашних животных, но и в таких распространённых социальных ритуалах как разнообразные празднования в коллективах на работе, институте усыновления и удочерения, налогодоблжении, кредитовании и др.

Таким образом, изменение условий существования, которые привели к лишению избытка пищевых ресурсов, привели к тому, что люди стали взаимодействовать друг с другом не только исключительно на основе животных инстинктов, имеющее конкретное материальное воплощение на физиологическом уровне в структурах мозга человека.

Подводя краткий итог можно заключить, что отсутствие социального обмена в отношениях возможно в условиях избытка источников, обеспечивающих жизнедеятельность отдельного индивида. Тогда под экономическим необменом можно понимать такое состояние взаимоотношений между людьми, которые происходят в условиях избытка отъёмлемых ресурсов. В то время как условие ограниченности ресурсов является фундаментальным ограничением практически всех экономико-математических моделей и реальной жизни большинства людей.

Всевозможные формы обмена, следует признать, имеют глубочайшие корни, уходящие во времена ещё сугубо биологического существования нашего вида. Однако именно эти события обусловили формирование нас именно как людей и определённое обособление нас от животных. Человечность проявилась как способность поделится своим, отдать или пожертвовать то, что имеет для себя лично первостепенное значение для выживания. Тогда, следуя Б.Малиновскому, который выделил набор постоянных жизненно важных последовательностей в поведении человека и назвал их «биологическими предпосылками культуры» [26, с.69–75], способность делиться пищей с неродственными особями можно назвать биологическими предпосылками экономики (также об этом см. у С.Савельева в [22] и [23]). Поэтому обмен является фундаментальной характеристикой взаимодействия людей и экономического, в частности. Необмен является архаическим воспоминанием, которое приняло мифический, религиозный или какой-то иной сакральный смысл, формализуемый в виде стремления к материальному достатку или даже сверхдостатку. Однако именно отсутствие полного изобилия доступных ресурсов для жизнедеятельности простимулировало нашу способность выживать и, более того, созидать новое [22]. Поэтому необмен является досоциальной, а значит и доэкономической, формой взаимодействия. В современных условиях подобные состояния если и воплощаются, то носят исключительно маргинальный характер. В общем случае для человека условия существования задаются ограниченностью возможностей и заставляют выбирать альтернативы.

Итак, можно заключить, что обменные отношения направлены на удовлетворение потребностей. Впервые зафиксированный товарообмен датируется ранними стадиями неолита [27, с.10] (около 5-е тыс. лет до н. э.). На стоянке охотников Эртебёлле на территории современной Дании обнаружены признаки соприкосновения земледельческого и охотничьего укладов общества. Климатические условия и уровень технологического развития не позволял местной цивилизации заниматься земледелием, тем не менее, контакты с обществами, располагавшимися южнее, позволяли использовать зерновые продукты в пищу, что и было обнаружено в раскопках.

Здесь не ответным остаётся вопрос о том, каким способом осуществлялся этот обмен — напрямую или с использованием предметов – посредников, т.е. денег или, быстрее всего, каких-то

доденежных форм, протоденег. Однако можно заключить одно: экономический обмен по своей форме можно разделить дихотомически на денежный и неденежный (безденежный) или бартерный. Деньги и бартер — это не две основные формы экономического обмена товарами и услугами, а просто две и других форм не существует.

Выводы и дальнейшая дискуссия

Таким образом, диалектическая связь бартера и денег заключается в том, что они являются гранями человеческих взаимоотношений. Говоря гегелевским языком, выйдя из человека, деньги в человека же и возвращаются. Невозможно рассматривать суть денег в отрыве от человеческих взаимоотношений. Деньги — это посредник, обеспечивающий нежелание общаться, вступать в контакт, договариваться. Большой успех денег является в тех случаях, когда совершенно невозможно договориться, но есть потребность в удовлетворении желаний. Деньги — это не вещь в себе, а порождение человеческой мысли. Однажды родившись, они имеют свою собственную логику развития. Однако полная картина их сути раскрывается в связи с их создателем — человеком. Поэтому отношения экономического обмена направлены на удовлетворение потребностей человека и проявляются в двух формах: с использованием предмета – посредника, именуемого деньгами, и без использования такового, т.е. прямой обмен.

В дальнейшем для развития прикладных вопросов денежного обращения следует углубить теоретические положения об отношениях экономического обмена с использованием денег и без них. Одним из ключевых вопросов здесь видится гипотеза нейтральности денег: влияет ли изменение номинальной денежной массы на реальные переменные денежного хозяйства. Существуют различные подходы для поиска ответа на этот вопрос, но при этом бартерные и денежные модели не сравниваются, а исследуется изначальное равновесное состояние денег [28, с.132]. Происходит узкая формализация отношений экономического обмена исключительно в денежной форме. Теорема Гёделя о неполноте подсказывает, что в таком случае гипотеза ни доказуема, ни опровержима, поскольку формальный вывод замкнут. Из описанного подхода на основе экономической двойственности следует, что деньги не нейтральны, что на практике как раз широко и используется в различных вопросах денежно-кредитной политики. Для дальнейших исследований перспективно построить модель сравнения бартерных и денежных отношений обмена на основе дуального подхода.

Также метод экономической двойственности подсказывает одно из направлений реализации подобной модели — квантово-механическое. Двойственная природа экономического обмена позволяет формализовать экономические отношения в виде известных физических соотношений. Перспективным является теоретическое обоснование данного направления с позиции экономики. Было показано, что экономический обмен характеризуется отъемлемостью, т. е. по сути происходит с преобразованием материи, что позволяет проводить подобные аналогии с явлениями естественно-научной природы. В немэйнстриме экономической теории данные вопросы обсуждаются довольно давно [1, с.5].

Третья группа перспективных дальнейших исследований также вытекает из отъемлемой природы экономического обмена — это вопросы справедливости и эквивалентности обмена. Однако здесь же обнаруживается принципиальное отличие экономических от естественно-научных явлений. Если законы сохранения (материи, энергии) носят фундаментальный характер и позволяют описывать обменные взаимодействия и их нарушение, то в экономике обмен может существовать при очень разнообразных характеристиках. Возникает вопрос об существовании эквивалентности обмена как таковой. Кроме связи с такими фундаментальными экономическими понятиями как цена и стоимость, подключаются ещё и условия осуществления обмена. Примерами могут послужить акты обмена в блокадном Ленинграде: «Иногда тому или иному счастливцу удавалось купить по баснословной цене небольшую пачку чайного напитка или лошадиную кость, и такие покупки были очень редки. Карточка была дороже денег, дороже картин великих живописцев, дороже всех других шедевров искусства» [29, с.107–108]. Если акт обмена состоялся, то он и является справедливым и

эквивалентным. Этот тезис требует дальнейшего осмысления и дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев, В.С. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности): Учеб. пособие / В.С.Афанасьев. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 384с. — (Учебники экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова).
2. Буторина, О. О происхождении монет / О.Буторина // Современная Европа. — 2016. — №3(69). — С.124–135.
3. Дубянский, А.Н. Теории происхождения денег и криптовалюты / А.Н.Дубянский // Деньги и кредит. — 2017. — №12. — С.97–100.
4. Гребер, Д. Долг: первые 5000 лет истории / Д.Гребер. — М.: Ад Маргинейм, 2015. — 527с.
5. Фейнман, Р. Фейнмановские лекции по физике / Р.Фейнман, Р.Лейтон, М.Сэндс. — М.: Мир, 1967. — Вып.1: Современная наука о природе. Законы механики. — 272с.
6. Ландау, Л.Д. Теоретическая физика: в 10т. / Л.Д.Ландау, Е.М.Лившиц. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. — Т.1: Механика. — 224с.
7. Bhatla, S.C. Plant Physiology, Development and Metabolism / S.C.Bhatla, M.A.Lal. — Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2018. — 1237р.
8. Ли, Дж. Именные реакции. Механизмы органических реакций / Дж.Ли; пер. англ. В.М.Демьянович. — М.: Бином, 2006. — 456с.
9. Ландау, Л.Д. Теоретическая физика: в 10т. / Л.Д.Ландау, Е.М.Лившиц. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. — Т.V: Статистическая физика. Ч.1. — 616с.
10. Куснер, Ю.С. Принципы движения экономических систем / Ю.С.Куснер, И. Г.Царёв. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. — 200с.
11. Ландау, Л.Д. Теоретическая физика: в 10т. / Л.Д.Ландау, Е.М.Лившиц. — М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. — Т.VII: Теория упругости. — 264с.
12. Vogel, A. Communism / A.Vogel // The Cambridge Dictionary of Sociology / ed. B.S.Turner. — New York: Cambridge University Press, 2006. — P.80–81.
13. Эпинас, А. История экономических учений / А.Эпинас. — СПб.: Электронные интегральные системы, 1998. — 192с.
14. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М.Мосс; сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А.Б.Гофмана. — М.: КДУ, 2011. — 416с.
15. Малиновский, Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Б.Малиновский; пер. с англ. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 552 с., илл. — (Серия «Книга света»).
16. Йोजеф, Р. История денег / Р.Йोजеф. — Будапешт: Корвина, 1968. — 156с.
17. Мосс, М. Социальные функции священного / Избранные произведения. Перевод с французского под общей редакцией Утехина И.В. Научная редакция Утехина И.В. и Геренко Н.М. Составление Трофимов В.Ю. — СПб.: «Евразия», 2000. — 448с.
18. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й.Хёйзинга; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В.Сильвестрова; коммент., указатель Д.Э.Харитоновича. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416 с.
19. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература / В.И.Ленин // Полное собрание сочинений В.И.Ленина. — Л.: Изд-во полит. лит.-ры, 1972. — Т.12. — С.99–105.
20. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н.Фергюсон; пер. с англ. А.Коляндра, И.Файбисовича. — М.: Астрель: CORPUS, 2010. — 431с.
21. Boyle, D. The Co-Production Principle and Time Dollars [Electronic resource] / D.Boyle // TimeBanks.Org — URL: <https://timebanks.org/wp-content/uploads/2014/01/Co-ProductionPrinciple.pdf>
22. Савельев, С.В. Нищета мозга / С.В.Савельев. — М.: ВЕДИ, 2014. — 192с.
23. Савельев, С.В. Церебральный сортинг / С.В.Савельев. — М.: ВЕДИ, 2016. — 232с.

24. Ellis, S. Analyses of ovarian activity reveal repeated evolution of post-reproductive lifespans in toothed whales / S.Ellis, D.W.Franks, S.Nattrass, T.E.Currie, M.A.Cant, D.Giles, K.C.Balcomb, D.P.Croft // *Scientific Reports*. — 2018. — V.8. — №12833. — P.1–10. — DOI:10.1038/s41598-018-31047-8.
25. Кейсельман (Дорожкин), В.Р. Грани альтруизма / В.Р.Кейсельман (Дорожкин). — К.: Феникс, 2016. — 320с.
26. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б.Малиновский; пер. с англ. И.В.Утехина; сост. и вступ. ст. А.К.Байбурина. 2-е изд., испр. — М.: ОГИ, 2005. — 184 с. — (Нация и культура: Научное наследие: Антропология).
27. Тульев, В. История денег / В.Тульев. — М.: Эксмо, 2013. — 208с.
28. Харрис, Л. Денежная теория / Л.Харрис; пер. англ., общ. ред. и вступ. ст. В.М.Усоскина. — М.: Прогресс, 1990. — 750с.
29. Павлов, Д.В. Ленинград в блокаде / Д.В.Павлов. — Л.: Лениздат, 1985. — 238с.

Money and barter as two forms of economic exchange relations

Polovyan Aleksey Vladimirovich

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Economic Research Institute, Donetsk, Donetskaya Narodnaya Respublika.
e-mail: polovyan@yandex.ru

Shmatko Aleksey Evgenievich

research assistant,
Economic Research Institute, Donetsk, Donetskaya Narodnaya Respublika.
e-mail: shmatko.a.e@econri.org

Аннотация. Information technologies are moving through the financial sector and this is the global transformation processes. Main discussion concerns ways of the monetary system organization: will it be centralized or decentralized. Therefore, the question of the role of money in the economy remains relevant. Method of economic duality it is proposed for finding answer. The article examines the relations of economic exchange as having a dual nature. It manifested in the presence or absence of any intermediary object of this exchange. The goal is to satisfy needs. The comparison method also deepens the analysis of economic exchange relations to reveal their essence. Examples of exchange interactions that are studied in social and natural sciences are given. The economic content of exchange relations are characterized by inseparability. The general conclusion is made that monetary and barter relations are two forms of economic exchange and others do not exist.

Ключевые слова: economic exchange; money; barter; method of economic duality; inseparability property

Особенности и новые тенденции ремиттансов в современных условиях

Сапир Елена Владимировна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: evsapir@yahoo.com

Чистякова Анастасия Алексеевна

Студент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: chistiakowa.asya@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа данных о международных личных денежных переводах – ремиттансах; выявлены новые тенденции в их развитии. Сформулированы и объяснены два парадокса внешних эффектов ремиттансов: парадокс экономического роста и парадокс неравенства и бедности. Среди макроэкономических долгосрочных эффектов ремиттансов раскрыто такое негативное их следствие как стимулирование демонстративного потребления семей мигрантов и связанная с этим социальная напряжённость, возникающая в тех слоях населения, которые переводами не затронуты. С помощью метода парного корреляционного моделирования проверена и подтверждена гипотеза о том, что расширение миграционных процессов способствует развитию феномена ремиттансов. Выявлена взаимосвязь статистического разрыва между официальными данными о потоках полученных и оплаченных личных ремиттансов в мире в целом и по отдельным странам с различиями в степени строгости банковского контроля за переводимыми суммами.

Ключевые слова: ремиттансы; международные миграционные потоки; демонстративное потребление; бедность; экономическое неравенство.

JEL codes: F22, F24, O15

Для цитирования: Сапир, Е.В. Типологический анализ в сфере финансового мониторинга на примере импортно-экспортных операций / Е.В. Сапир, А.А. Чистякова. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_75. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.75-86. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_75

Введение

Пандемия COVID-19 создала новые условия для протекания экономических процессов на всех уровнях: от локального до мирового, по-новому высветила пул вопросов, связанных с трудовой миграцией, межстрановым перемещением населения, трансграничными переводами. Вся совокупность этих вопросов кристаллизуется в комплексе «ремиттансы» (международные частные денежные переводы), охватывающем одновременно межличностные отношения внутри семьи, политические отношения в части внешней миграционной политики, устройство и порядок работы каналов проведения трансграничных денежных переводов, характер локальных финансовых систем и др. Следует отметить, что изменения координат, продиктованные социально-экономическими последствиями актуальной эпидемиологической ситуации, не только поставили перед мировым сообществом новые задачи, но и вскрыли целый ряд «узких мест», существовавших задолго до пандемии и требовавших разрешения еще в докоронакризисное время, но по каким-либо причинам обделённых должным вниманием.

Теоретическая разработанность вопросов взаимосвязи трудовой миграции и ремиттансов

Глобальный феномен ремиттансов начал динамично развиваться относительно недавно, в конце XX века, одновременно с выходом международных экономических отношений на новую

ступень, а по большей части с глобальным ростом двух важнейших мировых ресурсных потоков: международной миграции рабочей силы и международных потоков капиталов и финансовых трансфертов. Ремиттансы неразрывно связаны с глобальной трудовой миграцией и представляют собой финансовые потоки межстрановых денежных переводов между домохозяйствами-резидентами и домохозяйствами-нерезидентами, в том числе переводы заработков трудовых мигрантов на родину. В последнее время интерес к данному экономическому феномену неуклонно возрастает как с теоретической точки зрения (понятие *personal remittances*, позиционирование ремиттансов в платёжном балансе), так и с практической (проводятся многочисленные исследования по вопросу вклада ремиттансов в экономический рост, сопоставление их потоков с потоками ПИИ и ОПР в ряде стран, рассмотрению механизма переводов как крупного канала поступления валюты).

Экономическую категорию «ремиттансы» большинство исследователей в России и за рубежом понимают следующим образом: доходы мигрантов от осуществления трудовой деятельности, переводимые в денежной или вещественной форме из страны пребывания и трудоустройства на родину в пользу родственников. Однако теоретическое толкование ремиттансов весьма неоднозначно. Исходя из положений 6-го издания Руководства по платёжному балансу и международным инвестициям Международного валютного фонда, ремиттансы могут быть определены как доходы домашних хозяйств, получаемые от иностранных экономик, главным образом в результате кратковременного или постоянного перемещения людей в эти страны; состоят преимущественно из денежных средств, переводимых лицами, мигрировавшими из экономики своего происхождения [1]. Тем не менее, в Руководстве отражены вариативные подходы к определению ремиттансов, в связи с чем их границы как макроэкономического явления и статистического объекта остаются весьма обтекаемыми, создавая проблемы в сборе и обработке данных. Отсутствует и чёткое представление о том, как оправданно дифференцировать ремиттансы от прочих платежей.

На данный момент большинство вопросов, касающихся ремиттансов, всё еще характеризуются недостаточной теоретической разработанностью, а выводы, полученные в ходе их исследований, зачастую неоднозначны. Изучая трансграничные переводы как ординарное экономическое проявление, исследователи вскрыли его интегративную сущность, синтетическую направленность эффектов, и уже сейчас очевидно, что оно носит многозначительный характер, генерируя сети транснациональных экономических, общественных, семейных («транснациональные семьи»), культурных связей [2].

Г. Э. Джонсон и У. Э. Уайтлоу в работе «Переток доходов из города в село в Кении: роль ремиттансов» [3] выделили первоначальную целевую предпосылку, послужившую сущностной основой феномена личных переводов: для примера в качестве объекта исследования были взяты не трансграничные переводы, а внутринациональные – между городскими и сельскими районами Кении. По результатам исследования, главной причиной переводов стала необходимость финансовой поддержки семьи и друзей («альтруистическая склонность» [4]). На второй по значимости позиции в списке причин располагалась необходимость внесения платы за обучение детей. Такие результаты обнаруживают природу данного явления, происходящую из территориального неравенства, бедности и дифференциации в доступе к благам и высокооплачиваемым рабочим местам.

В труде Х. Рапопорта и Ф. Докье «Экономика ремиттансов» разграничиваются макро- и микроэкономические эффекты от переводов мигрантов [4]. Микроуровень затрагивает мотивационные аспекты, побуждающие население к трудовой миграции для последующего перевода заработка членам своей семьи, поведенческие особенности при осуществлении переводов. Ещё одна важная причина переводов – необходимость возврата процентов и займа, взятого на финансирование крупных расходов, вызванных международной миграцией представителя бедной семьи, не способной самостоятельно покрыть все затраты без привлечения финансирования от третьей стороны. Рассмотрен вопрос отклонения поведения мигранта от альтруистической модели – пересиливание оппортунистических начал. Выделено 2 способа сохранения взаимной ответственности сторон: это

нормы морали и санкции.

Макроуровень охватывает массив последствий для экономики-донора денежных средств или экономики-бенефициара: как краткосрочных, так и долговременных; выявлен немонотонный характер зависимости экономического неравенства от объёмов трансфертов мигрантов. Проводится разграничение категорий переводов трудовых мигрантов в период их пребывания за границей и переводимых при возвращении мигранта на родину финансовых сбережений, сформированных в период пребывания за границей, хотя в фокусе макроэкономических механизмов эта дифференциация весьма условна и малозначительна. С точки зрения краткосрочных изменений, наиболее часто рассматривается влияние ремиттансов на совокупные затраты денежных средств, объёмы производства экономики, причём горизонты отклонений в каждой стране зависят от силы мультипликативного эффекта, своеобразия экономической структуры, гибкости цен и того, насколько ожидаемы «вливания» международных трансфертов в экономику. Что касается долгосрочных макроэкономических последствий, есть несколько весьма популярных областей изучения. Во-первых, это изменение эффектов международных переводов при различных способах их применения: финансирование расходов на потребление или инвестирование в национальную экономику, а также инвестирование в человеческий капитал. Во-вторых, на начальных этапах трудовая миграция может усиливать экономическое неравенство между домохозяйствами, так как позволить оплатить миграционные расходы могут только семьи с высоким уровнем дохода, а в дальнейшем эти же семьи получают более высокие переводы по сравнению с их альтернативным трудоустройством на родине. Несмотря на это, со временем формируются социальные миграционные сети и миграционные издержки имеют тенденцию к снижению, в связи с чем миграция становится доступной всё большему числу семей.

Э. Кастанеда затрагивает проблему иллюзорности повышения благосостояния семьи трудового мигранта при реальном пребывании последнего в ситуации неопределённости, вызванной первоначальной искажённостью и ограниченностью информации о переезде и перспективах пребывания за рубежом, что в дальнейшем побуждает мигранта откладывать срок своего возвращения на неопределённое время [2]. Кастанеда сопоставляет 2 научные школы, придерживающиеся крайних позиций по вопросу:

1. Неоклассический девелопментализм – акцентирование внимания на предполагаемых выгодах ремиттансов, например, рост реальных инвестиций, инвестиций в человеческий капитал и др. за счёт более эффективного распределения и использования ресурсов.

2. Школа зависимости – последствия, продуцируемые международной миграцией и связанными факторами, приводящие к зависимости экономики от внешней среды, отсталости и глобальному неравенству, комплексу нефинансовых издержек, побочных явлений в социальных и семейных отношениях.

Сешан и Зубрицкас рассматривают вопрос того, какие коррективы вносят сложные поведенческие факторы и взаимоотношения внутри семей мигрантов в теоретически-обоснованные закономерности последствий ремиттансов для экономики [5]. Так жёны индийских мигрантов, работающих в Катаре, дают заниженную оценку доходов своих мужей, руководствуясь тем объёмом средств, которые получают в виде переводов, причём асимметрия информации тем больше, чем больше реальная сумма дохода мигранта.

В докладе «Влияние ремиттансов на бедность в развивающихся странах», подготовленном группой сотрудников UNCTAD (М. Машайеги, Б. Онгугло, А. Дас, Р. Банга, П. К. Саху), рассматривается потенциал переводов мигрантов с точки зрения финансирования развивающихся экономик и борьбы с бедностью в них [6]. Посредством построения эконометрической модели было выявлено, что в развивающихся странах ремиттансы снижают уровень бедности, индекс разрыва в уровне бедности, в частности, результаты обладают более высокой надёжностью для развивающихся экономик, где ремиттансы составляют 5 и более % ВВП. В то же время остаются невыявленными

факторы, аккумулируемые феноменом личных переводов, непосредственно сокращающие бедность при осуществлении переводов и максимизирующие эффект нивелирования: количество мигрантов, номинальная средняя сумма перевода, оперативность работы каналов переводов, особенности миграционной политики стран происхождения и принимающих мигрантов стран, направления использования заработанных за границей денег и т.д.

Труд Полат «Детерминанты ремиттансов работников: рассмотрение на примере стран ОЭСР» посвящён обнаружению экзогенных переменных, оказывающих статистически значимое воздействие на определение объёмов получаемых ремиттансов. Выявлены факторы, стимулирующие потоки личных денежных переводов, поступающих в ОЭСР: инфляция, индекс открытости экономики, валютные курсы укрепление национальной валюты мигранта и оказывающие отрицательное влияние – величина ВВП (ВВП, согласно методологии автора, выступает измерителем финансового благосостояния домохозяйств в стране происхождения мигранта: чем выше доход, тем слабее альтруистические мотивы. С нашей точки зрения, показатель «объём ВВП» не может отражать реальную картину благосостояния населения) [7].

К. Батиста, Я. Умблис на основе выборки данных иммигрантов Дублина исследуют самострахование мигрантов от будущих возможных экономических шоков в качестве мотива осуществления переводов: получатели более высоких переводов в стране происхождения располагают большими возможностями помощи («страховая выплата») своему родственнику на случай непредвиденных обстоятельств. [8]. Гипотеза подтверждается повышением суммы перевода, отправляемой мигрантом, в случае роста рисков, связанных с трудовыми доходами, а с ростом «неприятя нового риска» сумма возрастает ещё больше.

Р. Чами, Э. Эрнст, К. Фулленкамп, Э. Ёкинг [9] провели анализ использования миграционных переводов в Ливане, выявили неравномерность перераспределения денежных переводов, получаемых экономикой от эмигрантов. Не исключено образование сверхдоходов в отдельных секторах. Подобное развитие событий в научной литературе получило название «голландской болезни». Чем больше растёт эмиграция, тем быстрее, несмотря на возможную общую стабилизацию состояния экономики, возрастает зависимость от поступающих личных трансфертов, в действительности обеспечивающих не только личное потребление, но и производство, при этом не происходит резкого роста инвестиций в диверсифицированную промышленность, как того предполагал крупный приток средств. Государство оказывается зависимым от данных поступлений, и с течением времени возрастает экспорт трудовых ресурсов, постепенно сокращая реальные внутренние ресурсы и потенциал к независимому экономическому росту.

Среди отечественных исследователей, разрабатывавших проблематику ремиттансов, можно отметить А.Б. Гинойна, А.А. Ткаченко. Гинойн исследовал миграционные процессы в странах СНГ: влияние на экономический рост и прочие макроэкономические эффекты для стран – доноров трудовых мигрантов, в том числе перераспределение ресурсов и реальный обменный курс [10]. Получены следующие выводы: при глобализационных процессах в мировой экономике ремиттансы благоприятствуют экономическому росту в экономиках с менее развитой финансовой системой, представляя собой альтернативный вариант финансирования инвестиций; ремиттансы в большинстве стран СНГ имеют контрциклический характер, то есть при экономической нестабильности в государстве-отправителе мигрантов потоки ремиттансов усиливаются, нивелируя спилловеры экономических шоков; обоснована необходимость проведения в финансово-развитых странах СНГ мер стимулирования инвестиционного направления применения полученных переводов; доказано существование признаков «голландской болезни», вызванной поступлениями от «экспорта» трудовых ресурсов, обоснована необходимость проведения специализированных мер государственной политики, минимизирующей отрицательное влияние ремиттансов на экономики-реципиенты.

Феномен ремиттансов и его экономические парадоксы

В литературе среди макроэкономических долгосрочных эффектов ремиттансов в последнее время всё чаще отмечается такое негативное их следствие как стимулирование демонстративного потребления семей мигрантов и связанная с последним социальная напряжённость, возникающая в тех слоях населения в странах исхода, которые переводами не затронуты [4].

В действительности многие механизмы циркулирования ремиттансов в мировой экономике, весьма подробно описанные в теоретической литературе, например, такие, как нивелирование бедности, сглаживание неравенства в распределении доходов населения, на практике обладают высокой вариативностью и находят своё отражение далеко не для всех экономик, сталкиваясь с прочими факторами, вносящими коррективы в перераспределение потоков переводов и мультипликативные эффекты. Такие «барьеры» могут быть предопределены совершенно разнородными причинами: низкой финансовой грамотностью населения, ограничивающей инвестиционную и предпринимательскую область применения переводов; низким общим уровнем образования мигрантов и их родственников, слабостью развития сети финансовых институтов или недоверие к ним со стороны населения и т.д. Однако, как становится очевидным из многих исследований, данные сдерживающие факторы по большей части в своей основе содержат психолого-поведенческую природу.

Термин «демонстративное потребление» (*conspicuous consumption*) впервые в конце XIX в. ввел Т.Б. Веблен, рассматривавший дифференциации в поведенческом стиле, занятиях, образе жизни и собственности разных классов и подклассов в структуре общества [11]. С течением времени такие дифференциации, в первую очередь, в собственности и обладании богатством (причём независимо от источника его происхождения: добытое собственным трудом или полученное по наследству), стали мерой уважения, авторитета и проведения различий, знаковым критерием положения человека в структуре социальной стратификационной системы. Атрибуты богатства становятся своего рода мерилами личностных достижений и успеха. Современный человек, нуждающийся в общественном признании и одобрении, старается приблизиться к некоторому эталону репутации. В связи с тем, что реальное богатство и успех представляются наиболее трудно достигаемыми и требуют колоссальных усилий и времени, человек для достижения самоудовлетворения прибегает к покупке товаров, искусственно создающих видимость статуса («ментальная подмена») [11, с. 30]. Даже при недостаточном или не соответствующем запросам удовлетворении базовых потребностей, человек стремится удовлетворить престижные потребности (получить уважение, общественное признание, выделиться), одновременно создав иллюзию полного удовлетворения потребностей более низкого уровня.

Проблема демонстративного поведения в узбекских семьях на фоне растрачивания ремиттансов, поступивших из-за рубежа от родственников-эмигрантов, получила развитие в работе Дж. Каххарова, М. Ахунова [12]. Указанные авторы, в частности, выяснили, что большая часть расходов семей мигрантов была направлена не на инвестирование, а на потребление, повышающее социальный статус членов домохозяйства. Было проведено сопоставление структуры расходов домохозяйств, получающих и не получающих переводы, в том числе, отражены результаты для группы населения, где доходы домохозяйств на 50 % и более финансируются ремиттансами. Как выяснилось, домохозяйства, получающие ремиттансы, тратят меньше на питание и больше на непродовольственные товары, по сравнению с домохозяйствами, не затронутыми ремиттансами. В то же время домохозяйства с эмигрировавшим родственником тратят большие суммы на мелкие электроприборы, праздники и подарки к свадьбе. Таким образом, в указанной работе было подтверждено действие ремиттансов, активирующее демонстративное потребление.

В целом, можно утверждать, что экономические парадоксы трудовых доходов мигрантов, их денежных переводов и потребления последних семьями на родине достаточно широко распространились в последние годы. На основе проведенного исследования были разработаны 2 схемы, объясняющие механизмы данных парадоксов. Рисунок 1 иллюстрирует противоречивое действие денежных переводов в части стимулирования экономического роста и развития.

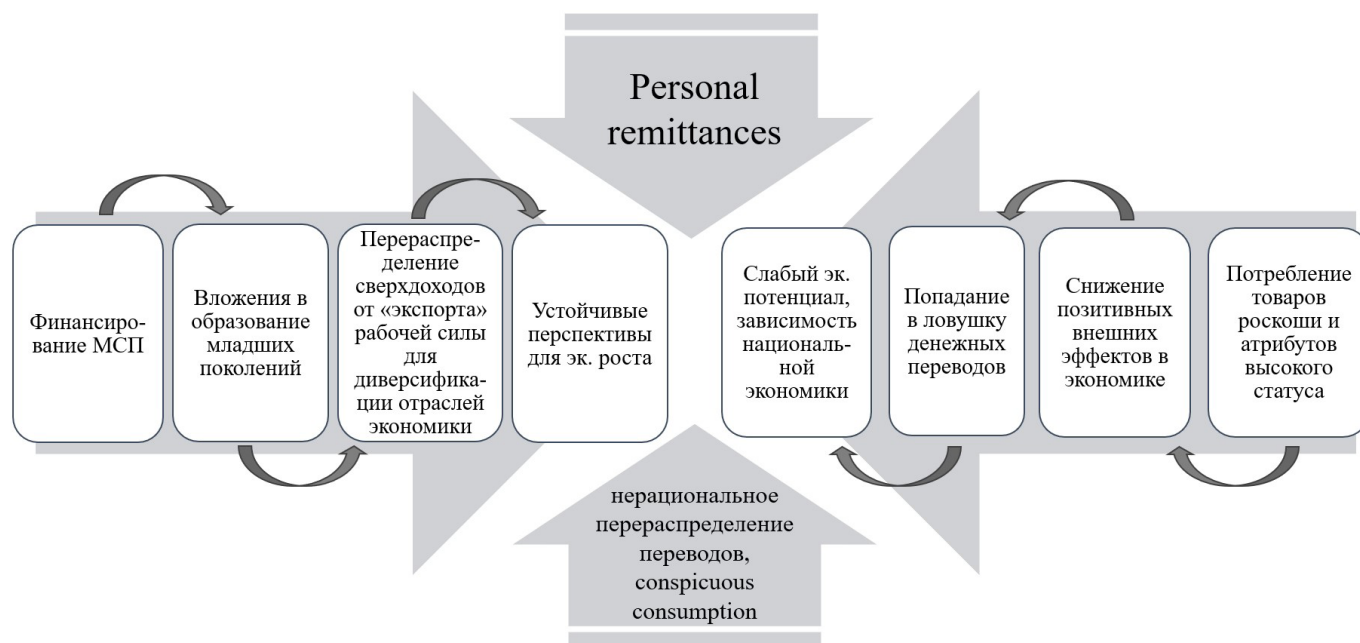

Рисунок 1. Парадокс экономического роста

Источник: составлено авторами

В идеальном случае притоки ремиттансов направляются на открытие местного бизнеса, реальные инвестиции, рост объёмов производства, образование молодёжи, повышение качества здравоохранения, а сверхдоходы от «экспорта» рабочей силы гармонично перераспределяются в экономике, способствуя диверсификации отраслей производства. В результате благосостояние населения возрастает, а в экономике формируются многоаспектные конкурентные преимущества, не связанные напрямую с оттоком рабочей силы, но обеспечивающие перспективы для устойчивого роста. В качестве «сдерживающих» факторов можно предположить, например, преобладание макроэкономически неэффективного способа траты полученных денежных средств, демонстративное потребление, снижающие возможности проявления позитивных экономических эффектов. Экономика попадает в ловушку денежных переводов, становится крайне зависима от внешних рынков и теряет потенциал к успешной работе на долговременную перспективу.

Аналогичным образом можно описать парадокс неравенства и бедности. С одной стороны, перелив денег в экономику, где население получает более низкие доходы, должен повлечь расширение потребления, повышение качества жизни и сокращение глобального экономического неравенства (неравенство между странами и регионами мира). В реальности направление ремиттансов не на поэтапное закрытие потребностей домохозяйства, а на приобретение атрибутов статуса не только ограничивает сокращение неравенства, но и стимулирует субъективное восприятие дифференциации доходов между группами населения, получающими ремиттансы и теми группами, которые их не получают. В результате в обществе обостряется неудовлетворенность части населения своим доходом и уровнем жизни, возникает социальная напряженность. Несмотря на общее сокращение глобального неравенства, локальное неравенство в благосостоянии отдельных групп населения внутри отдельных национальных экономик может усиливаться (рисунок 2).

Особенности движения ремиттансов в условиях пандемии COVID-19

В 2009 г. международно признанное понимание термина «личные трансферты» было пересмотрено. В 6-ое издание Руководства по платёжному балансу было внесено изменение по сравнению с предыдущим изданием: статья «переводы трудящихся» заменена на «личные трансферты», которые охватывают все переводы между домохозяйствами-резидентами и домохозяйствами нерезидентами независимо от их источника – наиболее многочисленная группа, составляет 2/3 от

суммарного объёма личных ремиттансов (2019) [13]. Ранее под «workers' remittances» понимались текущие переводы мигрантов, трудоустроенных в других экономиках и являющихся их резидентами. Такая мера во многом была направлена на упрощение процедур сбора данных. Помимо «личных трансфертов» (в натуральной или денежной форме) в «личные ремиттансы» включают капитальные трансферты между домохозяйствами и трудовое вознаграждение сезонных и временных работников, не ставших резидентами новой экономики (за вычетом налогов, взносов и транспортных издержек).

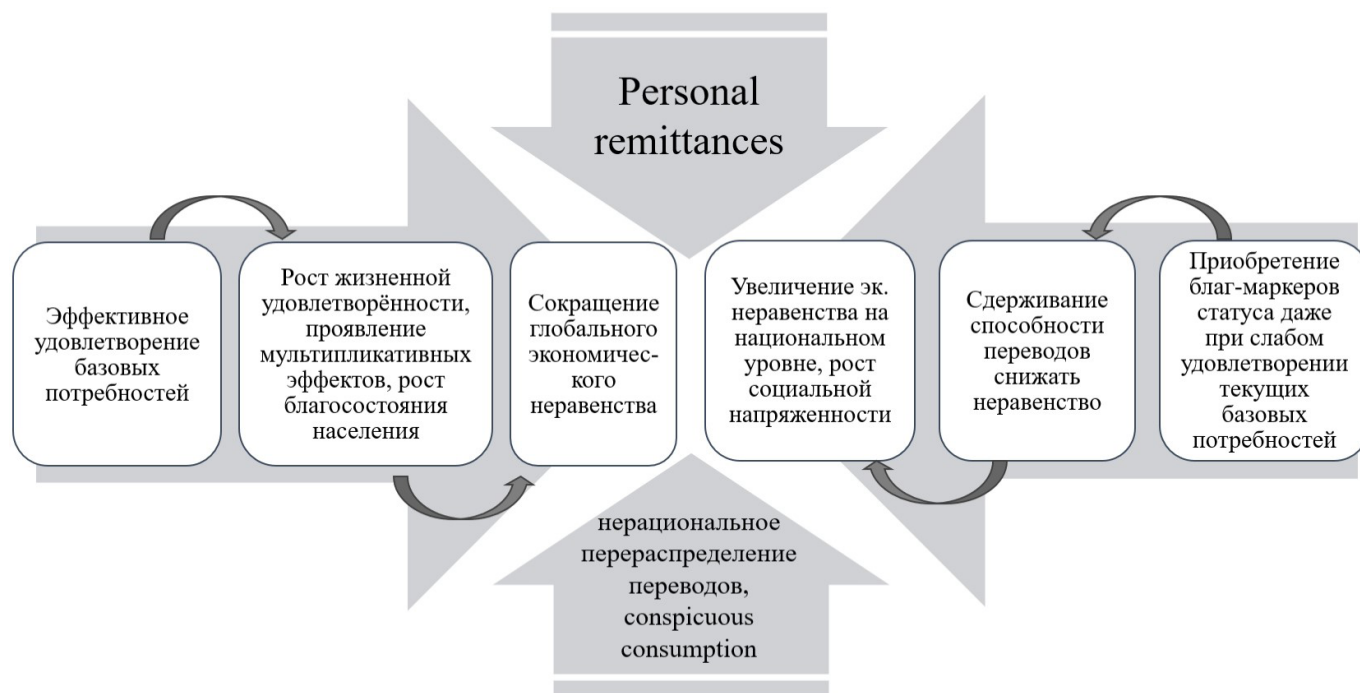

Рисунок 2. Парадокс неравенства и бедности

Источник: составлено авторами

Таким образом, «личные ремиттансы» представляют собой агрегированный показатель, который по ряду компонентов в своём понимании не имеет однозначной, прямой привязки к международной трудовой миграции, хотя исторически глобальное явление ремиттансов взаимосвязано с миграционными процессами.

Для проверки предположения о том, что расширение миграционных процессов способствует развитию феномена ремиттансов построим парную регрессионную модель, введя следующие переменные:

1)эндогенная, y – объём личных полученных ремиттансов (сделан выбор в пользу полученных личных ремиттансов в силу того, что этот показатель наиболее объективно и реально отражает объём рассматриваемых переводов);

2)экзогенная, x – общемировая численность международных мигрантов, чел.

Для целей моделирования взят временной отрезок 1970-2020 гг. (с интервалом в 5 лет). Авторами выдвинуты следующие гипотезы:

H_0 : численность международных мигрантов не оказывает значимого влияния на объём международного рынка ремиттансов.

H_1 : численность международных мигрантов оказывает значимое влияние на объём международного рынка ремиттансов.

$\hat{y} = ax^b$ – общий вид степенной парной модели регрессии.

$\hat{y} = 6,64702E-27x^{3,8}$

При увеличении количества международных мигрантов на 1 % мировые объёмы личных ремиттансов возрастают на 3,8 %. Значение коэффициента детерминации R^2 степенной регрессионной модели составляет 0,899, то есть дисперсия резульативного признака (объёма ремиттансов) на 89,9%

обусловлена изменениями факторного признака (численностью международных мигрантов) и на 10,1% прочими факторами, не учтёнными в модели (рисунок 3).

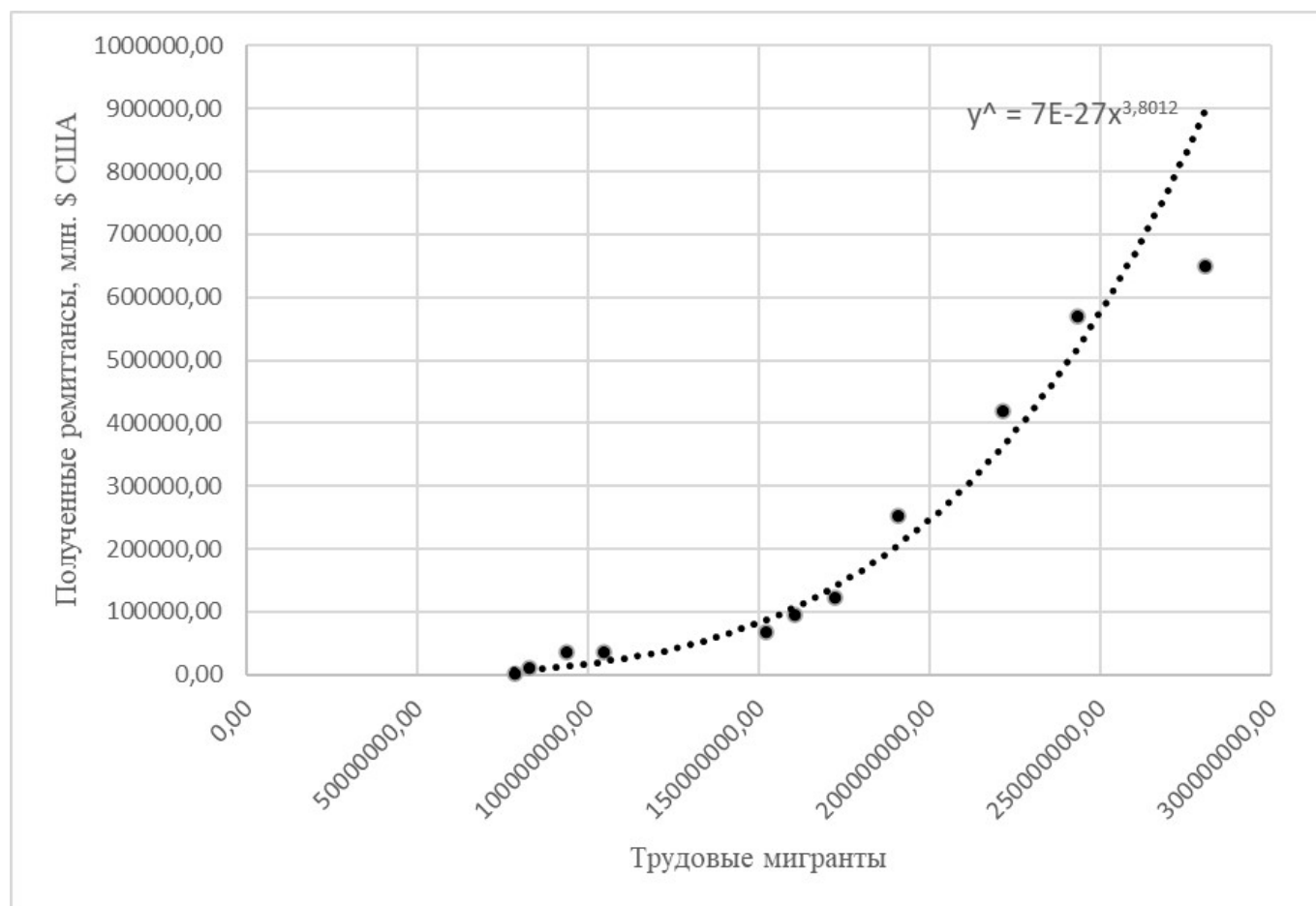

Рисунок 3. Графическая степенная регрессионная модель зависимости потоков ремиттансов от международной миграции

Источник: составлено авторами

Результаты верификации модели отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Верификация модели

Статистика	Значение	Интерпретация
R^2	0,899087	Вариация объёма ремиттансов на 89,9 % объясняется вариацией количеством международных мигрантов
p-value (b)	0,000009	Коэффициент при x значим при 5 % и при 1 % уровнях значимости
Fрасч.	80,185378	Регрессионная модель в целом значима

Гипотеза H_0 не подтверждается, альтернативная гипотеза H_1 признается верной: развитие международных миграционных процессов способствует росту потоков международных ремиттансов. Можно сделать вывод о том, что ремиттансы были и остаются феноменом, производным международной миграцией.

В начале второго квартала 2020 г. World Bank Group прогнозировал крупномасштабное сокращение потоков международных ремиттансов (крупнейший источник доходов экономик многих развивающихся (а в последние годы и некоторых развитых) стран) во всех макрорегионах, которое составило бы от 13 до 27,5 %. Среди причин их сокращения можно выделить, во-первых, падение доходов трудовых мигрантов, связанное с общемировым спадом производства, во-вторых,

снижение занятости мигрантов, вызванное рецессионными процессами в большинстве экономик мира, снижением спроса на иностранную рабочую силу и потерей рабочих мест, в-третьих, комплекс ограничительных мер и падение общей трансграничной мобильности: введение локдаунов, закрытие границ, «парализующее» международные миграционные процессы [14]. Динамика объёмов личных ремиттансов и международных миграционных потоков представлена на рисунке 4.

Рисунок 4. Динамика полученных ремиттансов и численности международных мигрантов, 1970-2020 гг.

Источник: *International Migrant Stock. United Nations, The World Bank*

В 2020 г. произошло падение объёмов оплаченных ремиттансов на 8,3 % по сравнению с 2019 г., а объёмов полученных – на 0,85 %, а их доля в мировом ВВП увеличилась на 0,022 п.п. и достигла 0,783 % [13]. Значительно вырос разрыв между статистическими данными по полученным и оплаченным ремиттансам: если за последние 10 лет превышение статистически учтённого объёма полученных ремиттансов над объёмом оплаченных колебалось в районе 30-45%, то в 2020 г. оно составило уже почти 57,5 %, в номинальном выражении увеличившись на 15,45 п.п. по отношению к 2019 г. – 236,9 млрд. \$ США. Это самый большой разрыв за всю историю статистических наблюдений за личными переводами (рисунок 5)!

Примечательно, что тема статистического расхождения между данными экономик-получателей и экономик-доноров не теряет свою актуальность уже многие годы. Как было сказано ранее, проблема связана с несовершенствами статистики переводов. Выделяют несколько вероятных аспектов [16]:

а) в целом регулярный статистический учёт поступлений личных переводов ведётся дольше и развит лучше, чем учёт отправлений;

б) меньший контроль над отправленными ремиттансами по сравнению с полученными, связанный с тем, что во-первых, приток личных переводов учитывается в составе показателей СНС (система национальных счетов), а ремиттансы играют весомую роль для платёжного баланса многих стран-получателей; во-вторых, контроль ремиттансов внутри экономик-отправительниц концентрируется на больших суммах в связи с высокими рисками финансирования «чёрной» экономики, террористической деятельности при осуществлении переводов крупных сумм, особенно в развивающиеся страны;

в) в отдельных странах законодательно предусмотрена минимальная пороговая сумма международных переводов, при превышении которой сведения должны передаваться в государственные органы: зачастую этот порог очень высокий и превышает сумму, обычно

перечисляемую трудовыми мигрантами своим родственникам (то есть даже при переводе денег по официальным каналам незначительные суммы денежных средств остаются неучтёнными: пороговые значения (≈ 12500 € в странах Западной Европы [16; с. 5] (2010 г.): в 2008 г. в Чешской республике этот порог был поднят до 50000 €, а с 1 января 2010 г., согласно Регламенту Европейского Парламента и Совета Европейского союза, отменено обязательство банков по предоставлению отчетности для составления платёжного баланса по операциям на сумму ниже 50000 € [17], 10000 \$ в США [18, с.108-109, 132] (2006 г.), 2 млн. йен в Японии [19] (2019 г.);

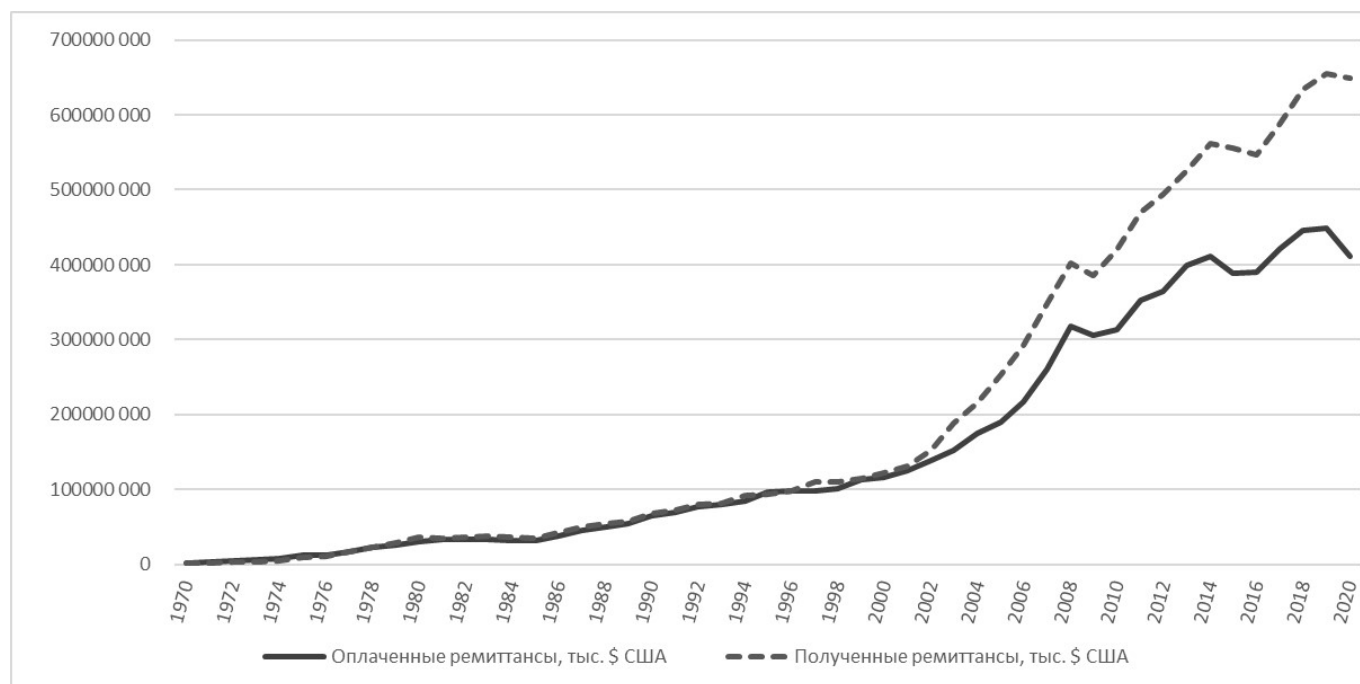

Рисунок 5. Динамика совокупных потоков, оплаченных и полученных ремиттансов (тыс. долл. США), 1970-2020 гг.

Источник: *The World Bank*

г) нередко денежные переводы распознаются некорректно и относятся не к той статье платёжного баланса (например, поступления от экспорта, туризма и т.д.) [18].

Таким образом, можно с высокой долей вероятности предполагать, что наращение статистического разрыва между данными по ремиттансам в 2020 г. связано главным образом со снижением номиналов значительного числа международных переводов, что было вызвано экономическими шоками и повсеместным падением доходов населения в условиях COVID-19.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования был проведён количественный и качественный анализ статистических данных о личных ремиттансах; подтверждена преимущественно миграционная природа транснациональных переводов между домохозяйствами-резидентами и домохозяйствами-нерезидентами страны.

Выявлена высокая вероятность взаимосвязи статистического разрыва между официальными данными о потоках полученных и оплаченных личных ремиттансов с различиями в контроле со стороны банков переводимых сумм, в зависимости от их номинала.

Сформулировано и описано действие двух парадоксов внешних эффектов ремиттансов: парадокса экономического роста и парадокса экономического неравенства и бедности населения, предопределённых разными сценариями поведения акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Balance of payments and international investment position manual. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2009.
2. Ernesto Castaneda. Living in Limbo: Transnational Households, Remittances and Development. International Migration Vol. 51 (S1) 2013.
3. G. E. Johnson, W. E. Whitelaw Urban-Rural Income Transfers in Kenya: An Estimated-Remittances Function. Economic Development and Cultural Change. Vol 22, No3. 1974. P. 473-479.
4. H. Rapoport, F. Docquier The Economics of Migrants' Remittances. IZA DP No. 1531. March 2005. 81 p.
5. G. Seshan, R. Zubrickas Asymmetric Information about Migrant Earnings and Remittance Flows. The World Bank Economic Review Advance Access published July 16, 2015.
6. Impact of remittances on poverty in developing countries / Официальный сайт UNITED NATIONS CONFERENCE ON TRADE AND DEVELOPMENT // URL : <https://unctad.org/>.
7. B. Polat. Determinants of workers remittances: the case of OECD countries. In: Scientific Evaluation of Economic and Financial Issues / S. Carabulut (ed). ResearchGate (website). URL: https://www.researchgate.net/publication/357402448_DETERMINANTS_OF_WORKERS_REMITTANCES_THE_CASE_OF_OECD_COUNTRIES.
8. C. Batista, J. Umblis Do migrants send remittances as a way of self-insurance? Oxford Economic Papers 68(1). July 2015.
9. R. Chami, E. Ernst, C. Fullenkamp, A. Oeking. Is there a Remittance Trap? Finance and Development. – September 2018 – №3 – P. 44-47.
10. А. Гинойн Миграционные процессы и макроэкономические последствия ремиттансов в странах СНГ. автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.14 / Гинойн Аргишти Багратович; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. - Москва, 2017. - 26 с.
11. T. Veblen. The Theory of the Leisure Class. Oxford University Press. 2007. 300 p.
12. J. Kakhkharov, M. Ahunov Squandering Remittances Income in Conspicuous Consumption? 30 Years since the Fall of the Berlin Wall, 2020. P. 271-288.
13. THE WORLD BANK. Data. // URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all> (дата обращения: 28.01.2022).
14. THE WORLD BANK. News. World Bank Predicts Sharpest Decline of Remittances in Recent History. 22.04.2020 // URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/22/world-bank-predicts-sharpest-decline-of-remittances-in-recent-history> (дата обращения 19.10.2021).
15. International Migrant Stock. United Nations. Population Division. (website) // URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 28.01.2022).
16. Migrant Remittance Flows. WORLD BANK WORKING PAPER NO. 194. 2010 // URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5929>
17. REGULATION (EC) No 924/2009 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 16 September 2009 on cross-border payments in the Community and repealing Regulation (EC) No 2560/2001.
18. Global Economic Prospect. Economic Implications of Remittances and Migration. The World Bank. 2006. 182 p.
19. International money transfer policy: Japan. Medium (website) // URL: <https://medium.com/sticpay/international-money-transfer-policy-japan-89d77722adb6> (дата обращения: 01.02.2022).

Features and new trends of remittances in modern realities

Sapir Elena Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Professor,
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation.
e-mail: evsapir@yahoo.com

Chistyakova Anastasia Alekseevna

research assistant,
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation.
e-mail: chistiakowa.asya@yandex.ru

Аннотация. The article presents the results of the analysis of data on international personal money transfers - remittances; new trends in their development are revealed. Two paradoxes of the externalities of remittances are formulated and explained: the paradox of economic growth and the paradox of inequality and poverty. Among the macroeconomic long-term effects of remittances, such a negative consequence as stimulating the conspicuous consumption of migrant families and the social tension associated with the latter consumption model is revealed. Using the method of pair correlation modeling, the hypothesis that the expansion of migration processes contributes to the development of remittances was tested and confirmed. The relationship between the statistical gap between official data on the flows of received and paid personal remittances in the world as a whole and in individual countries with differences in the degree of severity of banking control was revealed. for the transferred amounts.

Ключевые слова: remittances; international migration flows; conspicuous consumption; poverty; economic inequality

Проблема универсализации показателей оценки уровня цифровой экономики

Соколов Алексей Михайлович

Аспирант,

ФГБОУ «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация.

E-mail: hi-sokol-on@mail.ru

Иродова Елена Евгеньевна

Доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация.

E-mail: irodovaee@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В представленном исследовании рассматривается вопрос эффективности подхода и корректного выбора методологии при оценке уровня цифровизации экономики. Проводится анализ универсальности существующих методов. В силу новизны научной работы и отсутствия общепринятых стандартов подбора параметров проводится сравнительный анализ аспектов в рамках спецификации тематики. Принцип работы с большими данными подразумевает использование высокотехнологичных методов анализа для выявления структуры, градации, учета веса каждого значения. Более того, выборка элементов зачастую содержит дифференциальные показатели по качественному и количественному признакам, что ограничивает использование целого ряда научных методов. Различные авторы придерживаются различных систем оценки данных и их первичному анализу. В связи с чем концепция оценки уровня цифровизации носит субъективный характер. Для решения данной проблемы формируется набор критериев отбора эффективности подхода исследования. Проводится анализ микро- и макроэкономических показателей стран с последующим формированием выборки панельных данных. Для качественного исследования подобранных коэффициентов важно учитывать экономические особенности цифровизации стран путем составления соответствующей выборки панельных данных и дальнейшего расчета корреляции, пропущенных регрессоров, а также ошибки предполагаемой модели. Результатом исследования является выбор эффективной модели для оценки уровня развития цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация; индекс DESI; универсализация.

JEL codes: O11; J11; I15

Для цитирования: Соколов, А.М. Проблема универсализации показателей оценки уровня цифровой экономики / А.М. Соколов, Е.Е. Иродова. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_87. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.87-96. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_87

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий стало основополагающим фактором для внедрения комплексных систем во все сферы жизни и общества с целью их оптимизации. Использование подобных систем в экономике позволило повысить эффективность общественного производства, поддержать устойчивость темпов развития с целью увеличения качества и благосостояния жизни граждан [1].

В текущих условиях развития предприятия вынуждены непрерывно модернизировать существующие технологии производства для поддержания конкурентоспособности. Устаревшие подходы к экономической деятельности являются сдерживающим фактором благосостояния компании. Необходимость усиления позиционирования на рынке подталкивает предприятия к внедрению инновационных цифровых решений. Таким образом, цифровизация - эффективный способ борьбы с нарастающей конкуренцией среди ряда экономических субъектов. Данный технологический инструмент способен усилить оптимизацию бизнес-процессов, что способствует формированию высокого уровня цифровой трансформации экономической сферы.

Одной из важнейших проблем исследования является отсутствие общепринятого метода оценки параметров в рамках изучаемой тематики. Принцип работы с большими данными подразумевает использование высокотехнологичных методов анализа для выявления структуры, градации, учета веса каждого значения. Более того, выборка элементов зачастую содержит дифференциальные показатели по качественному и количественному признакам, что ограничивает использование целого ряда научных методов. В представленном исследовании проводится анализ эффективности существующих подходов, а также предлагается авторский метод универсальной оценки.

Новизна научного исследования характеризуется отсутствием унифицированного метода оценки данных [2]. В современных реалиях несостоятельный подход к изучению представленной тематики преобладает над комплексным изучением проблемы в силу сложности исследования, что нередко приводит к некорректным результатам и ошибочным выводам. Индивидуальный подход является результатом работы целого ряда ученых, и является трудозатратным процессом, подталкивая к естественному созданию почвы для выявления универсального метода комплексной оценки параметров.

Для комплексного и корректного изучения и оценки уровня цифровизации экономики в рамках стран необходимо правильно сформировать выборку данных и определить соответствующий метод для их комплексного анализа. Стоит учитывать: концепция оценки уровня цифровизации носит субъективный характер в виду перенасыщения изучаемой сферы параметрами, обладающими высокой степенью корреляции [3]. С целью избежания представленной ситуации, исследователи разделяют влияние микро- и макроэкономических показателей. Принципиально важно корректно оценивать и грамотно формировать выборку баз данных с учетом указанных тонкостей для применения метода и последующего анализа полученных результатов.

Цель исследования заключается в выявлении универсального метода оценки уровня развития цифровизации экономики стран на основе существующих комплексных подходов формирования баз данных.

Для осуществления поставленной цели необходимо выполнить ряд задач:

- изучить существующие подходы к оценке уровня цифровизации экономики на примере стран;
- исследовать уровень цифровизации на примере индексов;
- сформировать универсальный метод оценки в рамках изучаемой тематики;
- составить выборку данных с учетом особенностей характеристик параметров и проанализировать ее состоятельность;
- произвести оценку эффективности подходов к изучению исследовательского вопроса.

Оптимальным методом для сопоставления существующих подходов является сравнительный анализ, позволяющий выявить наиболее эффективную степень оценки. В рамках изучаемой тематики представленный метод позволяет сформировать вывод о наиболее значимых результатах исследования, существующих на данный момент времени.

Прежде, чем перейти к сравнению существующих способов оценки уровня цифровизации экономики, необходимо корректно дать определение терминам, употребляемым в исследовании.

Определение цифровой экономики

Понятие цифровой экономики было предложено российским профессором кафедры экономико-математического моделирования на основе работ американского информатика Н. Негропonte в 1999 году. В. Матюшок определяют цифровую экономику, как форму экономической деятельности, основанной на глобальной электронной среде с преобладанием сил производства, знаний, а также информации в рамках ускоренной динамики между спросом и предложением [4]. По мнению автора, важным аспектом данного понятия является экономическая деятельность. При этом под экономической деятельностью подразумевается процесс производства или комбинация действий для получения готовой продукции. Нельзя утверждать, что исследуемое понятие можно изолировать

определенными рамками, характеризуя его, как некоторую форму экономической деятельности, поскольку в современных условиях цифровая экономика является частью отношений экономических субъектов, анализа данных, и других видов отношений, позволяющих не только получать готовую продукцию, но и участвовать, к примеру, в изучении коммерческих возможностей компании. Помимо этого, если мы обратимся к общероссийскому классификатору видов экономической деятельности, то сможем обнаружить перечень классов, выстроенных в определенной градации [5]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что цифровая экономика должна либо относиться к одному из представленных классов, либо быть независимым видом экономической деятельности, что противоречит самой функции цифровой экономике.

Понятие цифровой экономики было кардинально пересмотрено М. Калужским в 2014 году. По мнению автора, цифровую экономику можно охарактеризовать, как некую коммуникационную среду экономической деятельности в сети Интернет, а также формы, методы, инструменты и результаты ее развития [6]. Ключевой особенностью является выделение цифровой экономики, как сетевого пространства в рамках экономической деятельности, внутри которого происходят коммуникативные процессы. При этом автор ограничил данное пространство конкретным сетевым измерением, что также некорректно определило рамки существующего понятия.

В 2016 году В. Куприяновский совместно с С. Синяговым, а также С. Липатовым охарактеризовали цифровую экономику, как экономические отношения, произведенные в электронной форме [7]. Подробно на данном определении я не буду останавливаться, в виду уже ранее разобранного термина с похожими ограничениями, но хотел бы отметить новаторский подход в изучении цифровой экономики, с точки зрения экономических отношений.

С разницей в небольшой временной промежуток И. Алексеев определяет цифровую экономику, как систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникативных технологий [8]. Экономических, социальных и культурных отношений... Перечисленные признаки относятся не ко всем элементам системы цифровой экономики, а, следовательно, не могут стать универсальным характерным свойством. Предлагаю рассмотреть вторую часть определения, а именно: использование цифровых информационно-коммуникативных технологий. Критически важно определить роль и степень участия перечисленных технологий в формировании цифровой системы. Не каждая система обладает свойствами коммуникативных технологий, поэтому необходимо разделять перечисленные параметры.

Многие другие авторы предлагают собственную формулировку данного термина, но в большинстве научных работ существуют либо излишние ограничения, либо отличительные свойства, которое противоречат сущности определения. Для полноценной формулировки необходимо учитывать не только экономический аспект, не ограниченный рамками и характеристиками, но также и характерные свойства.

Цифровая экономика – элемент экономической системы, основанный на использовании цифровых, информативно-коммуникативных технологий и обладающий высоко-интегративными свойствами.

Представленное определение обладает ключевыми характерными чертами и принципами, раскрывающими не только смысл и область применения понятия, но также затрагивающими его основные свойства. Элемент экономической системы обособляет и выделяет термин, указывая на его значение и позицию в масштабах экономической системы.

Анализ универсальности методов оценки уровня цифровой экономики

Для комплексного и корректного изучения и оценки уровня цифровизации экономики в рамках стран необходимо правильно подобрать метод анализа данных. Существуют различные подходы, позволяющие рассмотреть влияние процессов в рамках микро- и макроэкономических систем [5].

С 2013 года был введен универсальный метод, основанный на индексных показателях и

позволяющий определить уровень цифровой экономики и общества стран Европейского союза. Индекс DESI включает 5 измерений, по которым проводится оценка параметров. Данный показатель широко используется в научном сообществе. Основное достоинство данного подхода заключается в отсутствии корреляции данных. Он позволяет определить состояние цифровизации отдельно рассматриваемой страны по конкретные направления [9].

Индекс DESI задан формулой:

$$DESI = \sum_{i=1}^5 a_i w_i$$

где a_i – значение i – показателя первого уровня, w_i – соответствующий весовой коэффициент. Распределение коэффициентов первого уровня представлено в таблице 1 [9].

Таблица 1 – Распределение коэффициентов первого уровня

1 уровень	Коэффициенты
Связь	0,25
Человеческий капитал	0,25
Использование Интернета	0,15
Интеграция цифровых технологий	0,20
Государственные цифровые услуги	0,15

Основным преимуществом представленного исследование заключается в вариативности данных, способных постоянно обновляться ввиду развития баз данных. К примеру, к показателю 1 уровня относят человеческий капитал, демонстрирующий владение обществом базовыми цифровыми навыками. Коэффициент имеет вес 25%, что говорит о приоритетности показателя поскольку без определенных цифровых навыков невозможно в полной мере извлечь выгоду при использовании цифровыми технологиями. Согласно отчету DESI, за последний год наблюдается положительная динамика активных пользователей интернетом.

Представленный рисунок 1 показывает уровень цифрового развития экономики и общества за 2021 год [9; 10]. Лидирующие места в Европейском союзе занимают такие страны, как: Дания, Финляндия, Швеция, Нидерланды, Ирландия. Для сравнения в 2020 году рейтинг списка возглавляли такие страны, как: Финляндия, Швеция, Дания, Нидерланды, Мальта. В динамике за прошедший год суммарный рейтинг страны, занимающей лидирующую позицию, уменьшился на 2-3%.

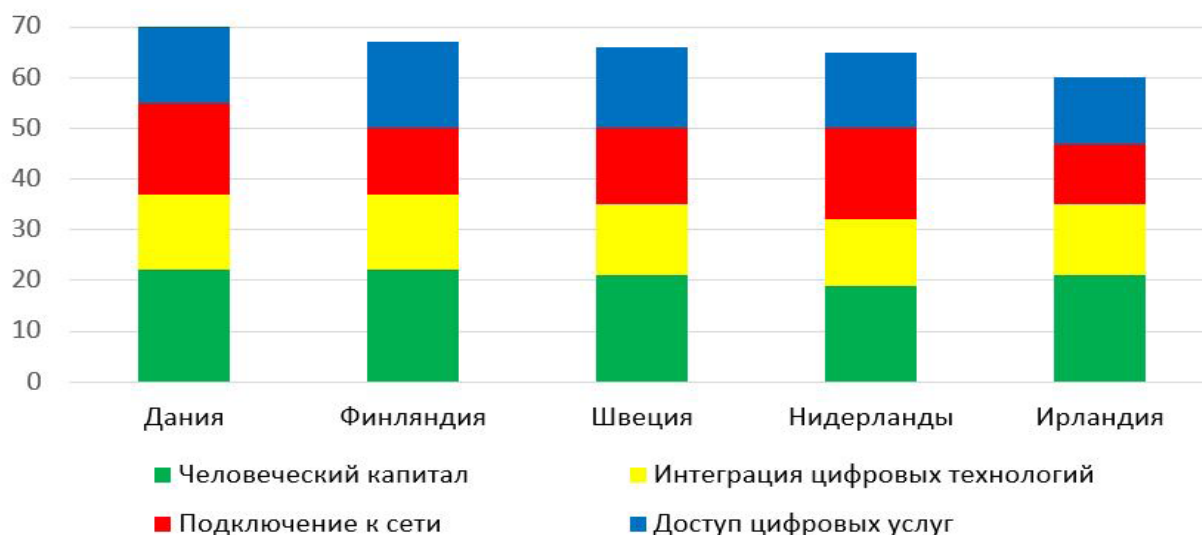

Рисунок 1. Индекс цифровой экономики и общества, 2021

Источник: составлено авторами

Измерение параметра 1 уровня человеческого капитала DESI имеет два подпараметра, включающие навыки пользователей Интернета и продвинутые навыки. Данные параметры отображены на рисунке 2 [9]. Первый коэффициент измеряется в процентном соотношении и высчитывает сложность действий при использовании цифровых устройств (количественный показатель). Второй коэффициент учитывает подготовку специальных кадров навыкам ИКТ (качественный показатель). По сравнению с предыдущим годом наибольший прирост человеческого капитала наблюдается в Финляндии 2,6%, Эстонии 1,7% и Греции 1,6%.

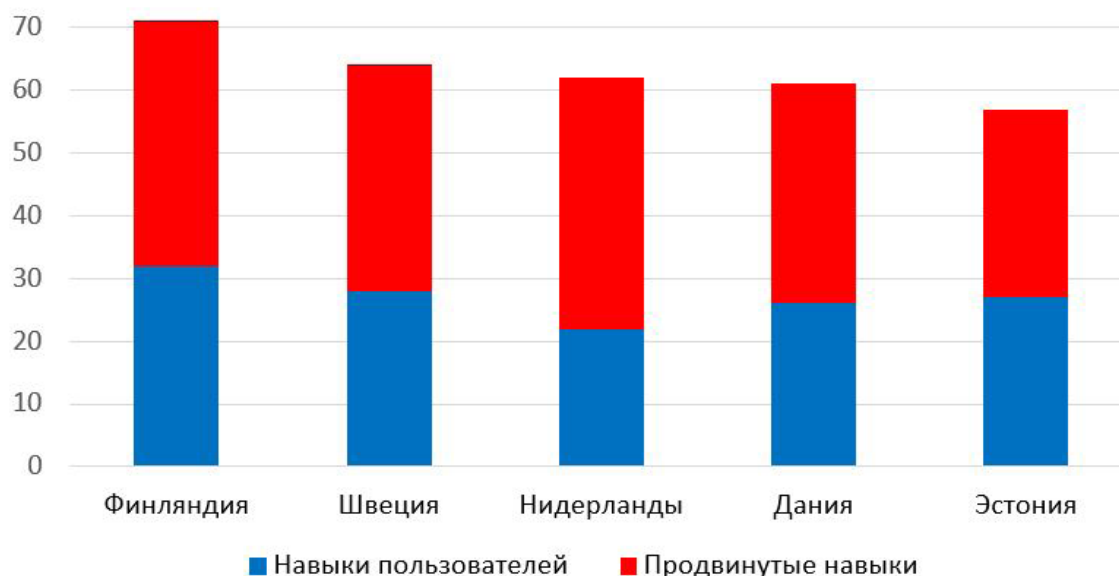

Рисунок 2. Человеческий капитал, 2021

Источник: составлено авторами

Статистическая информация, используемая в представленном рейтинге, является отправной точкой и показательным результатом для научных исследований в силу открытых баз данных, однородности выборки, а также отсутствию корреляции данных. Недостатком данного индекса является обобщенность результатов из-за недостатка критериев. Действительно, существующий набор параметров позволяет использовать данные для прогнозирования и построения выводов, но при этом результат будет не точным. Не учитываются многие сторонние факторы, преобладающие в контексте изучаемого термина. Несмотря на это, отсутствие открытых баз данных минимизирует возможность сравнить страны Евросоюза по другим важным критериям.

Помимо общепринятых индексов оценки авторы применяют инновационные подходы, совершенствуя набор параметров с учетом неравномерной дифференциации количественных и качественных данных [11]. Таким образом, важным аспектом изучения вопроса исследования является не только определение устойчивого метода оценки критериев, но и корректное формирование информационной базы.

Также помимо общепринятых индексов оценки уровня цифровизации существуют авторские методы исследования параметров. Различные авторы выделяют разнообразные подходы, базируясь на научной новизне, открытых базах данных и других сопутствующих аспектах. Во многих научных работах представлены ассиметричные данные официальной статистики индексов стран из-за отсутствия теста на корреляцию выборки параметров. Состоятельность выборки является ключевым источником получения корректных результатов исследований [8]. Помимо этого, возникает проблема неоднородности результатов выборки в виду неучтенной ошибки, либо включение девиантных показателей модели. Выборка панельных данных при оценке уровня развития цифровизации экономики стран должна обладать набором всех необходимых данных для проведения соответствующего анализа.

Классическая модель ведения бизнеса стремится к применению инновационных цифровых технологий, позволяющих усилить позиционирование на рынке с точки зрения конкурентоспособности, где зачастую можно увидеть систематическое внедрение процессов реализации различных подходов. Представленные улучшения можно разделить на два типа в зависимости от соответствующих микро- или макроэкономических задач [9; 10; 11].

Внешняя интеграция: учитывает текущее позиционирование предприятия на рынке, позволяя сгенерировать необходимые видоизменения процессов макроэкономических экспонент. Данный подход обеспечивает формирование базы для обработки больших баз данных внешних открытых источников, исследование доступных каналов связи.

Внутренняя интеграция: позволяет модернизировать существующие технологии посредством внедрения инновационных решений, модернизации процессов производства, автоматизации бизнеса.

В научных исследованиях принято выделять основные принципы оценки уровня цифровизации экономических процессов с учетом микро- и макроэкономических параметров. Для осуществления поставленной цели рассматривается выборка малого и среднего бизнеса [8; 10; 11]. Главной причиной данного решения является независимость участников рынка, а также возможность отразить действительный уровень цифровизации экономики.

Принятые общеизвестные методы анализа данных неспособны анализировать баз данных множеством качественных и количественных переменных. Образуется потребность в высокотехнологическом подходе, обладающем высоко-интегративными свойствами оценки параметров.

К примеру, статический метод прогнозирования позволяет сравнить набор заданных переменных. Характерной особенностью представленного подхода является обобщение полученных результатов без возможности их диверсификации. Вследствие, данный метод является несостоятельным с точки зрения результатов анализа.

Формирование корректной эконометрической модели позволяет грамотно оценить показатели с учетом их весового значения [12]. Внедрение факторного анализа позволяет задействовать средства и вариативные инструменты для анализа больших баз данных. Впервые представленный подход был введен для оценки качества взаимосвязи переменных с появлением развитых высокотехнологичных вычислительных систем.

Для качественного анализа соответствующих параметров важно учитывать экономические особенности цифровизации стран путем составления соответствующей выборки панельных данных и дальнейшего расчета корреляции, пропущенных регрессоров, а также ошибки предполагаемой модели.

В своем исследовании Н. Диденко проводит анализ показателей цифровизации на экономическое развитие Европейского союза при помощи эконометрической системы уравнений ADL модели представленной на рисунке 3 [13]. В качестве эндогенных показателей автор выделяет следующие параметры с их дальнейшей классификацией:

y_t^1 – ВВП на человека в Европейском союзе в t-м году;

y_t^2 – производительность экономики ЕС в t-м году;

y_t^3 – HDI в Европейском союзе в t-м году;

y_t^4 – безработица Европейском союзе в t-м году;

y_t^5 – темпы роста суммарного ВВП стран Европейского союза в t-м году.

Для экзогенных показателей Н. Диденко использует набор следующих параметров:

x_t^i – значение индекса DESI первой группы стран Европейского союза в t-м году, где $i=(1, M)$, M – число стран в первой группе;

x_t^i – значение индекса DESI второй группы стран Европейского союза в t-м году, где $i=(1, M)$, M – число стран во второй группе;

x_t^i – значение индекса DESI четвертой группы стран Европейского союза в t-м году, где $i=(1, M)$, M –

число стран в четвертой группе;

x_t^5 – значение индекса DESI пятой группы стран Европейского союза в t-м году, где $i=(1,M)$, M-

число стран в пятой группе;

x_t^6 – значение индекса DESI шестой группы стран Европейского союза в t-м году, где $i=(1,M)$, M-

число стран в шестой группе;

$$\begin{cases} y_t^1 = a_0 + a_1 y_{t-j}^1 + b_1 y_{t-j}^2 + b_2 y_{t-j}^3 + b_3 y_{t-j}^5 + c_1 \bar{x}_{t-j}^1 + c_2 \bar{x}_{t-j}^2 + c_3 \bar{x}_{t-j}^3 + c_4 \bar{x}_{t-j}^4 + c_5 \bar{x}_{t-j}^5 + c_6 \bar{x}_{t-j}^6 \\ y_t^2 = a_0 + a_1 y_{t-j}^2 + b_1 y_{t-j}^3 + b_2 y_{t-j}^4 + b_3 y_{t-j}^5 + c_1 \bar{x}_{t-j}^1 + c_2 \bar{x}_{t-j}^2 + c_3 \bar{x}_{t-j}^3 + c_4 \bar{x}_{t-j}^4 + c_5 \bar{x}_{t-j}^5 + c_6 \bar{x}_{t-j}^6 \\ y_t^3 = a_0 + a_1 y_{t-j}^3 + b_1 y_{t-j}^1 + b_2 y_{t-j}^2 + b_3 y_{t-j}^4 + b_4 y_{t-j}^5 + c_1 \bar{x}_{t-j}^1 + c_2 \bar{x}_{t-j}^2 + c_3 \bar{x}_{t-j}^3 + c_4 \bar{x}_{t-j}^4 + c_5 \bar{x}_{t-j}^5 + c_6 \bar{x}_{t-j}^6 \\ y_t^4 = a_0 + a_1 y_{t-j}^4 + b_1 y_{t-j}^2 + b_2 y_{t-j}^3 + b_3 y_{t-j}^5 + c_1 \bar{x}_{t-j}^1 + c_2 \bar{x}_{t-j}^2 + c_3 \bar{x}_{t-j}^3 + c_4 \bar{x}_{t-j}^4 + c_5 \bar{x}_{t-j}^5 + c_6 \bar{x}_{t-j}^6 \\ y_t^5 = a_0 + a_1 y_{t-j}^5 + b_1 y_{t-j}^2 + b_2 y_{t-j}^3 + b_3 y_{t-j}^4 + c_1 \bar{x}_{t-j}^1 + c_2 \bar{x}_{t-j}^2 + c_3 \bar{x}_{t-j}^3 + c_4 \bar{x}_{t-j}^4 + c_5 \bar{x}_{t-j}^5 + c_6 \bar{x}_{t-j}^6 \end{cases}$$

Рисунок 1. Пример эконометрической модели

Источник: составлено авторами

Таким образом, автор получает систему взаимосвязанных переменных, обладающих набором коррелирующих параметров. Отсутствуют проверки тестами на состоятельность выборки, которая может присутствовать ввиду неоднородности выборки данных. Необходимо провести тест суперэкзогенности, в результате повторяющихся факторов, поскольку экономические агенты реагируют на происходящие изменения как эндогенных, так и экзогенных переменных, меняя собственное поведение, видоизменяя параметры экономической системы. Вследствие чего, модель с постоянными параметрами может быть неадекватна реальным экономическим системам.

Универсальным способом оценки является принцип составления эконометрической регрессии из расчета экзогенных показателей определенного набора. Данная модель способна подстраиваться под различные сценарии использования исходя из принципа доступности данных. Состоятельность выборки при этом подтверждается соответствующими тестами на проверку состоятельности модели. Таким образом, представленный метод способен анализировать данные, исходя из потребности и критериям их отбора [14].

Примером универсальной эконометрической модели является модель спецификации log-lin вида:

$$\ln(d_{iaj}) = a + \beta_1 X_i + \beta_2 Z_j + a + \varepsilon_{iaj}$$

где, (d_{iaj}) – Уровень цифровизации в выбранной области, вектор X_i дает сравнительную характеристику оценки уровня цифровизации, вектор Z_j задает характеристики в выбранной области, ε_{iaj} – ошибка регрессии.

Набор возможных параметров может включать, но не ограничен, следующими показателями:

X_1 – высокоскоростное подключение к сети Интернет для коммерческого использования (не ниже 100 mb/sec);

X_2 – возможность обработки больших данных по высокоскоростной сети Интернет (не ниже 100mb/sec);

X_3 – наличие технического и программного обеспечения для обработки информации и передачи полученных данных;

X_4 – наличие технического и программного обеспечения для обмена информации между фирмами и поставщиками/клиентами с учетом автоматизации бизнес-процессов;

X_5 – доля предприятий, отправляющих только бумажные счета на оплату;

X_6 – доля предприятий, инвестирующих в высокотехнологичные способы хранения информации посредством их обработки специализированными программами;

X_7 – доля предприятий, анализирующих большие данные;

X_8 – доля предприятий, изучающих собственные базы данных с использованием интеллектуальных устройств обработки информации;

X_9 – доля предприятий, способных обрабатывать большой объем данных, получаемых с геолокации устройств пользователя.

В зависимости от определения показателя R^2 возможно дальнейшее изучение параметров. Их взаимосвязь и степень корреляции должна быть подтверждена условными тестами, присущими данной модели. Тест Рамсея характеризует постоянство выборки. Коэффициент вздутия дисперсии определяет корреляцию показателей. Также необходима проверка на гетероскедастичность.

Вывод

Таким образом, при построении моделей для расчета оценки уровня цифровизации экономики необходимо учитывать особенности данных для корректного составления выборки и последующего анализа. Отсутствие открытых баз информации является ключевым отрицательным компонентом развития унифицированных систем [15]. Ввиду неоднородного принципа распределения, формируется фактор минимизирующий возможность сопоставления результатов различных стран, не находящихся в конгломератах торгово-экономических, политических и других типов отношений.

Эффективность применения методов оценки выявило отсутствие универсальной системы анализа данных, способной подстраиваться под заданный набор данных. Большинство существующих подходов показали свою несостоятельность из-за высокой степени ограничений экономического и технического характеров [16]. В связи с этим, используется современный подход, позволяющий детально проработать и распределить вес применительно к каждому отдельно взятому параметру. Представленный подход предусматривает проведение разнообразных тестов для проверки состоятельности выборки. Минимизация корреляции, а также отсутствие пропущенных регрессоров позволяет получить наиболее точный результат исследования. Несмотря на это необходимо использовать и другие тесты для изучения надежности компонентов модели. Применение факторного анализа и выборки панельных данных позволяет сформировать уникальный и универсальный способ оценки уровня развития цифровизации экономики стран. Изучение микро- и макроэкономических показателей подразумевает использование комплексного подхода в рамках изучаемой тематики.

Эффективность применения подхода и метода к оценке уровня цифровизации экономики стран, определяется степенью организации выборки панельных данных, сопоставлением результатов с данными в открытом доступе, выбором корректной спецификации модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гасанов Т.А., Гасанов Г.А. Цифровая экономика как новое направление экономической теории // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 6. С. 4–11.
2. Авдеева И.Л. Анализ перспектив развития цифровой экономики в России и за рубежом // В книге: Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы. Труды научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 19-25.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 143-172.
4. Матюшок В.М. Сетевая экономика и глобализация экономической деятельности // Информационное общество. 1999. № 6. С. 46–47.
5. Циренщиков В.С. Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. 2019. № 3(89). С. 104-114.
6. Калужский М.Л. Маркетинговые сети в электронной коммерции: институциональный подход. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2014. 402 с.
7. Куприяновский В.П., Синягов С.А., Липатов С.И. «Цифровая экономика – «Умный способ работать» // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 2. С. 26–32.
8. Алексеев И.В. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития электронного взаимодействия // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: матер. X Меж-

дунар. науч.– практ. конф. 2016. № 4 (10). Т. 2. С. 42–45.

9. Digital Economy and Society Index (DESI) // digital-strategy.ec.europa.eu: интернет-изд. 2022. 13 янв. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi>

10. Бакуменко Л.П., Минина Е.А. Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI): тенденции развития цифровых технологий // Социальная статистика. 2020. № 2. С. 40-54

11. Варнавский В.Г. Цифровые технологии и рост мировой экономики // Друкеровский вестник. 2015. № 3(7). С. 73-80.

12. Гохберг Л.М., Дитковский К.А., Кузнецова И.А. и др. Индикаторы инновационной деятельности // Статистический сборник. 2019. № 1. С. 376.

13. Диденко Н.И., Скрипнюк Д.Ф., Кобылинский В.В. оценка развития цифровой экономики на примере Европейского союза // Модернизация Инновации. Развитие. 2020. Т. 11. № 2. С. 196-215.

14. Кох Л.В., Кох Ю.В. Анализ существующих подходов к измерению цифровой экономики // Экономические науки. 2019. Т. 12 №4. С. 78-90.

15. Никитская Е.Ф., Валишвили М.А. Факторы инновационного развития национальной экономики: международные аспекты // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 4. С. 324.

16. Семячков К.А. Цифровая экономика и ее роль в управлении современными социально-экономическими отношениями // Современные технологии управления. 2017. № 8 (80). С. 8001.

Indicators universalization problem of digital economy evaluation

Sokolov AlekseiMikhailovich

graduate student,

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

e-mail: hi-sokol-on@mail.ru

Irodova ElenaEvgenevna

Ph. D. inEconomics, Professor,

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

e-mail: irodovae@ivanovo.ac.ru

Annotation. The current study investigates the question of the approach efficiency and the proper choice of methodology in terms of measuring the economy digitalization level. The universality of present approaches is examined. A comparative examination of aspects is conducted within the scope of the topic specification due to the novelty of scientific work and the lack of widely acknowledged criteria for parameter selection. Working with big data requires the implementation of cutting-edge analysis techniques to determine the structure, gradation, and weight of each value. Furthermore, the sample of elements frequently comprises diverse indications in terms of qualitative and quantitative features, limiting the application of a variety of scientific methods. Various authors use different systems for reviewing data and performing primary analysis. In this regard, determining the level of digitization is a subjective area. To address this issue, a set of criteria for determining the effectiveness of approach is developed in this study. The countries' micro- and macroeconomic indicators are analyzed, and a sample of panel data is created. It is vital to take into account the economic factors of country's digitalization level by gathering an appropriate sample of panel data, evaluating the correlation, omitted regressors, and the error of the proposed model for a qualitative examination of the selected coefficients. The conclusion of the study brings the selection of an effective model for assessing the level of the digital economy.

Keywords: digital transformation; digitalization; DESI index; universalization

Выявление и оценка факторов, влияющих на цифровую зрелость регионов

Батракова Людмила Георгиевна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса цифровой трансформации, который затронул все сферы бизнеса, но протекает неоднозначно, т.к. даже развитые страны мира находятся на разных уровнях «цифровой зрелости». Цифровая трансформация – это не достижение абстрактной зрелости, а завоевание того ее уровня, который соответствует самому субъекту. Поэтому к актуальным задачам современных исследований отнесен анализ проблем развития цифровизации, в частности задачи оценки и выявления факторов, влияющих на цифровую зрелость.

Переход на цифровые технологии повышает конкурентоспособность национальной экономики, они не только помогают решать коммуникационные, управленческие, образовательные и другие задачи, но и дают возможность повышать качество предоставления госуслуг. В работе сформулированы цели социально-экономических субъектов для достижения цифровой зрелости. Отмечено, что значимым фактором развития цифровой экономики стал достигнутый уровень человеческого капитала. И здесь важно понимать, что цифровая экономика значительно изменила рынок труда, наиболее важными стали цифровые умения и навыки, появились новые профессии, набор компетенций перестал быть статичным, а профили специальностей стали динамичными.

В результате исследования было установлено, что уровень цифровой зрелости значительно отличается в регионах и муниципалитетах, и такая дифференциация затрудняет цифровую трансформацию госуправления и требует мер с учетом региональной специфики. В работе была сформирована система показателей PESTI-анализа для установления стратегических точек роста и оценки факторов, влияющих на уровень цифровой зрелости региона. Важность показателя цифровой зрелости усиливается тем, что он включен в критерии рейтинга руководителей цифровой трансформации субъектов РФ.

Ключевые слова: регион, цифровая трансформация, цифровизация, рейтинг, цифровая зрелость, инновации, стратегические цели, PESTI-анализ.

JEL codes: O18, P25, R11

Для цитирования: Батракова, Л.Г. Выявление и оценка факторов, влияющих на цифровую зрелость регионов / Л.Г. Батракова. - DOI 10.52957/22213260_2022_3_97. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №3. - С.97-110. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 28.03.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_3_97

Введение

Вводная часть

Основополагающей тенденцией развития в мире стала цифровизация, цифровые технологии стали доминировать во всех сферах экономики и общественной жизни. Особую важность приобрели исследования, позволяющие выявить характеристики, закономерности и методы оценки цифровой экономики. Однако анализ литературы позволил сделать заключение об отсутствии единого подхода к трактовке многих понятий и оценке развития цифровой экономики. Авторы, проводя исследования различных аспектов цифровизации, предлагают разные определения, теоретические обоснования, разрабатывают различные системы оценочных показателей. Актуальность таких работ не вызывает сомнения, она определена неблагоприятным ходом развития экономики России. Подтверждение этому можно найти в международных сопоставлениях, которые наглядно демонстрируют отставание России по показателям цифрового развития от ведущих стран мира.

Краткое описание отражения проблематики исследования в науке

Большое количество современных научных исследований посвящено теоретическим аспектам цифровой экономики, цифровизации экономических систем [1], развитию цифровизации отдельных отраслей [2], результатам цифровой трансформации на макро- и мезоуровнях [3], анализу механизмов взаимодействия субъектов цифровых экономических систем [4], оценке цифрового потенциала [5] и т.д. Однако цифровая трансформация как стратегия регионального развития невозможна без участия регионов. Поэтому остаются до конца неизученными многие проблемы региональной цифровизации, в частности «цифровой зрелости» (digital maturity). В то же время цифровая зрелость стала оценкой степени готовности государства к цифровой трансформации [6].

Цифровая экономика определяет направления трансформации секторов и рынков, в частности рынка труда. В докладе ВЭФ «Будущее рабочих мест 2020» отмечено, что из-за новых технологий в 26 развитых и развивающихся странах мира к 2025 году прогнозируется сокращение 85 млн рабочих мест, в России проблему кадров необходимой квалификации оценивают в 33,9 млн человек. Из-за низкой производительности труда мировой ВВП ежегодно недополучает \$5 трлн. Ключевой компетенцией, определяющей конкурентные преимущества работника, стала аналитика больших данных [7; 8; 9].

В целях обеспечения цифровой трансформации в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации» определено достижение «цифровой зрелости» в стране к 2030 году [10]. Но зачем нужно определять региональный уровень «цифровой зрелости»? Данный показатель позволяет оценить эффективное использование цифрового потенциала региона, выявить территориальные диспропорции процесса цифровой трансформации.

Цель исследования вытекает из необходимости ликвидации описанного выше пробела в научном знании. В представленной работе проанализировано развитие цифровой трансформации в регионах России на основе оценки показателя цифровой зрелости.

Исследование требует постоянного обновления материалов, выявления новых закономерностей развития. Прогнозные значения достижения целевого показателя «цифровой зрелости» показаны на примере Ярославской области.

Основная часть

Методы исследования

Отдельные аспекты исследуемой проблемы имеются в ряде опубликованных работ автора: представлено теоретико-методическое обоснование модели человеко-ориентированной цифровой экономики [11], проведен анализ развития цифровой экономики и цифрового управления в регионах России [12; 13; 14], раскрыты методические подходы к измерению цифровой экономики [15; 16], затронуты вопросы формирования навыков и компетенций для цифровой трансформации [9], определена сущность понятия цифровой зрелости в регионах [6].

Данное исследование проводилось в несколько этапов:

- поведение сравнительного анализа развития цифровой экономики в России на основе в мировые рейтинги цифровизации (таблица 1);
- установление соответствия понятий «цифровая экономика» и «цифровая трансформация»;
- определение целей достижения цифровой зрелости для различных социально-экономических субъектов (таблица 2);
- обоснование применения инструментов стратегического анализа для исследования факторов, влияющих на уровень цифровой зрелости региона, построение системы показателей PESTI-анализа (таблица 3);
- проведение анализа цифровой зрелости, характеризующей состояние отраслей экономики и социальной сферы, на примере Ярославской области (таблицы 4, 5, 6, 8). Расчет цифровой зрелости приведен на примере отрасли здравоохранения Ярославской области на начало 2021 года (таблица 7).

В исследовании предложено применение инструмента стратегического PEST-анализа, в который

добавлена составляющая – телекоммуникационная инфраструктура. В результате сформирована система показателей PESTI-анализа, который позволяет анализировать политическую ситуацию, социально-экономическое и телекоммуникационное развитие, разрабатывать и принимать обоснованные управленческие решения (таблица 2).

База данных и правовая основа.

Данные для анализа заимствованы из официальной статистики по цифровизации экономики [Краткий статистический сборник «Цифровая экономика: 2021» [17]; Официальный сайт Росстата: <https://rosstat.gov.ru/>], использованы нормативно-правовые и законодательные документы: Указы Президента РФ за 2017-2020 гг. [10; 24], Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ [25]; Постановление Правительства Ярославской области [26], касающиеся вопросов цифровизации.

Результаты

Сравнительный анализ уровня цифровой зрелости выполняется на основе индексов, используемых для мировых рейтингов цифровизации, который, в отсутствие единого подхода к формированию системы индексов, позволил построить таблицу, наглядно демонстрирующую отставание России от ведущих стран мира по основным показателям цифровых технологий (таблица 1).

Таблица 1 – Место России в мировых рейтингах цифровизации

Показатель	Назначение	Количество стран		Место		Значение в 2020 году от 0 до 100
		2019	2020	2019	2020	
Всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности (World Digital Competitiveness Ranking)	оценивает готовность стран принять цифровые технологии в качестве главного фактора преобразований в экономике	63	63	38	43	70,4
Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index)	оценивает наличие и условия реализации инновационного потенциала	129	129	46	47	35,63
Индекс инновационного развития Блумберга (Bloomberg innovation index)	оценивает уровень инновационной активности	60	60	27	26	68,63
Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index)	характеризует распространение ИКТ в социально-экономическом развитии	121	134	48	48	54,23
Глобальный индекс сетевого взаимодействия (Global Connectivity Index)	оценивает уровень и динамику развития ИКТ-инфраструктуры, а также взаимосвязь между уровнем развития цифровых технологий и экономическим ростом	79	79	41	42	50

Показатель	Назначение	Количество стран		Место		Значение в 2020 году от 0 до 100
		2019	2020	2019	2020	
Уровень создаваемых возможностей для цифровизации (Enabling Digitalization Index)	показывает способность страны создать условия для развития цифровых компаний и для успешного использования цифровых технологий традиционными компаниями	115	115	37	38	52
Индекс инклюзивного интернета (Inclusive Internet Index)	оценивает степень охвата Интернетом	86 (2018)	100	23 (2018)	26	79
Индекс развития электронного правительства (The E-government Development Index)	характеризует степень готовности стран к использованию услуг электронного правительства	193 (2018)	193	32 (2018)	36	82,44

Источник: составлено автором по данным мировых рейтингов

В работе сформулированы цели деятельности социально-экономических субъектов для достижения цифровой зрелости. Постановка четкой цели приводит к осознанным результатам деятельности, успеху в конкурентной среде [18] (таблица 2).

Таблица 2 – Цели достижения цифровой зрелости для различных социально-экономических субъектов

Социально-экономические субъекты	Основная цель социально-экономических субъектов в достижении цифровой зрелости
государство	способность эффективно регулировать, исполнять функции и предоставлять государственные услуги
отрасль	способность эффективно управлять отраслевыми изменениями путем создания цифровой экосистемы
государственное управление	способность оперативно за счет внедрения цифровых технологий предоставлять государственные услуги, обеспечивающие повышение качества реализации государственных функций
региональные органы исполнительной власти и местного самоуправления	способность достичь национальных целей развития региона, утвержденных Президентом РФ
высшие должностные лица субъектов Российской Федерации	способность повысить качество исполнения государственных услуг, а также построить эффективные механизмы обратной связи с населением и организациями
бизнес	способность на основе цифровых технологий достигать лучших результатов деятельности и более качественно удовлетворять потребности клиентов, предлагая им новые услуги

Социально-экономические субъекты	Основная цель социально-экономических субъектов в достижении цифровой зрелости
предприятие и организация	способность оценить свой потенциал роста и выявить зоны развития, разработать собственную стратегию цифровой трансформации, оценить уровень навыков и компетенций сотрудников

Источник: составлено автором

Для анализа факторов, влияющих на уровень цифровой зрелости региона, разработана система показателей PESTI-анализа, как инструмента для определения стратегии региона в долгосрочном периоде и нахождения стратегических точек роста (таблица 3).

Таблица 3 – Система показателей PESTI-анализа

Сферы	Показатели
политическая	Состояние политической обстановки Наличие нормативно-правовых актов, регулирующих процессы цифровизации Изменение системы налогообложения Предпочтения органов власти, относительно поддержки отраслей и секторов экономики по внедрению цифровых технологий
	Региональный аспект Наличие стратегии цифровой трансформации региона Наличие программы цифровой трансформации региона Наличие планов работы по цифровой трансформации в органах исполнительной власти Наличие координационного совета по цифровой экономике в регионе
экономическая	Изменения уровня инфляции и курсов валют Изменение ВРП на душу населения Изменения в уровне безработицы вследствие внедрения цифровых технологий Объемы финансирования мероприятий по цифровой трансформации Темпы роста IT-сектора региона Риск потерь в результате внедрения проектов в области цифровизации Доля реализованных проектов в сфере цифровой трансформации Уровень обеспеченности IT-сектор кадрами Уровень производительности труда
социальная	Реализация программы цифровой грамотности в регионе Наличие учреждений дополнительного образования, реализующих программы, формирующие цифровые компетенции Количество подготовленных по программам обучения по цифровой трансформации

Сферы	Показатели
	Наличие учебных заведений, обеспечивающих ИТ-сектор квалифицированными кадрами Доля работников, регулярно использующих компьютер и интернет
технологическая	Обеспечение доступности Интернета Развитие мобильных технологий Наличие инноваций в информационных технологиях, обеспечивающих конкуренцию в рыночной сфере Эффективность работы сервисов предоставления государственных услуг Получение патентов, свидетельств и др. в области цифровизации Доля предприятий, осуществляющих технологические инновации Внедрение обратной связи между органами исполнительной власти и населением
телекоммуникационная инфраструктура	Система электронного документооборота в органах власти Наличие онлайн-сервиса, позволяющего узнать свой уровень цифровой грамотности и углубить знания в работе с цифровыми технологиями Наличие центров цифровой трансформации Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе организаций Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету в общем числе домохозяйств Наличие структур, объединяющих образовательные учреждения заведения и компании ИТ-отрасли Наличие онлайн-платформ для продажи продукции

Источник: составлено автором

Дискуссия

Термин «цифровая экономика» используется в контексте цифровой трансформации, которая является одной из национальных целей развития экономики России [10]. Однако на протяжении уже нескольких лет экономика России переживает экономический кризис, отстает от ведущих стран мира по показателям цифровых технологий (таблица 1). В стране сохраняется высокая ресурсоемкость отечественных производств, слабо внедряются современные методы и средства цифровой экономики. В то время как цифровая трансформация может в определенной мере ликвидировать отставание страны.

Профессора из Национального университета Сингапура, указывая на отсутствие общепринятого определения, предложили оценивать цифровую экономику долей ВВП, приходящейся на сектор ИКТ. В 2018 году объем мирового рынка ИТК оценивался в \$3,7 трлн, а в 2021 году он достиг \$4,24 трлн [19]. На сессии Давосского экономического форума Г. Греф указал на то, что в 2017 году доля «цифровой экономики» в ВВП составляла 4%, а к 2025 году будет составлять половину экономики России.

Итоги экономического развития за 2020 год показали, что пандемия коронавируса изменила экономическую ситуацию во всех странах [20], а вводимые ограничения снизили спрос на товары и услуги. Агентство Gartner прогнозировало падение мирового ИКТ-рынка на 8%, а российского – на 30%. Ожидания относительно России не оправдались: ВДС в ИКТ-отрасли в 2020 году по сравнению

с 2019 годом увеличилась на 2,8% [21]. По итогам 2020 года в России вклад сектора информационной индустрии в ВВП достиг 2,528 трлн руб. или 3,3% (2019 г. – 2,9%), однако это меньше показателя Южной Кореи и Великобритании (10-11%), Японии, Швеции, США (6-7,5%) [22].

За период 2017-2020 годы число успешных компаний ИКТ в России возросло до 2134, 63% которых находятся в Москве, Санкт-Петербурге и Московской области. Доля предприятий, связанных с разработкой программного обеспечения, увеличилась в 2017-2020 годы до 72% [23]. Лидерами в использовании цифровых технологий являются компании сферы телекоммуникаций и торговли, с индексом цифровизации бизнеса в 2019 году 44,5 и 39,2 пунктов соответственно. Количество компаний с низким уровнем цифровизации в мае 2021 года снизилось до 11% (февраль 2020 года – 20%) [17].

Большую роль в активизации процессов цифровой трансформации играет финансирование и инвестирование в информационные технологии, неравномерность которых отмечается по регионам: на Москву выделяется около 40% госрасходов на информационные инновации, по итогам 2018 года в рейтинге городов мира по локальному индексу онлайн-услуг Москва заняла 1 место.

Цифровая зрелость – это один из 20 утвержденных в 2020 году критериев, который в том числе используется для оценки эффективности деятельности губернаторов субъектов РФ [24]. Минцифры России разработало Методику определения уровня цифровой зрелости в ключевых отраслях экономики и социальной сферы, который определяется:

- количеством специалистов, использующих ИТ-продукты, численность которых к 2030 году достигнет 10,8 млн человек (2019 – 8,7 млн человек);
- объемом отраслевых вложений на внедрение современных цифровых решений, который к 2030 году составит 3,4 трлн руб. (2019 – 1,7 трлн руб.);
- уровнем цифровой зрелости в 12 отраслях экономики и социальной сферы (для субъектов РФ 5 отраслей).

Под «цифровой зрелостью регионов» понимают уровень цифровизации органов исполнительной власти и местного самоуправления, а также тех отраслей экономики и социальной сферы, которые определены для регионального уровня.

В работе сформулированы цели деятельности социально-экономических субъектов для достижения цифровой зрелости (таблица 2) и установлено, что комплексный анализ уровня цифровой зрелости региона должен включать:

- выявление и анализ факторов, определяющих уровень цифровой зрелости региона;
- определение сильных и слабых сторон в цифровом развитии региона;
- установление стратегических точек роста;
- оценку эффективности управленческих решений для повышения уровня цифровой зрелости.

Для анализа факторов цифровой зрелости региона, установление стратегических точек роста разработана система показателей PESTI-анализа, как инструмент для определения стратегии в долгосрочном периоде, который охватывает пять базовых сфер: политическую, экономическую, социальную, технологическую, инфраструктурную (таблица 3). Выяснено, что одной из главных точек роста в области цифровой трансформации является повышение цифровой грамотности сотрудников.

Установлено, что уровень цифровой зрелости госуправления значительно отличается: в Москве, Московской области и Татарстане имеется значительный разрыв в сравнении с другими регионами. На 1.07.2021 года наибольшей «цифровой зрелости» достигли 9 регионов, низкое значение имеют 14, а средний уровень отмечен у 62 регионов, в том числе Ярославской области.

Важнейшим приоритетом развития Ярославской области является цифровая трансформация, во 2 квартале 2021 года по индексу цифрового развития регион занял 15 место среди субъектов РФ, а в ЦФО – 4 (41,8%). В области принята региональная целевая программа «Цифровая экономика Ярославской области» [26], в которой показаны целевые показатели развития (таблица 4), реализуется

38 проектов (27 федеральной и 11 региональной инициативы), среди которых выделим следующие: «Цифровая школа руководителя образовательного учреждения», «Создание единого цифрового контура в здравоохранении».

Таблица 4 – Целевые показатели программы «Цифровая экономика Ярославской области» [26]

Наименование показателя	Плановое значение показателя					
	2019, базовый	2020	2021	2022	2023	2024
Внедрены цифровые технологии и платформен-ные решения в сферах государственного управ-ления и оказания государственных услуг, %	0	100	100	100	100	100
Доля массовых социально значимых государ-ственных и муниципальных услуг, доступных в электронном виде, %	0	-	25	55	75	95
Количество социально значимых объ-ектов Яро-славской области, подклю-ченных к информაცი-онно-телекомму-никационной сети "Интернет", ед.	134	165	214	-	-	-
Оказано содействие в обеспечении под-готовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики (от запланированного объема), %	0	100	-	-	-	-

Источник: составлено автором

Объем финансирования региональной целевой программы составит 207,1 млн. руб., динамика по источникам финансирования показана в таблице 5.

Таблица 5 – Динамика объемов и источников финансирования региональной целевой программы Ярославской области, млн. руб.

Годы	Федеральные средства	Областные средства
2020	3,1	29,5
2021	18,0	23,1
2022	43,1	1,8
2023	86,4	3,6
2024	-	0,8

Источник: Постановление Правительства Ярославской области от 16 декабря 2019 года N 872-п

В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на базе ЯГТУ новые профессиональные компетенции в областях «кибербезопасность», «цифровой дизайн», «цифровой маркетинг» и др. получили более 4000 слушателей, 68% из которых женщины [6].

В Ярославском регионе 626,4 тыс. жителей зарегистрированы на портале Госуслуг, в том числе 85 % получают услуги в электронном виде. Почти у 60 % домохозяйств области имеется широкополосный интернет. В 2020 году построено 60 узлов доступа с Wi-Fi, 24 башни сотовой связи, введено в эксплуатацию оборудование 20 базовых станций [6]. Значения рейтинга руководителя по цифровой трансформации Ярославской области в сравнении с другими регионами показаны в таблице 6.

Таблица 6 – Рейтинг руководителей цифровой трансформации

Показатели	Ярослав- ская область	Тульская область	Липецкая область	Максимальный- балл
Цифровая зрелость	4,3	4,4	5,3	10
Внедрение платформы обратной связи	3,1	5,2	4,3	6
Кешбэк	1	1	1	1
Наличие стратегии цифровой трансформации региона	1	1	1	1
Наличие программы цифровой трансформации региона	0	0	0	1
Прохождение обучения по цифро-вой трансформации	1,1	4,3	4,9	5
Наличие планов работы у руково-дителей цифровой трансформации органов исполнительной власти	1	1	1	1
Оценка компетенций руководителей цифровой трансформации органов исполнительной власти	0,9	1	1	1
Итого	12,4	17,9	18,5	26

Источник: Доклад директор департамента информатизации и связи Ярославской области 17.09.2021

Прогнозные значения достижения целевого показателя «цифровой зрелости» для субъектов РФ определены в «Методике расчета прогнозных значений целевого показателя «Достижение «цифровой зрелости»» на период до 2030 года» [25] и для Ярославского региона показаны в таблице 7.

Таблица 7 – Прогнозные значения показателя «цифровой зрелости», % [6]

Годы	Прогнозные значения «цифровой зрелости»	
	Ярославский регион	Российская Федерация
2019, базовый	0	0
2020	35	4
2021	40	11
2022	45	18
2023	50	25
2024	55	32
2025	60	39
2026	65	46
2027	70	53
2028	80	68
2029	90	84

Годы	Прогнозные значения «цифровой зрелости»	
	Ярославский регион	Российская Федерация
2030	100	100

Источник: Сборник: Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф, 9 декабря 2021 г., Ярославль С. 148-155

В соответствии с Методикой общая оценка «цифровой зрелости» в регионе проводится на основе индексов пяти секторов, каждая из которых условно вносит равный вклад в итоговую оценку – 20%, но характеризуется разным набором показателей: государственное управление – 7, развитие городской среды – 8, здравоохранение – 9, транспорт и логистика – 8, образование и наука – 12. Покажем расчет цифровой зрелости отрасли здравоохранения (таблица 8).

Таблица 8 – Целевые показатели цифровой зрелости отрасли здравоохранения Ярославской области на 31.12.2020 года

Показатели цифровой зрелости	Фактическое значение показателей, %	Целевое значение к 2030 году, %
Доля записей на прием к врачу, совершенных гражданами дистанционно, в том числе на ЕПГУ	31,9	90
Доля граждан, у которых сформированы интегрированные электронные медицинские карты, доступные в том числе на ЕПГУ	95	100
Доля граждан, находящихся на диспансерном наблюдении, по которым обеспечен дистанционный мониторинг состояния здоровья, в том числе на ЕПГУ	0	50
Доля медицинских организаций, обрабатывающих и хранящих цифровые медицинские изображения в центральном архиве медицинских изображений в том числе, 47 медицинских организаций подключено к ЦАМИ для просмотра изображений 73 аппарата (КТ, МРТ, УЗИ) из 24 медицинских организаций передают изображений в ЦАМИ	100	50
Доля врачебных консилиумов, проводимых субъектами Российской Федерации с НМИЦ Минздрава России с использованием видео-конференц-связи	100	100
Доля консультаций, проводимых врачом с пациентом, в том числе на ЕПГУ, с использованием видеоконференц-связи	0	50
Доля граждан, которым доступны врачебные назначения (рецепты) в форме электронного документа, в том числе на ЕПГУ	0	100
Доля приобретаемых за бюджетные средства лекарственных средств и препаратов, по которым обеспечен централизованный учет их распределения и использования	0	100
Доля станций (отделений) скорой медицинской помощи, подключенных к единой электронной системе диспетчеризации	100	100

Источник: отчет «Цифровая зрелость» отрасли здравоохранение ярославской области

Таким образом, цифровая зрелость ярославского здравоохранения на 31.12.2020 года составила: $(31,9/90+95/100+0+1+1+0+0+0+1)/9*100 = 47,8\%$.

Лидерами в рейтинге цифровой зрелости субъектов РФ в сфере здравоохранения по итогам 2020 года стали Тульская и Тамбовская области.

Заключение

Анализ развития цифровой экономики показал, что Россия отстает от ведущих стран по готовности принять цифровые технологии в качестве главного фактора преобразований в экономике, по динамике развития ИКТ-инфраструктуры, по уровню инновационной активности, по степени готовности к использованию услуг электронного правительства и др. В соответствии с Указом Президента России цифровая трансформация стала одной из национальных целей развития страны, а показатель цифровой зрелости определен как один из критериев оценки деятельности регионов.

Система показателей PESTI-анализа, оценивающая факторы, влияющие на уровень цифровой зрелости региона, использована как инструмент для определения стратегии региона в долгосрочном периоде.

Дальнейшие направления исследования должны быть связаны с анализом подходов к оценке цифровой зрелости региона, с расчетом показателей, оценивающих уровень цифровой зрелости региона и связанных с формированием нового цифрового управленческого мышления, а также с разработкой путей повышения уровня цифровой зрелости госуправления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цифровизация экономических систем: теория и практика: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – 796 с.
2. Елохов А.М., Александрова Т.В. Подходы к оценке результатов цифровой трансформации экономики России // Учет. Анализ. Аудит. – 2019. – № 6 (5). – С. 24-35.
3. Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Цифровизация и трансформация хозяйственной системы // Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен: коллективная монография. – Тверь, 2020. – С. 197-217.
4. Родионов Д.Г., Конников Е.А., Сергеев Д.А. Исследование механизмов взаимодействия субъектов цифровых экономических систем // Экономические науки. – 2020. – № 191. – С. 25-31.
5. Плотников В.А. Цифровой потенциал экономической системы // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах. Сборник научных трудов 9-й международной научно-практической конференции. – Курск, 2020. – С. 55-59.
6. Батракова Л.Г. Цифровая зрелость в регионах России / в сборнике: Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф, 9 декабря 2021 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2021. – С. 148-155.
7. ВЭФ прогнозирует упразднение 85 млн рабочих мест к 2025 году из-за новых технологий. URL: https://fbm.ru/novosti/society/vjef-prognoziruet-uprazhdenie-85-mln-rabochih-mest-k-2025-godu-iz-za-novyh-tehnologij.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 12.01.2022).
8. Кадры в эпоху цифровой экономики / РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20191230/1562653998.html> (дата обращения 22.01.2022).
9. Батракова Л.Г. Формирование цифровых навыков и компетенций для развития цифровой экономики // В книге: Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XIV всероссийской научно-методической конференции. – Издательство: ООО «Филигрань», 2020. – С. 23-24.
10. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 №474 «О национальных целях раз-

вития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 23.12.2021).

11. Батракова Л.Г. Модель человеко-ориентированной цифровой экономики России // В сборнике: РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. Москва, 2021. С. 505-511.

12. Батракова Л.Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 51-64.

13. Батракова Л.Г. Развитие цифрового управления в регионах // Социально-политические исследования. – 2019. – № 2 (3). – С. 45-60.

14. Батракова Л.Г. Анализ уровня развития цифровой экономики // В сборнике: Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы 73-й научно-практической конференции. Под научной редакцией Л.В. Байбородовой. – 2019. – С. 181-188.

15. Батракова Л.Г. Определение и измерение цифровой экономики / В сборнике: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА. Сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ. Образовательная организация высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». – 2019. – С. 217-222.

16. Батракова Л.Г. Статистический анализ развития цифровой экономики // В сборнике: Институциональные основы экономики опережающего развития. материалы международной научно-практической конференции. под науч. ред. Л.Г. Батраковой. – 2019. – С. 118-131.

17. «Цифровая экономика: 2021»: Краткий статистический сборник <https://issek.hse.ru/news/420475066.html> (дата обращения 12.01.2022).

18. Batrakova L.G. THE COMPETITIVENESS OF THE REGION: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF RESEARCH // Journal of Regional and International Competitiveness. 2021. № 2 (3). С. 4-12.

19. ИКТ (мировой рынок). Сайт TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. 21.01.2022. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИКТ_%28мировой_рынок%29#.2A.D0.9C.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.B9_.D0.98.D0.9A.D0.A2-.D1.80.D1.8B.D0.BD.D0.BE.D0.BA_.D0.B2.D1.8B.D1.80.D0.BE.D1.81_.D0.BD.D0.B0_9.25.2C_.D0.B4.D0.BE_.244.2C24_.D1.82.D1.80.D0.BB.D0.BD (дата обращения 25.01.2022).

20. Батракова Л.Г. Экономическая ситуация на фоне эпидемии коронавируса диктует свои условия // В сборнике: Последствия и вызовы пандемии коронавируса для технологического и социально-экономического развития общества. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль, 2020. – С. 147-152.

21. Доля ИКТ-сектора в российском ВВП достигла рекордных 3,1%. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/246490451> (дата обращения 12.01.2022).

22. США вдвое превзошли Россию по вкладу информационной индустрии в экономику. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/09/2017/59ccfb329a79476866368f5a> (дата обращения 21.01.2022).

23. Развитие сектора информационно-коммуникационных технологий в России. URL: <https://ict.moscow/research/razvitie-sektora-informatsionno-kommunikatsionnykh-tekhnologii-v-rossii/> (дата обращения 5.12.2021).

24. Указ Президента России от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102040027> (дата обращения 5.01.2022).

25. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.12.2020 № 600 «Об утверждении методик расчета целевых показателей националь-

ной цели развития Российской Федерации» (ред. от 14.01.2021). URL:<https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintsifry-rossii-ot-18112020-n-600-ob-utverzhdanii/#100834> (дата обращения 13.01.2022).

26. Постановление Правительства Ярославской области от 16 декабря 2019 года N 872-п «Об утверждении региональной целевой программы «Цифровая экономика Ярославской области на 2020 - 2024 годы» (с изменениями на 22 июня 2021 года). URL:<https://docs.cntd.ru/document/561688363> (дата обращения 13.01.2022).

27. О рейтинге руководителей цифровой трансформации субъектов Российской Федерации. URL: https://www.yarregion.ru/DocLib16/17_09_21%20Рейтинг%20руководителей%20цифровой%20трансформации.pdf

28. «Цифровая зрелость» отрасли здравоохранения Ярославской области. URL:<https://www.yarregion.ru/DocLib16/02-02-21-Averkin.pdf>

Identification and assessment of factors affecting the digital maturity of regions

Batrakova Lyudmila Georgievna

Doctor of Economic Sciences, Professor,

Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the process of digital transformation, which has affected all areas of business, but proceeds ambiguously, because even the developed countries of the world are at different levels of «digital maturity». Digital transformation is not the achievement of abstract maturity, but the conquest of its level that corresponds to the subject itself. Therefore, the analysis of the problems of digitalization development, in particular, the tasks of assessing and identifying factors affecting digital maturity, is attributed to the actual tasks of modern research.

The transition to digital technologies increases the competitiveness of the national economy, they not only help to solve communication, management, educational and other tasks, but also provide an opportunity to improve the quality of public services. The paper formulates the goals of socio-economic entities to achieve digital maturity. It is noted that the achieved level of human capital has become a significant factor in the development of the digital economy. And here it is important to understand that the digital economy has significantly changed the labor market, digital skills and abilities have become the most important, new professions have appeared, the set of competencies has ceased to be static, and specialty profiles have become dynamic.

As a result of the study, it was found that the level of digital maturity differs significantly in regions and municipalities, and such differentiation complicates the digital transformation of public administration and requires measures taking into account regional specifics. In the work, a system of PESTI-analysis indicators was formed to establish strategic growth points and assess factors affecting the level of digital maturity of the region. The importance of the digital maturity indicator is enhanced by the fact that it is included in the criteria for the rating of leaders of the digital transformation of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: region, digital transformation, digitalization, rating, digital maturity, innovation, strategic goals, PESTI-analysis

Рецензия на статью С.В. Шкиотова и М.И. Маркина «Сравнительный анализ российских краудлендинговых платформ»

Варавва Маргарита Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент,

Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Российская Федерация.

E-mail: margur2010@mail.ru

Представленная статья авторов С.В. Шкиотова и М.И. Маркина «Сравнительный анализ российских краудлендинговых платформ» (журнал «Теоретическая экономика», 2021 год, № 12) отражает специфику функционирования краудлендинговых платформ на рынке p2b-займов. Актуальность выбранной проблемы не вызывает сомнения и обусловлена тем, что в настоящее время происходит активная диффузия цифровых технологий в финансовый сектор экономики, что закономерно порождает новые сервисы и модели инвестирования.

Современная Индустрия 4.0 инициировала различного рода формы деловой активности на базе платформенной или гиг-экономики. Не остался в стороне от этого процесса и инвестиционный бизнес, который активно внедряет новые инструменты и ищет неосвоенные сегменты финансового рынка.

Так, определенный интерес и инвестиционную привлекательность приобретает процесс безвозвратного инвестирования частного бизнеса через краудфинансирование, т.е. коллективного финансирования в коммерческие и некоммерческие проекты, что позволяет аккумулировать и объединить необходимые денежные средства и ресурсы инвесторов, желающих получить доступ к интересующему их проекту (часто стартапу). На базе краудфандинга сегодня в самостоятельную модель выделился краудлендинг, отличающийся тем, что инвестор может получить доход, прибегая к посредническим услугам краудлендинговой платформы, а заемщик - к свободным ресурсам на условиях кредита.

К настоящему времени в зарубежных и отечественных научных источниках уже сформировался разносторонний контент по проблеме трансформации финансовых услуг на фоне стремительного развития информтехнологий. Подавляющее большинство работ отражает всё-таки процедуру и специфику собственно краудфандингового финансирования. В период 2017-2021гг. появились исследования, в которых в качестве самостоятельного сегмента краудфандинга отечественные экономисты стали выделять альтернативное финансирование как доходный вид инвестиционной активности. В этом аспекте в ряду заметных и дискуссионных стоит отметить работы Ждановой О.А., Захаровой А.Н., Миляева К.В., Недзвецкого Н.С., Пашковской И.В., Сироткина А.С., Шангиной И.Ю., Филиппова Д.И., которые обозначили подходы к определению сущности, механизму, специфике платформенного краудлендинга. Многие авторы солидарны и рассматривают краудлендинг как коллективное кредитование [1]; «финтех» [2] или «Финтех 3.0» [3], платформы «равноправного p2b-кредитования» [4], пиринговые децентрализованные сети равноправных участников («займы без участия») [5]; кредитование «толпой» [6] и т.д. Исследователи подводят к выводу о том, что стала «складываться новая экосистема, которая является одним из новых и ещё крайне слабо освоенных инструментов финансирования малых предприятий и стартапов» [7].

Блиц-обзор отдельных публикаций по проблемам платформ p2b-кредитования позволяет сделать вывод о том, что они носят в основном описательный, теоретический характер осмысления

зарождения и обоснования необходимости нового финансового феномена в современной цифровой экономике.

Научная статья авторов С.В. Шкиотова и М.И. Маркина вносит определенный вклад в методологию исследования краудлендинговой модели инвестирования и может быть позиционирована как аналитический обзор. Несомненным преимуществом работы является её доказательность фактическим и цифровым материалом: на основе актуальных статистических данных авторами предпринят мониторинг современного состояния ведущих краудлендинговых площадок в России за период 2018-2020 гг. В центре исследования лежит идея доказательно подтвердить, насколько данный инвестиционный инструмент работает, востребован в национальной экономике и каковы его перспективы. Представленный сравнительный анализ 9-ти российских краудлендинговых платформ-лидеров: ООО «Платформа No1», ООО «Ко-Фи», ООО «Карма Техно-лоджи», ООО «Город Денег», ООО «Платформа Капитоль» и др. - позволил авторам сделать вывод о том, что минимальная цена краудлендинговых кредитов варьируется от 17 до 25% годовых; прослеживается тяготение к диверсификации деятельности (это означает, что игроки смогли найти свои привлекательные ниши на рынке инвестиционных услуг), часть игроков финансируют компании, участвующие в госзакупках и госконтрактах, кто-то имеет в фокусе финансовых интересов сугубо региональные компании.

В статье отмечено, что, несмотря на институциональную незавершенность и специфические особенности (например, низкая степень специализации и отсутствие на отечественном рынке специализированных пиринговых платформ), рынок краудлендинговых инвестиций в РФ имеет определенную привлекательность для субъектов: это простота и скорость процедуры рассмотрения заявки на привлечение средств; отсутствие скрытых комиссий; оформление займов онлайн с минимальным набором документов [8]. Можно продолжить данный перечень факторов притяжения потенциальных участников краудлендинга:

- получение высокого уровня пассивного дохода за счёт более выгодных процентных ставок по сравнению с банковскими депозитами (средний размер номинальной доходности инвестиций составляет 20% годовых);

- минимальный инвестиционный порог (барьер входа на российские краудлендинговые площадки варьируется от 1 тыс. до 100 тыс. рублей);

- возможность для получателей заемных средств финансировать свои проекты в сжатые сроки;

- возможность максимальной диверсификации портфеля займов [9];

- целевое назначение/использование краудлендингового займа не является его обязательным условием;

- краудлендинговая модель (при всех её несовершенствах) является альтернативой в плане распределения рисков между участниками в условиях венчурного вакуума.

Делая акцент на том, что для всех акторов краудлендинг - не только высокодоходный, но и высокорисковый инструмент инвестирования, авторам логично было бы расширить очевидные риски краудлендинга. К таковым следует отнести:

- более низкий уровень устойчивости краудлендинговых платформ (по сравнению с традиционными кредитными институтами) к различным негативным конъюнктурным внешним и внутренним факторам;

- невозврат средств и потенциальные обременения (рост долговой нагрузки в случае неисполнения обязательств заемщиком);

- неполнота и двусторонняя аллокация информации (с одной стороны, краудлендинговая площадка располагает большим массивом информации, чем остальные участники инвестирования, с другой стороны, отсутствие у нее достоверной информации о кредитной истории и платежной состоятельности клиентов-заемщиков);

- отсутствие внятных параметров стандартизации системы оценки и цифровой идентификации клиентов;

- высокая доходность для инвестора – также очевидный риск;

-краудлендинговая площадка выступает трасфером (посредником) между инвестором и заемщиком, предоставляет лишь минимальную актуальную информацию заинтересованным лицам, но не даёт никаких гарантий (инвестор априори вынужден доверять конкретной платформе, её гудвиллу и профессионализму);

- любые цифровые платформы несут сугубо латентные виды рисков (мошеннические действия, киберпреступления, хакерские атаки, отказ, сбой компьютерных систем, операционная ненадежность, потеря информации и пр.).

Следует отметить, что авторы склоняются к выводам о том, что краудлендинговые платформы, даже с учетом высоких рисков, становятся альтернативным инструментом привлечения финансовых ресурсов на фоне более дешевых, но труднодоступных банковских кредитных продуктов. И, по прогнозам аналитиков и экспертов, объем финансирования на инвестиционных площадках России к 2023 году может возрасти до 40 млрд. рублей (для сравнения: в 2020г.- 7 млрд руб.; в 2021г.- 11 млрд. руб.) [10].

Как известно, положительным итогом инвестирования является отдача от умножающих эффектов (эффект «камня, брошенного в воду»). Не являются исключением в этом аспекте краудлендинговые платформы в плане:

1. Коллективное инвестирование повышает уровень внешней конкуренции, а значит, расширяет возможности и выбор потребителей свободных денежных ресурсов.

2. Обладают определенной социальной ценностью: обеспечивают более демократичный доступ к финансовым услугам мелким инвесторам и малому предпринимательству, способствуя созданию дополнительных рабочих мест, развитию новых творческих инициатив, социальных новаций, стартапов [11], бизнес-идей и проектов.

3. Стимулируют генерацию новых финансовых продуктов, сервисов, моделей, инноваций на постоянной основе: новые финтехнологии, в свою очередь, порождают синергетические эффекты в разных сферах человеческой деятельности. Есть примеры, когда кредитование «толпой» способствовало реализации нетривиальных уникальных инициатив, которые не смогли финансово заинтересовать традиционных инвесторов. Такая финансовая модель может быть успешно использована для регионов с недостаточными бюджетами [см., например 12], когда инициатива инвестирования важных, пусть и не крупных социальных проектов, идет «снизу».

4. Помогают созданию и совершенствованию необходимых инфраструктурных объектов, что способствует эффекту разнообразия и диверсификации краудлендинговых услуг.

Таким образом, заявленная статья С.В. Шкиотова и М.И. Маркина «Сравнительный анализ российских краудлендинговых платформ» актуализируют тематику платформенного инвестирования, расширяет границы для дальнейших исследований в данном направлении, популяризирует прикладные аспекты краудлендинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сироткин А.С. Диджитализация и краудфинансы: особенности и перспектива в сфере финансовых технологий // Вопросы инновационной экономики. 2019. Том 9. № 4. С. 1661-1676.

2. Maier E. Supply and demand on crowdlending platforms: connecting small and medium-sized enterprise borrowers and consumer investors. // Retailing and Consumer Services. 2016. № 33. p.143-153.

3. Филиппов Д.И. О влиянии финансовых технологий на развитие финансового рынка // Российское предпринимательство / Russian Journal of Entrepreneurship. 2018. Том 19. № 5. С. 1437-1464

4. Пашковская И.В. Краудлендинговые операции: основные модели и перспективы развития // Вестник Евразийской науки The Eurasian Scientific Journal. 2018. Том 10. №3. URL: <https://esj.today/PDF/91ECVN318.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

5. Жданова О.А. Пиринговое кредитование: сущность, классификация и развитие в России //

Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 11. С.17-25

6.Недзвецкий Н.С. Финансовый потенциал «толпы»: российский и европейский краудфандинг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 6. С. 126-138.

7.Миляев К.В., Жданова О.А. Роль крауд-сервисов и пирингового кредитования в развитии венчурной экосистемы России // Аудитор. 2016. № 8. С. 48-53.

8.Шкиотов, С.В. Сравнительный анализ российских краудлендинговых платформ / С.В. Шкиотов, М.И. Маркин // Теоретическая экономика. 2021. № 12. С.49-59.

9.Шангина И.Ю. Анализ и перспективы развития мирового и российского рынка краудлендинга // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 10. С. 2383-2396.

10. Краудлендинг: найти баланс между инвестором, заемщиком и регулятором.URL: <https://expert.ru/ural/2021>(дата обращения: 15.01.2022).

11.Захарова А.Н. Краудфандинг: зарубежный опыт и перспективы развития в России //Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. Том 8. № 2. С. 282-285.

12. Гордеев В.А. Региональные финансы поют грустные романсы (на примере Ярославской области)// Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2020. №1 (43). С. 17-23.

Манифестация капиталорасизма, выполненная представителем банковской элиты в России

Субетто Александр Иванович

доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук,
Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: subal1937@yandex.ru

Введение. В газете «Советская Россия» от 23 сентября 2021 года на первой странице в рубрике «Из последних новостей» была опубликована короткая заметка «ЦБ призвал не ждать государственных пенсий» [1]. В ней была сообщена читателям газеты – гражданам России такая новость (я бы её назвал «сногшибательной новостью»):

«Первый зампред ЦБ Сергей Швецов заявил на расширенном заседании комитета Совета Федерации по экономической политике:

«Помогать пенсионерам, моё личное мнение, немножко поздно. Помогать нужно гражданину выйти на пенсию с хорошим пенсионным проектом, который прежде всего <...> должен быть сформирован самим гражданином в течение всей жизни. Это называется капитализм. Когда человек вышел на пенсию, полагаясь полностью на государство, это социализм. Мы скорее ближе к нашему советскому прошлому в этом плане, и предложение ЦБ и Минфина – как раз эту трансформацию начать».

Далее этот «представитель» так называемого «регулятора», роль которого в России на рынке денег и ценных бумаг выполняет Центральный Банк (ЦБ), и соответственно представитель банковской элиты в России, поставил вопрос о «настройке» «пенсионных институтов» в России: «Это могут быть пенсионные фонды, страховые компании, в конце концов – покупка недвижимости, которая поможет человеку при её сдаче в аренду». И далее этот уважаемый банковский управленец высшего ранга добавил, что «поддержкой на пенсии может быть и пассивный доход от акций и других финансовых инструментов».

Иными словами, то, что прозвучало из уст первого зампреда ЦБ Сергея Швецова, есть предупреждение, обращенное к российским пенсионерам: время пенсионной системы, надежность которой обеспечивалась государством, заканчивается. «Выживайте в этом «рынке» кто как может, а кто не может – тому дорога на погост» – вот смысл, который скрывается в этой манифестации социал-дарвинизма, или уже в моём определении – капиталорасизма.

Основная часть. Удивительное совпадение состоит в том, что именно в сентябре этого года была опубликована моя небольшая работа под названием «Капиталорасизм» [2]. Развивая свою теорию капиталократии (первая моя работа по теории капиталократии «Капиталократия» была опубликована в 2000 году [3]) я ввёл в этой работе новое понятие «капиталорасизм».

Я в «Капиталорасизме» писал [2, с. 12, 13]:

«... «империализм» есть своеобразный «лик» строя капиталократии, который, начиная с начала XX-го века, трансформировался в течение [этого] века в строй мировой финансовой капиталократии [...]. «Мировой Столицей», т.е. основной страной базирования», системы глобального империализма стали США.

Мировая капиталократия – это многоуровневая система капиталовластия [...], «вершину» которой венчает мировая финансовая капиталократия, «ядром» которой являются долларовые триллионеры-акционеры Федеральной Резервной Системы (ФРС), которых В.Ю.Катасонов [...] назвал «хозяевами денег».

Именно финансовый капитал США, Великобритании, Франции в течение 20-х – 30-х годов XX

века «питал» ресурсами создание военной машины Гитлера и упорно направлял её «на восток» на уничтожение СССР.

Для идеологического оправдания империализма появлялись на протяжении всей истории капитализма и появляются до сих пор различные «расистско-цивилизаторские теории», частным, и радикальным, прецедентом которых и стал гитлеровский фашизм, – и за которым стоит «капиталорасизм».

«Капиталорасизм» – это «расистское» измерение империализма, его скрытая идеология, прикрываемая либерализмом и его ценностями свободы, индивидуализма и эгоизма.

Он есть своеобразное «расистское самосознание» «верхов» – «хозяев денег» в структуре мировой финансовой капиталократии, – самосознание, в котором формируется безжалостное отношение к «лишним людям», к тем, которые не нужны с позиции восходящего воспроизводства мирового капитала.

Этот «капиталорасизм» есть «почва», на основе которой и воспроизводит себя «мировой капитализм» по Дж. Соросу [...], или в моём определении, с позиции теории глобального империализма, строй мировой финансовой капиталократии [...]» (конец цитаты).

«Капитализм» в чистом виде, к которому апеллирует С. Швецов [1], не может себя воспроизводить на собственной основе. Он нуждается для своего воспроизводства не только в эксплуатации наемного труда в собственной стране, но и в эксплуатации экономических колоний, «деля» весь мир на «метрополию» системы глобального империализма (к ней относятся США, страны англо-американского мира, Западной Европы, Япония) и страны её «периферии», так называемые «развивающиеся страны», а по сути – «экономические колонии», за счет эксплуатации которых воспроизводит себя «капитализм метрополии», а вернее – строй мировой финансовой капиталократии. Только страны, принявшие социалистический путь развития, «вырываются» из этой системы и являются альтернативой ей.

Центральный Банк России, имеющий юридическую регистрацию в Нью-Йорке, на деле, де-факто есть «инструмент» мировой финансовой капиталократии (в систему механизмов которой кроме ФРС, входит МВФ, ВТО, Мировой банк и др.) и осуществляет де-факто политику экономической колонизации России. Финансовый и экономический суверенитеты России требуют, чтобы он стал государственным, находился в подчинении Правительства РФ.

Примером «капиталорасизма в действии» являются модель «20% : 80», принятая на совещании мировых олигархов в сентябре 1995 года в отеле «Фермонт» в Сан-Франциско (штат Калифорния, США). Я опираюсь на свидетельства немецких журналистов Г.-П. Мартина и Х. Шуманна, представленные в книге «Западная глобализация» [4]. В соответствии с этой моделью для воспроизводства мирового капитала в XXI веке требуется наемный труд, олицетворяемый только 20% населения планеты, остальные 80% – «лишние». Эти немецкие журналисты так описывают эту капиталорасистскую, я это подчеркиваю, модель, рожденную в «головах» мировых «хозяев денег» более 25 лет назад [4, с. 20]:

«Прагматики в Фермонте оценивают будущее с помощью пары цифр 20:80 и некоей концепции титтитейнмент. В следующем столетии (мое замечание: т.е. в XXI столетии, в котором мы живем уже 3-е десятилетие) для функционирования мировой экономики будет достаточно 20 процентов населения. «Большой рабочей силы» не потребуется», – полагает Вашингтон Саймон Сип. Пятой части ищущих работу хватит для производства товаров первой необходимости и предоставления всех дорогостоящих услуг... Эти 20 процентов в какой-бы то ни было стране будут активно участвовать в жизни общества, зарабатывать и потреблять, и к ним, пожалуй, можно добавить ещё примерно процент тех, кто, например, унаследует большие деньги» (конец цитаты).

А у остальных 80% населения планеты Земля, т.е. 80% человечества, по Джереми Рифкину, «будут колоссальные проблемы». По этому поводу главный управляющий Sun Microsystems Гейдж, по свидетельству Мартина и Шуманна, «отпустил» такой саркастический комментарий [4, с. 21]: «Либо ты ешь на ленч, либо на ленч едят тебя». Вот и изготовилась мировая финансовая капиталократия

«есть на свой ленч» жизни 80% населения Земли в течение XXI века.

А чтобы эти 80% названных «лишними» не понимали, что они – «лишние» в этом «раю капиталоизбранных» и им уготовлен процесс «вымирания», генерируемый разными способами, не понимали, что с ними происходит, З.Бжезинский и придумал тогда, в 1995 году, стратегию их оболванивания с одновременным «удушением» – «титтейнмент» (слово, составленное из двух английских слов – «tits», означающее женские груди, и «retainment» – развлечение).

Здесь, в этой модели «20% : 80%», мы видим конкретизацию принципа Гоббса, как принцип «капитализма», столь любимого С.Швецовым [1], – «человек человеку – волк», или «война всех против всех», что между прочим еще раз подтвердил Дж.Сорос в своей книге «Кризис мирового капитализма» [5].

Предполагаю, что эта модель «20% : 80%» возникла в головах мировых «хозяев денег» намного раньше 1995-го года. Это предположение возникает у меня и в связи со свидетельством А.П.Паршева в его книге «Почему Россия не Америка» [6]. Он пишет [6, с.5], что в конце 80-х годов, слушая в звукозаписи «как-то публичное выступление М.Тэтчер по внешней политике», был поражен её высказыванием-прогнозом: «...говоря о перспективах СССР, она заявила примерно следующее, никак это не пояснив: «на территории СССР экономически оправдано проживание 15 миллионов человек».

Уже тогда «коллективный интеллект» мировой финансовой капиталократии, внедряя в головы «советских» и «партийных» верхов в СССР необходимость стратегии рыночных реформ, вхождения советской экономики, на рыночно-капиталистической основе, в «мировой рынок», запланировал рыночный геноцид населения нашей страны, понимая, что с позиции «мирового рынка», на базе мировых цен, при нашем холодном климате, т.е. высокой энергетической стоимости воспроизводства жизни общества, мы обречены на вымирание, более: 90% населения России – СССР становятся «лишними», обрекаемыми на уход из жизни.

Высказывание представителя банковской элиты высокого ранга, все-же-таки – первый зампред ЦБ, Сергея Швецова оказывается, независимо от тех мотивов, которыми он руководствовался, укладывается по своей направленности в эту «капиталорасистскую модель» мировой финансовой капиталократии «20% : 80%». Как материализуется «капиталорасизм» мировой финансовой капиталократии на практике, именно – как идеология и как ценностная установка, прикрываемые «рынком» и «конкуренцией», хорошо показал известный политэконом профессор В.Ю.Катасонов в книге «Закат эпохи либерализма. Хроника финансового Апокалипсиса» [7] на примере книг и лекций Айн Рэнд в США, в которых она открыто проповедовала «философию ничем не замутненного социал-дарвинизма», которую её критики в самих США и в Европе, по свидетельству Катасонова, назвали «новой версией расизма и даже фашизмом». По Айн Рэнд – те, кто не сумел нажиться, кто не стал в её образно-понятийной системе «атлантами» (так она назвала процветающих «хозяев денег»), являются «иждивенцами». Большинство этих «иждивенцев», или «паразитов», «не сумеют адаптироваться к новым условиям и погибнут. Туда им и дорога – таков смысл философии Айн Рэнд» (так комментирует эту «модель Айн Рэнд». В.Ю.Катасонов, – и как она, хотя и возникла за несколько десятилетий раньше, перекликается с фермонтской моделью 20% : 80%).

С.Швецов в своем выступлении на заседании комитета Совета Федерации по экономической политике [1] де-факто выступил адептом этой капиталорасистской модели.

Коль зашла речь о противостоянии «социализма» и «капитализма» именно в отношении содержания системы пенсионного обеспечения той части населения страны, которая проработала на благо нашего отечества необходимый нормативный срок жизни, я хочу обратить внимание на следующие важные теоретические положения, которые часто не попадают в «поле зрения» экспертов, когда затрагивается проблема «природы» пенсионной системы.

Социализм – это социально-экономический строй, и соответственно – система воспроизводства качества жизни общества, базирующаяся на общественной собственности на средства

производства, т.е. когда труд перестаёт быть «наемным», а становится действительно общественным, когда капитал становится подлинно или действительно общественным, а человек поднимается на уровень подлинного «субъекта истории», начинает сознательно творить свою историю и управлять её «ходом». Именно в силу этой «природы» социализма «социалистическая пенсия» по своей сути резко отличается от «капиталистической пенсии». Эта пенсия есть отложенная часть прибавочной стоимости, материализованная в совокупной социалистической собственности (основных фондах), и которая возвращалась советским труженикам, после ухода их на «заслуженный отдых», в виде соответствующих пенсий.

И когда была осуществлена грабительская приватизация, на базе «безымянных» ваучеров, а по существу – экспроприация народной собственности у народа – собственности, созданной трудом 4-х – 5-и поколений советских людей, то были экспропрированы (приватизированы) и источники получения пенсий советскими людьми. Их назвали «иждивенцами», в то время как «иждивенцами» были те, кто экспроприровал социалистическую собственность и до сих пор получает доходы, её эксплуатируя, или конвертируя в «денежный капитал» и вывозя его через «офшоры» за границу, в зарубежные банки. 30 лет эта социалистическая собственность, приватизированная и перешедшая в собственность кучки «сверхбогатых людей», называемых «олигархами», продолжают «держат» экономику России «на плаву», хотя и с явно продолжающимися процессами системной деградации.

«Капиталистическая пенсия» – другая по своей природе. Представитель наемного труда в этом «мире господства капиталократии» вынужден откладывать часть своей заработной платы на будущее. И это при том, что действует жесткая дифференциация в оплате труда как внутри страны, так и в системе глобального империализма в целом.

Обращаю внимание, что пенсионеры в странах «метрополии» глобального империализма получают и зарплаты, и пенсии, в которых находится доля прибавочного продукта, полученного от эксплуатации экономических колоний.

Прав известный ученый, специалист в области компьютерного моделирования, Г.Г.Малинецкий, который в 2017 году опубликовал такой свой взгляд на несправедливость глобального распределения произведенных общественных благ [8]:

«Современный капитализм – это «многоэтажный мир», когда за одну и ту же работу люди в разных странах получают по-разному. Это тупик, это поздний Рим, раковая опухоль, когда 1% пожирает то, что есть у остальных 99%. В результате 1% губит себя и остальные 99%».

С.Швецов, как представитель финансовой капиталократии в России, являющейся в свою очередь частью мировой финансовой капиталократии, «верхи пирамиды» которой находятся в США и Великобритании, на мой взгляд, «озвучил» растущую тревогу в этих кругах и поставил вопрос о капитализации пенсий в России, т.е. выдвинул «проект» ухода государства и из этой области, назвав присутствие государства в этой пенсионной системе и его ответственность за пенсионное обеспечение населения – остатками советского социализма. Это ещё раз подтверждают, что ЦБ с его иностранной юрисдикцией продолжает действовать как «инструмент» мировой финансовой капиталократии, именно как экономико-колониальный механизм в России [2, 7].

Есть еще один важный момент в переживаемой нами исторической эпохе, как, в моей оценке, – Эпохи Великого Эволюционного Перелома. Суть этого момента состоит в том, что «мировой капитализм» в определении Дж.Сороса, или система глобального империализма мировой финансовой капиталократии, да еще с человеконенавистническим самознанием в форме капиталорасизма, в начале XXI века превратилась в систему экологическо-го самоубийства.

По результатам моих исследований-обобщений и по моей диагностике человечество уже на рубеже 80-х – 90-х годов вошло в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, процессы которой уже стремительно развиваются вот уже 30-ть последних лет, грозя перейти «точку невозврата», когда смерть человечества станет неотвратимой, приблизительно в период между 2030-м и 2050-м годами.

Еще в начале 70-х годов американский эколог Б.Коммонер в книге «Замыкающийся круг» [9] именно с экологических позиций поставил де-факто вопрос об упразднении частной (капиталистической) собственности на средства производства, подчеркнув, что технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества – экосферу. Для сравнения стоит напомнить редко цитируемое определение коммунизма, данное К.Марксом, [10, с. 116]: коммунизм есть «положительное упразднение частной собственности и в силу этого подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека», и одновременно (именно благодаря этому) «действительное разрешение противоречия между человеком и природой».

Теперь за дело «упразднения частной собственности» и «действительное разрешение противоречия между человеком и природой» взялась сама Природа. Но разрешение этого «противоречия» уже с помощью гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля может произойти через экологическую гибель человечества.

Вот какой вердикт был вынесен в Докладе [11], написанном в 1991 году – в году, когда в СССР доминировали «философия», «идеология», всякие «слоганы», устремленные на проведение радикальных рыночных реформ, – группой ученых во главе Р.Гудлендом, Г.Дейли и С.Эль-Серафи: в экологически заполненной земной нише, которую занимает человечество, рынок, как механизм развития экономики, исчерпал себя.

Именно чувствуя это, известный американский философ и социолог Иммануил Валлер-стайн, в отличие от позитивного взгляда на «капитализм» со стороны С.Швецова, назвал «капитализм» (или «рыночную экономику», по И.Валлерстайну эти понятия – синонимы) «болезнью», которую «надо уметь остановить», пока она не уничтожила организм общества» [12].

Я привёл цитаты, причем западных ученых-мыслителей отнюдь не марксистских взглядов только для того, чтобы более веско прозвучало мое утверждение: «мировой капитализм», как глобальный империализм строя мировой финансовой капиталократии, т.е. мировая рыночно-капиталистическая система, есть уже «экологический труп», в «объятиях которого» может «растаять как дым» будущее человечества в XXI веке.

Единственная стратегия спасения человечества от экологической гибели в XXI веке – это Ноосферный Экологический Духовный Социализм как социальная база Ноосферизма – нового пути развития человечества в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Заключение. Россия – уникальная евразийская цивилизация, которая именно вследствие ряда своих характеристик – суровый климат, высокая энергостойкость воспроизводства, большая территория в форме «Северной Евразии», общинность, доминанта действия закона кооперации – первой совершила в XX-ом веке Социалистический Прорыв человечества, затем – Космический Прорыв, предложила миру учение о переходе Биосферы в Ноосферу В.И.Вернадского, развитие которого превратилось в Русскую Ноосферную Научную Школу всемирного значения. Именно поэтому Россия должна стать «лидером» нового прорыва человечества к социализму в XXI веке – к социализму принципиально нового ноосферного качества, спасающего человечество от экологической гибели на рыночно-капиталистической основе развития.

Капиталорасизм как «идеология» и «самосознание» мировой финансовой капиталократии, в частности как его «лики» «социал-дарвинизм», «экономический дарвинизм», «фермонтская модель 20% : 80%», – есть «идеология» и «самосознание» капитализма, как системы экологического самоуничтожения.

И именно в этом контексте высказывание С.Швецова [1], с которого я начал свою эту «реплику на острую тему», является ярким выражением «нищеты философии» определенных представителей банковской элиты (надеюсь – не всех) в России.

«Призрак» зашагал по планете Земля в начале XXI века – «призрак», олицетворяющий собой будущий Ноосферный Экологический Духовный Социализм, берущий на себя миссию Прорыва

Человечества к невиданной ранее своей Ответственности – Ответственности за сохранение не только своей Жизни, но и всего разнообразия Жизни на Земле, представленного Биосферой, Разумом которой мы – человечество – и должны стать!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦБ призвал не ждать государственных пенсий// «Советская Россия. – 2021. – 23 сентября
2. Субетто А.И. Капиталорасизм: научно-философское эссе/ Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств д.ф.н., проф. А.В.Воронцова – СПб.: Астерион, 2021. – 44с.
3. Субетто А.И. Капиталократия (философско-экономические очерки). Избранные статьи и интервью. – СПб.: ПАНИ, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2000. – 214с.
4. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации. Атака на процветание и демократию – М.: «Альпина», 2001. – 335с.
5. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности/ Пер. с англ. – М.: ИНФРА, 1998. – XXVI, 262с.
6. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остаётся здесь. – М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2000. – 411с.
7. Катасонов В.Ю. Закат эпоха либерализма. Хроника финансового Апокалипсиса (Серия «Финансовые хроники профессора Катасонова». Выпуск VIII). – М.: Книжный мир, 2019. – 512с.
8. «Завтра». – 2017. – Август
9. Коммонер Б. Замыкающийся круг. – Л.: Гидрометеиздат, 1974. – 280с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42
11. Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Eds.) Environmental Sustainable Economic Development. Building Brundtland. Washington DC. World Bank, 1991
12. Шамир И. Каббала власти. – М.: Алгоритм, 2008. – 544с.